

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1885.

АПРѢЛЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

	Стр.
Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета В. Надлера	397—431
Наши новые „философы и богословы“ (продолженіе). Т. Стоянова	432—459
Одинъ изъ примѣровъ суевѣрія въ Римской церкви. Н. Ш.	460—469

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Исторія философіи въ отношеніи къ откровенію. М. Остроумова	297—311
Къ характеристикѣ взглядовъ и направленій въ современной западной литературѣ по вопросамъ религіознымъ и философскимъ. П. Р—ева	312—319
Изреченія древнѣйшихъ греческихъ мыслителей, выбранныя изъ сочиненій Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др. (продолженіе). Н. К.	320—335
Письма философа Сенеки (продолженіе). * * *	336—346

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Посланіе Святѣйшаго Правительствующаго Синода къ чадамъ православной Россійской Церкви, ко дню тысячелѣтія со дня блаженной кончины св. Меодія, архіепископа Моравскаго, просвѣтителя славянъ.—Определенія Святѣйшаго Синода.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, ВЪМЕЦКАЯ № 26.

1885.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, пзъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, однимъ словомъ все составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ пзслѣдованія пзъ области философіи вообще и въ частности пзъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и пзвлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человека и во время язычества составляло предметъ желаній и псканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія пзвѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчпой лавкѣ при Покровскомъ Архіерейскомъ Монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ, Московская, № 7; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея пзданія за прошлый 1884 годъ, по прежней цѣнѣ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по уменьшенной цѣнѣ, пменно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТАТЕЙ

БОГОСЛОВЕСКО-ФИЛОСОФСКОГО ЖУРНАЛА

„ВѢРА и РАЗУМЪ“

т. I.—ч II.

ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ.

Плутархъ Херонейскій и св. Василій (опытъ правильныхъ отношеній христіанства къ философіи).—*А. Дервизкаго* (стр. 1—27).

Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета Дроздова, въ послѣдствіи митрополита Московскаго (1809—1819) (продолженіе).—*И. Корсунскаго* (стр. 28—44, 85—98, 383—415, 460—485 и 725—741 *).

Значеніе воскреснаго дня въ общественной жизни христіанскихъ народовъ съ точки зрѣнія западныхъ моралистовъ (по Ригеру, Курциусу, Реглеру и Мартензену).—*К. Истомина* (стр. 45—64 и 99—130).

Клятва и новѣйшее государство (по К. Гартлибу—„Der Eid und moderne Staat. Eine theologische Studie. Heilbronn“. 1884).—*Т. Б—на* (стр. 65—84).

Живое слово (продолженіе).—Статья Преосвященнаго *Амвросія* (стр. 131—148 **).

Архіепископъ Иннокентій Борисовъ.—Биографическій очеркъ (продолженіе).—Свящ. *Т. Буткевича* (стр. 149—165, 207—223 и 354—382 ***).

Замѣтка на отвѣтъ г. Стоянова.—*Владимира Соловьева* (стр. 166—170).

Нѣсколько словъ о „замѣткѣ“ г. *Соловьева* на нашъ отвѣтъ ему.—*Т. Стоянова* (стр. 171—206 и 224—253).

Сужденія католиковъ о Россіи.—*Б.* (стр. 254—265).

Слово въ день тезоименитства Благочестивѣйшаго Императора

*) См. въ 1-й части страницы 557—578.

**) См. въ 1-й части страницы 779—794.

***) См. въ 1-й части страницы 340—361, 572—587 и 733—756.

Александра Александровича. — Преосвященнаго Амвросія (стр. 267—279).

Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). — Профессора Императорскаго Харьковскаго университета В. Надлера (стр. 280—336, 417—459, 506—537, 555—606 и 813—865)*).

Современное состояніе вопроса о соединеніи греческой Церкви съ римскою съ точки зрѣнія римско-католическаго журнала „L'Univers“. — И. (стр. 337—346).

Рѣчь къ студентамъ Харьковскаго Технологическаго Института, предъ его открытіемъ, 15 сентября 1885 года. — Преосвященнаго Амвросія (стр. 347—353).

Цисьма изъ Германіи. Нѣмецкій штундизмъ и русская штунда (письмо второе). — Діакона П. Румянцева (стр. 486—496).

Рѣчь по принесеніи присяги дворянствомъ Харьковской губерніи предъ началомъ очередныхъ выборовъ, 15 октября. — Преосвященнаго Амвросія (стр. 497—505).

Напи новые „философы и богословы“. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой. — М. Остроумова (стр. 538—553, 607—624, 672—693 и 742—787).

Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству. (По поводу брошюры Я. М. Прилукера: „Альтруистическія начала въ этическихъ системахъ іудаизма и христіанства и чаянія обѣихъ религій въ будущемъ“). — Т. Стоянова (стр. 625—645 и 694—723).

Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь. — Свящ. Т. Бутковичи (стр. 647—671 и 877—912).

В. В. Верещагинъ, въ полемикѣ съ Вѣнскимъ католическимъ архіепископомъ. (Нѣсколько словъ по поводу письма Верещагина въ № 316 „Русскаго Курьера“). — Б—ча (стр. 788—812).

Слово въ день памяти св. великомученицы Екатерины и Меркурія, св. мученицы царицы Августы и Меркурія Смоленскаго. — Свящ. А. Смирнова (стр. 866—876).

*) См. въ 1-й части страницы 6—35, 75—97, 140—170, 193—215, 397—431, 483—509, 539—571, 621—644 и 671—687.

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ

1885.

АПРѢЛЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

ХАРЬКОВЪ

Типографія Обружнаго Штаба, Нѣмецкая ул., д. № 26.

1885.

Πιστεῖ νοοῦμεν.

Въ рою разумъваемъ.

Евр. XI, 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ. Апрѣля 15 дня 1885 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

(Продолженіе *)

X.

Прошло до 1812 года ровно 200 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ иновѣрныя и иноплеменные полчища занимали самое сердце Россіи, съ тѣхъ поръ какъ ляхи хозяйничали въ Москвѣ и ругались надъ православною святынею. И послѣ этого страшнаго времени отечество наше переживало не разъ тяжелые кризисы; но всѣ послѣдующія войны, какъ тяжелы ни были сами по себѣ, происходили на далекихъ окраинахъ государства, и хотя отзывались самымъ тяжелымъ образомъ на экономическомъ благосостояніи народа, но никогда не грозили самому существованію отечества, никогда не затрогивали народной души въ самой сокровенной ея глубинѣ. Теперь, въ 1812 году, случилось пѣчто небывалое и неслыханное, пѣчто такое, отъ чего давно уже отвыкло, о чемъ давно уже позабыло русское общество. Страшныя полчища иноземнаго завоевателя нахлынули на имперію совершенно внезапно, подобно дикимъ ордамъ Батяи и Тохтамыша. Нашествіе не было вызвано внутреннею крамолою или частною измѣною, какъ во времена Петра, или въ эпоху смутную; оно надвинулось на имперію во время высокаго ея процвѣтанія и плотнаго един-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, 1885 г. № 4.

ства; оно встрѣчено было единодушнымъ отпоромъ государства и народа. Наши арміи оспаривали у непріятеля каждый шагъ земли, наше населеніе съ радостью приносило свое послѣднее достояніе на алтарь отечества; жители городовъ и селеній уходили вслѣдъ за арміями, истребляя огнемъ свои жилища, увозя съ собою лишь жалкіе остатки своего имущества. И что же? Всѣ геройскія усилія, всѣ благородные порывы самопожертвованія оказывались безплодными предъ небывалою бѣдою. Гроза надвигалась все ближе и ближе. Преодолывая всѣ преграды, нашествіе проникало все дальше и дальше въ глубину Россіи. Потерянъ былъ весь западный край, еще такъ недавно возвращенный Россіи такими потоками крови, пала послѣ геройской обороны твердыня Смоленская *), совершилась страшная Бородинская бойня и вѣсть о побѣдѣ оживила на одно мгновеніе всѣ русскія сердца. Но то былъ послѣдній обманчивый лучъ надежды! Сила нашествія еще не была истощена, испытанія русскаго народа еще далеко не окончены. Непріятель стремился прямо къ Москвѣ. Какая-нибудь сотня верстъ отдѣляла его отъ древней столицы Россіи. Но между нимъ и Москвою стояла еще неистребленная и непобѣжденная русская армія, а всѣ жители столицы готовы были встрѣтить, по словамъ своего главнокомандующаго, врага съ оружіемъ въ рукахъ. Что станетъ, однакоже, съ Москвою? Какая участь ждетъ ее—этотъ вопросъ волновалъ умы нашихъ соотечественниковъ **).

„Мы, говоритъ одинъ изъ современниковъ, хотѣли

*) Смоленску русскіе патриоты приписывали громадное значеніе. „Этотъ оплотъ былъ упованіе наше, говоритъ современникъ: мы въ немъ для Наполеона видѣли столпы Геркулеса, за которые сила его не прорвется“. Потеря этой твердыни произвела потрясающее впечатлѣніе. „Бѣда! передаетъ Вигелю его знакомый: пришло ужасное извѣстіе, была большая рѣзня, въ самый день Преображенія французы штурмомъ взяли Смоленскъ. Какъ одурѣлый побрелъ я домой и не зашелъ къ матери, чтобы не испугать ее отчаяннымъ видомъ своимъ“. См. Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, часть четвертая, стр. 44.

***) Когда, въ эти незабвенные дни, неподалеку отъ Пензы во время освященія храма зазвѣли тропарь Владимірской иконѣ Божіей матери: „Днесь свѣгло красуется славнѣйшій градъ Москва, яко зарю солнечную воспріемши чудотворную твою икону... Молись воплощенному Христу Богу нашему, да избавитъ градъ сей“,—то весь народъ, находившійся при этомъ, зарыдалъ въ одинъ голосъ. См. Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, часть четвертая, стр. 46.

вѣрить ея спасенію и не могли. Буря шла прямо на нее. Сколько разъ уже потоки литовскихъ, польскихъ и татарскихъ полчищъ истребляли ее! Нашему воображенію представлялась она вѣнчанною мученицею, съ христіанскимъ терпѣніемъ, спокойно ожидающею неизбѣжной казни. О, какъ прекрасна и величественна была тогда она въ глазахъ нашихъ, сія родная Москва, наша древность, наша святыня, колыбель могущества нашего! Нѣтъ, развѣ только дѣти въ послѣднія минуты жизни обожаемой матери могутъ такъ трепетать, видя приближеніе конца ея“ *).

Настали первые дни сентября мѣсяца и вдругъ прекратились всѣ вѣсти изъ арміи и изъ Москвы. Послѣдніе путешественники, прибывшіе изъ Москвы, рассказывали, что наша армія готовится къ послѣдному отчаянному бою на Поклонной горѣ, что непріятель стоитъ уже почти въ виду ея. Но воспослѣдовалъ-ли этотъ послѣдній бой и чѣмъ онъ окончился? Прошло нѣсколько дней въ томительной неизвѣстности; всѣ сердца переполнены были ожиданіемъ чего-то страшнаго, небывало-ужаснаго. Сообщенія съ столицею прекратились, почта не приходила нѣсколько дней сряду, не появлялось ни одной правительственной реляціи; только одни смутные слухи ходили по городамъ и селамъ, сбивая окончательно всѣхъ съ толку, то возбуждая обманчивыя надежды, то наводя еще большій страхъ и смущеніе. Но вотъ эти слухи начали принимать все болѣе и болѣе опредѣленный характеръ. Начали поговаривать о неизбѣжной потерѣ Москвы, шепотомъ передавали другъ другу страшную вѣсть, что наша армія оставила безъ боя древнюю столицу. Еще моментъ, и грозная потрясающая вѣсть поразила, какъ громомъ, населеніе. Не было болѣе мѣста для сомнѣнія, исчезла послѣдняя надежда: матушка Москва была уже въ рукахъ непріятеля, огонь и грабежъ свирѣпствовали уже въ ея стѣнахъ.

Какъ-же отразилось это событіе на нашемъ народѣ? Подавило-ли окончательно его нравственныя силы, или-же подняло оно ихъ выше обычнаго человѣческаго уровня? Многочисленныя свидѣтельства современниковъ, русскихъ и ино-

*) См. Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, часть четвертая, стр. 45.

странныхъ, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ этого вопроса. Первое впечатлѣніе было, само собою понятно, впечатлѣніе ужаса и изумленія. „Не помню, что было со мною въ слѣдующіе дни, говоритъ одинъ современникъ, только, кажется, безъ заботъ комитета я-бы сошелъ съ ума“ *). „Вѣсть о взятіи и пожарѣ Москвы, говоритъ другой свидѣтель, грянула какъ громъ. Хорошо было Пушкину, лѣтъ двѣнадцать позднѣе, воскликнуть съ энтузіазмомъ поэта: „пылай великая Москва!“ но когда она пылала, общее чувство было, сколько я знаю, далеко не восторженное. Всѣми овладѣло какое-то странное изумленіе. Все, что сбывалось, носило характеръ неправдоподобной сказки; дѣйствительный міръ становился фантастическимъ, границы возможности исчезали“ **).

Таково было первое впечатлѣніе въ высшихъ образованныхъ слояхъ общества, но приблизительно такое-же состояніе изумленнаго, потрясеннаго до самой глубины души, сознанія овладѣло и тѣми народными массами, которыя не читали ни газетъ, ни реляцій, но для которыхъ судьба родной земли была также болѣзненно близка, какъ и для просвѣщенныхъ патріотовъ. Свое чувство изумленной, глубокой скорби народъ русскій выразилъ въ той самой формѣ, въ которой, единственно, привыкъ онъ выражать свое горе и радость, свои надежды и упованія,—въ формѣ пѣсни. Изъ этой пѣсни народъ зналъ о страшныхъ бѣдахъ, постигавшихъ когда-то его отчизну, о татарскихъ и литовскихъ ужасахъ. И вдругъ эта полусказочная, фантастическая, пѣсенная быль предстала предъ нимъ во-очію, превратилась въ страшную дѣйствительность. Безбожная орда иноплеменниковъ вновь нахлынула на святую Русь, широкая полоса огня и крови обозначала ея страшный путь. Запылали вновь города и села, подверглись храмы Божіи неслыханному посрамленію, отданы на поруганіе жены и дѣвы русскія! И

*) Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, часть четвертая, стр. 5. Страшную новость въ Пензѣ узнали отъ князя Четвертинскаго, пріѣхавшаго изъ арміи. Онъ сообщилъ ее по секрету губернатору, „а сей скромный человекъ, замѣчаетъ Вигель, сказалъ ее на ухо двумъ или тремъ столь-же скромнымъ людямъ, такъ что къ вечеру почти весь городъ зналъ, что Москва сдана безъ боя“.

**) См. Воспоминанія К. К. Павловой. „Русскій Архивъ“ 1875 года кн. III стр. 224.

вотъ уже совершается послѣднее страшное дѣло! Врагъ вступилъ въ святую Москву, онъ предалъ ее пламени и грабежу. Но, нѣтъ, быть не можетъ! Это не дѣйствительность, это чудовищный сонъ! Спять красная дѣвица и видится ей сонъ ужасный, *безчастный*. Подымаются надъ Москвою буйные вихри, срываютъ они крыши съ хоромъ высокихъ, разбиваютъ окна хрустальныя. И еще засыпаетъ дѣвица, и видитъ она во снѣ, какъ французъ разоряетъ Москву. Беретъ врагъ въ полонъ красныхъ дѣвицъ и дѣлитъ онъ ихъ между собою. И досталась одна дѣвица французскому генералу. Горько плачетъ она, слезами обливается. Унимаетъ ее генераль, шелковымъ платкомъ утираетъ онъ ей очи. „Ты не плачь, не плачь красна дѣвица! Я куплю тебѣ три подарка“. — „Не хочу твоихъ трехъ подарковъ, отвѣчаетъ ему красная дѣвица: ты пусти, пусти меня въ Россію, съ родомъ-племенемъ повидаться, съ отцомъ, матерью распроститься“ *). Просыпается красная дѣвица и съ ужасомъ узнаетъ, что не сонъ видитъ она, а страшную дѣйствительность, рассказы о которой ходятъ по всему селу.

Вторженіе непріятели въ Москву естественно вызвало въ народной массѣ чувство скорбнаго изумленія, подняло въ ея памяти забытыя страшныя картины прошлаго. Но эти чувства, эти воспоминанія были мимолетны и скоропреходящи. Они не замедлили смѣниться настроеніями иного рода. Тамъ, гдѣ другой народъ пришелъ-бы, быть можетъ, въ отчаяніе, утратить всякую надежду, впалъ въ уныніе и деморализацію, тамъ народъ русскій, воспитанный въ суровой школѣ своей исторіи, вошелъ въ глубину своего народно-религіознаго сознанія, почерпнулъ въ этомъ неизсякаемомъ источникѣ повня гигантскія силы, и предсталъ предъ очами изумленнаго міра во всемъ непобѣдимомъ величій исполина, почувствовавшаго подъ ногами своими родную почву. Только тѣ русскіе предавались отчаянію, только тѣ отказались отъ святаго дѣла своей родины, которые давно уже перестали быть русскими, въ которыхъ

*) См. Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ, изданныя подъ редакціею и съ дополненіями П. А. Безсонова. Выпускъ 10: „нашъ вѣкъ“, стр. 3—4. Приведенная пѣсня напечатана въ двухъ вариантахъ.

чуждое французское воспитаніе давно уже изгладило все родное, давно уже разрушило всѣ связи съ національностью. Такихъ людей мы встрѣтимъ въ скоромъ времени въ Петербургѣ, такіе-же люди появлялись и въ гостинныхъ нашихъ губернскихъ городовъ. Въ Пензѣ, напримѣръ, гдѣ проживалъ въ то время Вигель, обращали на себя общее вниманіе два господина, претендовавшіе на принадлежность къ высшему свѣтскому кругу. Одинъ изъ нихъ, получивъ первый офицерскій чинъ и владѣя только ста душами, оставилъ службу и началъ думать о другихъ средствахъ замѣнить искусствомъ скудость даровъ фортуны. Воспитаніе его было самое модное, онъ владѣлъ въ совершенствѣ французскимъ діалектомъ, не вѣрилъ въ Бога, но за то твердо вѣрилъ въ Вольтера, котораго прочиталъ въ подлинникѣ. Проникнувъ во всѣ тайнства картежной игры, онъ вдругъ началъ поправлять свои дѣла; началъ изумлять все пензенское общество своею роскошью, а еще болѣе своею смѣлою игривою болтовнею. Съ нимъ вступилъ въ тѣсный союзъ другой пензенскій аристократъ, какой-то Ж., обманщикъ и фанфаронъ, но уступавшій своему патрону въ шулерской геніальности. Оба эти господина приводили въ прежнее время пензенскихъ дамъ въ восторгъ своимъ французскимъ произношеніемъ; теперь въ эпоху войны, они превратились въ совершенно своеобразныхъ политиковъ. Борьба съ Наполеономъ казалась имъ съ самаго начала безразсуднымъ и смѣшнымъ дѣломъ. „Согласитесь“,—говорили они, пожимая плечами,—„что смѣшно и безразсудно противиться великому человѣку, у котораго полмилліона войскъ и двѣ тысячи пять сотъ пушекъ“. По мѣрѣ того, какъ непріятель подвигался къ Москвѣ, и пензенское общество впадало все въ большее и большее уныніе, настроеніе этихъ космополитическихъ политиковъ становилось отраднѣе и игривѣе. Но чему-же радовались эти питомцы Вольтера? Тому-ли, что великая идея революціи побѣждаетъ въ лицѣ Наполеона варварство и невѣжество русскихъ, или-же мерещилось имъ серьезно, что Наполеонъ, завоевавъ благополучно всю Россію, обратитъ вниманіе на ихъ безупречный французскій говоръ, на ихъ тонкое пониманіе Вольтеровской философіи и назначитъ ихъ, російска-

го прапорщика и титулярнаго совѣтника, своими префектами въ покоренныхъ областяхъ? *).

Количество такихъ негодяевъ было, однако-же, крайне невелико. Всѣ честные люди отворачивались отъ нихъ съ негодованіемъ. Когда прошли первые порывы скорби, пзумленія, ужаса, могучій приливъ національно-религіознаго чувства съ быстротою молніи охватилъ всѣ слои нашего общества. „Насталъ тотъ день, говоритъ очевидецъ, въ который, лишившись послѣдней надежды спасти наше сокровище, мы вмѣстѣ съ тѣмъ освободились отъ всякаго страха,—день сильнаго перелома, въ который война превратилась въ отечественную, въ народную, когда для пришельцевъ наступило время гибели“.

Иностранцы, бывшіе тогда въ Россіи и въ рядахъ нашей арміи, также подмѣтили этотъ переломъ, этотъ внезапный переходъ отъ унынія и страха въ непоколебимую и побѣдоносную рѣшимость, но они не въ состояніи были уяснить себѣ правильно причинъ этого перелома. „Извѣстіе о потерѣ древней столицы произвело, замѣчаетъ Бернгарди, потрясающее впечатлѣніе въ Петербургѣ и во всей пообъятной имперіи. Впечатлѣніе было настолько колоссально, что всѣ послѣдующія вѣсти о пожарѣ буквально исчезли передъ нимъ; все было какъ-то притуплено. Но впечатлѣніе это во всей странѣ было вовсе неподавляющее, отнимающее мужество, и, что покажется еще страннѣе, потеря Москвы не разубѣдила даже русскихъ въ дѣйствительности Бородинской побѣды, не потрясло даже довѣрія, возлагасяго всѣми на Кутузова. Энтузіазмъ, вызванный побѣднымъ донесеніемъ стараго, хитраго фельдмаршала, помогъ ему и теперь; вліяніе этого донесенія не было еще исчерпано“ **).

*) Къ такимъ политикамъ русскіе люди относились съ омерзеніемъ. „Негодованіе сковало мнѣ языкъ, говоритъ Вигель, но видно глаза мои выразительно говорили, ибо въ обоихъ скоро замѣтилъ я смущеніе и досаду; не говоря ни слова, всталъ я и вышелъ, и долго молчаніе мое съ ними не прерывалось. И эти люди прямо изъ православной Москвы, подумалъ я; ну если подобныхъ имъ много тамъ? А впрочемъ, что за важность, и въ самыхъ Божіихъ храмахъ, по небрежности церковнослужителей, часто разводятся крысы и всякая гадина. Однако-же ихъ слова навели на меня непзъяснимую тоску, которая могла нѣсколько быть разсѣяна только трудными занятіями, мнѣ предстоявшими!“ Вигель, Воспоминанія, часть четвертая, стр. 47.

**) См. Бернгарди, Toll's Denkwürdigkeiten. Т. II, стр. 173.

Итакъ, вотъ въ чемъ, по мнѣнію иностранцевъ, скрывался источникъ того святаго энтузіазма, который охватилъ въ сентябрь 1812 года всю массу русскаго населенія, который виспровергъ въ бездну гибели Наполеона и его несмѣтныя полчища! Все дѣло загорѣлось не отъ оскорбленнаго религіознаго чувства русскаго народа, а отъ фальшиваго побѣднаго бюлетеня стараго фельдмаршала, которому слѣпо продолжали вѣрить русскіе варвары, не смотря ни на что, не смотря на самую потерю Москвы. Не менѣе странныя соображенія другаго иностранца, личнаго участника событій, англійскаго генерала Вильсона. Говоря объ оставленіи Москвы, онъ говоритъ, что русскіе настолько сохранили свои кочевые нравы, что бѣгство изъ Москвы было для нихъ сравнительно легкимъ дѣломъ. И въ самомъ дѣлѣ, что значитъ для номада его временная стоянка, какое впечатлѣніе можетъ произвести на него занятіе ея непріателемъ? *)

Господа, разсуждавшіе такимъ образомъ, очевидно не имѣли ни малѣйшаго понятія о дѣйствительныхъ воззрѣніяхъ и симпатіяхъ русскаго человѣка. Русскій человѣкъ въ обычномъ, будничномъ время, способенъ поразить любаго наблюдателя своимъ безпримѣрнымъ добродушіемъ, своею терпимостью, даже своимъ пристрастіемъ ко всему чужому, иноземному, своимъ, если хотите, легкомысленнымъ космополитизмомъ. Но не такимъ является тотъ-же русскій человѣкъ въ великія години народныхъ бѣдствій, въ тяжелые дни испытаній. Тогда все легкое, напускное, чуждое спадаетъ съ него, какъ паутина, тогда пошлыя мелочи жизни теряютъ для него всякое значеніе, тогда чувства народной гордости и неискоренимой любви къ родицѣ многострадальной, тогда привязанность къ вѣрѣ отцовъ, къ святынь, чтимой его предками, имъ самимъ, пробуждаются въ немъ со всею своею стихійною силою, овладѣваютъ всѣмъ его существомъ, преображаютъ его въ непобѣдимаго героя **). Что должны

*) См. General sir Robert Wilson, geheime Geschichte des Feldzugs von 1812 in Russland, стр. 143.

**) „Спрашивали также, замѣчаетъ Вильсонъ, одобряли-ли дворяне и горожане, бѣжавшіе изъ Москвы, истребленіе своихъ домовъ и имущества. Разсѣянные по странѣ, они подавали всѣ великодушнѣйшіе и благороднѣйшіе примѣры безкорыст-

были чувствовать простые и образованные русскіе люди, когда вслѣдъ за извѣстіемъ объ оставленіи столицы, въ города и села, сначала близкіе, а потомъ болѣе отдаленные отъ Москвы, начали прибывать десятки и сотни бѣглецевъ изъ опустошенной и разоренной столицы русскаго царства. Бѣглецы эти, уроженцы разныхъ губерній, по большей части люди низшаго класса, уже одною своею вѣдностью, способны были вызвать ужасъ и состраданіе. Покрытые рубищами, изможденные голодомъ, пробирались они на родину, питаясь мірскимъ подавніемъ *). А ихъ рассказы? Отъ нихъ, отъ этихъ несчастныхъ страдальцевъ узнавали русскіе люди о тѣхъ неистовствахъ и жестокостяхъ, о тѣхъ невѣроятныхъ мерзостяхъ и святотатствахъ, которыя творили въ Москвѣ наши просвѣщенные враги. Отъ нихъ узнавали они, что московскіе соборы и церкви, уцѣлѣвшія отъ пламени, обращены въ конюшни, что въ часовнѣ Иверской Богоматери устроено нужное мѣсто **). Отъ нихъ выслушивали они невѣроятную повѣсть о тѣхъ лютыхъ вѣстязаніяхъ, которымъ подвергались отъ непріятеля несчастные москвичи, осмѣлившіеся остаться въ городѣ. Отъ нихъ слышали, какъ обращали французы русскіхъ въ выючныхъ животныхъ, какъ переплывали они на ихъ спинахъ

ной любви къ отечеству. Каждый изъ нихъ, безъ различія возраста и пола, пренебрегалъ оплакивать свои личныя потери, или жаловаться на нихъ“. Повсюду, гдѣ только англійскій генералъ имѣлъ случай рассказывать, что императоръ далъ слово продолжать войну до тѣхъ поръ, пока хотя одинъ вооруженный французъ будетъ оставаться на русской землѣ, многіе, слушая его, плакали, другіе цѣловали его, какъ будто имъ говорили, что ихъ личное горе обрѣтетъ теперь утѣшеніе и что окончится бѣдствие ихъ скитальческой, безпріютной жизни. См. Wilson's geheime Geschichte des Feldzugs in Russland. стр. 151.

*) „Домѣщники многихъ губерній, рассказываетъ Вигель, въ томъ числѣ и Пензенской, посылали мальчиковъ въ Москву и отдавали ихъ тамъ въ ученіе къ мастерамъ; многіе изъ нихъ подросли и возмужали. Они первые, какъ говорили они, дали тягу. Валъ, на великомъ протяженіи окружающій Москву; такъ близко, что вездѣ могли они легко перекрыгнуть или перешагнуть черезъ него, да и лѣсами и болотами также не трудно было имъ прокрасться. Покрытые рубищами, пробирались они на родину, питаясь мірскимъ подавніемъ. Въ Пензу одинъ за другимъ пришло ихъ нѣсколько, и между прочимъ, въ нашъ домъ двое: портной и сапожничій ученикъ. Въ нѣкоторые дома призывали ихъ для разспросовъ, отъ нихъ узнали мы много подробностей о неистовствахъ, творимыхъ врагами въ падшей столицѣ“. Вигель, Воспоминанія, часть четвертая, стр. 57.

**) Вигель, Воспоминанія, часть четвертая, стр. 58.

черезъ Москву-рѣку, какъ замучивали они до смерти частныхъ лицъ и въ особенности монаховъ, желая вывѣдать отъ нихъ, гдѣ сокрыты церковныя имущества. Но ни на кого такъ горько не жаловались эти несчастные, какъ на тѣхъ французъ, которые, по словамъ ихъ, хорошо понимали по русски, хотя и дурно выговаривали. Люди болѣе свѣдущіе, легко узнавали, кто были эти французы и съ ужасомъ представляли себѣ, какія звѣрства могли производить въ Москвѣ истинные враги русскаго имени *).

Разказы горемычныхъ бѣглецовъ, являвшихся изъ Москвы, принимались на вѣру тѣмъ болѣе легко, что они подтверждались свѣдѣніями, шедшими изъ болѣе достовѣрныхъ оффиціальныхъ источниковъ. И эти источники утверждали, что непріятель, войдя въ Москву, почти что оставленную жителями, сданную ему безъ всякаго сопротивленія немедленно, безъ всякаго вызова и повода, припаялся грабить и разрушать несчастную столицу. Офицеры и даже генералы являлись зачинщиками и руководителями грабежа. Они ходили по домамъ, забирали все, что можно было только взять, а другія вещи, какъ-то: фарфоръ, зеркала, хрусталь, картины, мебель, посуду подобно бѣшенымъ, старались разбить, разломать, разрубить, раскидать по разнымъ мѣстамъ. Они разливали вино, которое не въ состояніи были выпить, по улицамъ, рвали, раздирали и бросали книги. Оффиціальныя источники говорили и о страшныхъ жестокостяхъ, совершаемыхъ французами надъ жителями, они приводили даже на этотъ счетъ нѣсколько возмутительныхъ подробностей. „Къ разрушенію и разоренію, говорили они, присовокупляли еще безчеловѣчіе и лютость. Набравъ груды вещей, возлагали бремя сіе на пойманнаго на улицѣ стараго или увѣчнаго человѣка, принуждая его нести оное въ станъ ихъ; и когда сей подъ тяжестью изнемогалъ, то сзади обнаженными палашами убивали его до смерти. Лютость непріятелей усугублялась еще его святотатствомъ. Нигде и нигдѣ поруганіе святыни не доходило (такъ гласили всѣ свѣдѣнія, расходившіяся по лицу необъятной Россіи),

*) „Всякій поналъ, говоритъ Вигель, что это были поляки“. Воспоминанія, часть четвертая, стр. 58.

до такихъ чудовищныхъ размѣровъ, какъ на развалинахъ Москвы. Изверги разрывали могилы и раскрывали гробы для похищенія корыстей съ усопшихъ тѣлъ“. Они отбивали двери у храмовъ Божіихъ, обижали иконы отъ окладовъ, раздирали ризы, ломали иконостасы. Но не довольствуясь всѣмъ этимъ, враги бросили пламень въ ограбленную и оскверненную Москву и превратили ее въ груды пепла *).

Легко себѣ представить, какъ должны были дѣйствовать подобные рассказы и сообщенія на русскихъ людей. Что-то страшное, давно небывалое начало развиваться во всѣхъ слояхъ русскаго общества, начиная отъ богатаго дворянина и оканчивая убогимъ крестьяниномъ. Жажда мести, жажда неутолимая загорѣлась во всѣхъ сердцахъ. Небывалое посрамленіе святыни, этотъ верхъ безумія и человѣческаго развращенія, страшныя дѣла лютости и разрушенія, громко вопили о возмездіи. Воспламененные храмы и дымящаяся кровь подвигали на гнѣвъ и войну непримиримую. Москва перестала существовать для русскихъ. Оплакавъ ее, какъ родимую, они съ какою-то радостью смотрѣли, какъ злодѣи терзали ея трупъ, мысленно приготовляя ей кровавыя поминки и какъ будто предчувствуя, что день мщенія уже близокъ. „Дѣло страшное, непонятное, восклицаетъ современникъ: едва Наполеонъ успѣлъ войти въ Москву, какъ внутри Россіи всѣ начали видѣть въ ней западню для него и желать, чтобы онъ долѣе въ ней оставался. Надобно было видѣть тогда, что при одномъ имени Наполеона дѣлалось съ большею частью русскихъ: чер-

*) Всѣ эти подробности мы находимъ въ оффиціальномъ извѣстіи изъ Москвы отъ 17-го октября, писанномъ рукою Шпикова. „Вскорѣ потомъ, говоритъ Шпиковъ въ своихъ запискахъ, пріѣхалъ изъ Москвы нѣкто тамошній житель. Онъ вырвался изъ ней послѣ начавшихся тамъ пожаровъ и былъ очевидцемъ многихъ происходившихъ внутри ея непріятельскихъ, или, лучше сказать, злодѣйскихъ дѣйствій. Военный губернаторъ, дабы преждевременно не разнесся о томъ слухи, задержалъ его въ своемъ домѣ. Государь, по докладѣ о немъ, призвалъ меня и приказалъ мнѣ разспросить у него о видѣнныхъ имъ происшествіяхъ. Я услышавъ отъ него ужасы, поразившіе меня до глубины души, пересказалъ ихъ государю. Онъ велѣлъ мнѣ написать о томъ бумагу, подъ названіемъ: „извѣстіе изъ Москвы“. См. Записки Шпикова, Т. 1, стр. 159—160. Самое извѣстіе тамъ же въ приложеніяхъ. Т. 1. стр. 438—442. Полагаютъ, что пріѣзжіи были Яковлевъ, пріѣхавшій изъ Москвы съ письмомъ отъ Наполеона. О немъ см. ниже.

ты лица оставались неподвижны, но чело являло гнѣвъ и уста шептали угрозы. О, вѣчно памятный Наполеонъ, могучій, славный нашъ врагъ! гроза и жертва наша! какихъ чудесъ ты не творилъ! Тебѣ одному дано было народу бѣшеному, яростному въ пылу сраженій, но вообще безлечному, незлобивому, равнодушному, забывчивому, вдохнуть на время всю спокойную, неистоющую корсиканскую свою злость“ *).

„Но Наполеону удалось вдохнуть въ русскихъ еще и другой духъ, столь мало свойственный имъ въ обычное время, это духъ любви къ родинѣ и ко всему родному. Высшіе классы нашего общества внезапно переродились; изъ французовъ и космополитовъ они вдругъ превратились въ русскихъ **). Дамы и свѣтскіе кавалеры вдругъ отказались отъ французскаго языка. Они начали говорить по-русски и съ удивленіемъ замѣчали, что говорить на родномъ языкѣ для нихъ легче и что русскій языкъ совершенно удобенъ для употребленія въ гостинныхъ“ ***). Французская мода также подверглась всеобщему гоненію. Многія дамы поспѣшили нарядиться въ сарафаны, кокошники и повязки; мушкетеры начали носить сѣрые ополченскіе кафтаны ****). Въ Петербургѣ никто не хотѣлъ болѣе слышать французскихъ актеровъ; толпа встрѣчала ихъ пенсовымъ свистомъ, крикомъ, ругательствами и гнала ихъ со сцены. Правительство поспѣшило закрыть французскій театръ. М-ме Сталь, знаменитая изгнанница, преслѣдуемая повсюду Наполеономъ, не могла примириться съ этимъ проявленіемъ русскаго патріотизма. „О, варвары, кричала она внѣ себя отъ гнѣва, они не хотятъ ви-

*), Вигель, Воспоминанія, часть четвертая, стр. 58.

**), Въ высшихъ кружкахъ никакъ не могли впрочемъ отказаться отъ французской рѣчи. Продолжая болтать по французски, хотя и страшно бранили французовъ. К. К. Павлова говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „У графини Строгановой собиралось обыкновенно много пріѣзжихъ изъ Москвы; всякій рассказывалъ, что узналъ новаго, толковали о полученныхъ извѣстіяхъ и о разныхъ слухахъ. Это общество было, разумѣется, составлено изъ людей comme il faut, и большею частью аристократовъ. Странное должно оно было производить впечатлѣніе, когда оно съ французскимъ своимъ образованіемъ, съ французскими пріемами, на французскомъ языкѣ бранило французовъ“. См. Воспоминанія К. К. Павловой. „Русскій Архивъ“ 1875 года кн. III, стр. 224.

***), Вигель, Воспоминанія, часть четвертая, стр. 59.

****), Вигель, Воспоминанія, часть четвертая, стр. 59.

дѣтъ Расинову „Федру“ *). Совершенно иначе смотрѣлъ на дѣло другой знаменитый изгнанникъ, баронъ Штейнъ. Не колеблясь, становился онъ на точку зрѣнія русскихъ людей и вполне одобрялъ ихъ патріотическіе порывы. Въ иностранщинѣ, въ слѣпомъ пристрастіи и подражаніи всему иноземному усматривалъ онъ, по справедливости, величайшее зло и несчастье для Россіи. „Это движеніе, писалъ онъ своей женѣ, очень похвально. Слѣдовало-бы просто-на-просто выгнать изъ Россіи всю эту шайку французскихъ актеровъ, камердинеровъ, поваровъ, купцовъ и т. д.“ **).

На ряду съ жаждою мести и пробужденіемъ страстной привязанности ко всему родному, тяжелая година испытаній вызвала въ средѣ русскаго общества и другое болѣе высокое и чистое чувство. Духъ добраго согласія, духъ христіанской любви, началъ водворяться между всеми сословіями. Тяжкія бѣдствія, способныя ввергнуть другой народъ въ бездну отчаянія, пробудили и оживили въ народѣ русскомъ твердую, безграничную вѣру въ Божественный промыслъ. Эта вѣра не слабѣла, а напротивъ росла и крѣпла, по мѣрѣ развитія несчастныхъ событій. Подъ вліяніемъ общаго горя и пробудившагося религіознаго чувства прекратились все старыя ссоры, все ссоры и неудовольствія. Исчезъ духъ розни и вражды, составилось общее братство, молящееся и отважное. Все мысли и все стремленія устремлены были къ благу и спасенію отечества; рука богатыхъ и имущихъ отверзлась для бѣдныхъ и

*) „Французскіе актеры въ Петербургѣ давали „Федру“, рассказываетъ Арндтъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Рокка, другъ г-жи Сталь, и ея сынъ пошли въ театръ, мы-же и прочіе, приглашенные къ знаменитой женщинѣ, еще сидѣли за столомъ, вдругъ они оба вернулись нѣсколько изволнованные и рассказали, что съ самаго начала представленія поднялся такой шумъ и гамъ, такая брань на французовъ и французскій театръ, что представленіе должно было прекратиться. Оно и прекратилось; это было послѣднее представленіе французской труппы въ Петербургѣ въ это лѣто и народная ненависть и гнѣвъ выразились столь рѣзко и жестко, что въ началѣ слѣдующей зимы актеры должны были оставить Петербургъ. А г-жа Сталь? Она забыла о времени и мѣстѣ, она помнила лишь себя и свой народъ. Она вспылила, залилась слезами и воскликнула: варвары! не хотятъ видѣть Расинову „Федру“. См. „Русскій Архивъ“ 1871 года изъ воспоминаній Э. М. Арндта о 1812 годѣ.

***) Перцъ, Stein's Leben. Т. III, стр. 165.

разоренныхъ жертвъ войны. „Время быстро протекшее!“ — вос-
 злищаетъ съ восторгомъ современникъ: „время вмѣстѣ ужасное
 и блаженное! когда, возлюбивъ другъ друга едиными устами
 и единымъ сердцемъ, не переставали мы призывать великое
 имя Его, нашего Бога и Спасителя! Кто видѣлъ это время,
 тотъ по гробъ не забудетъ его“ *).

И такое время, такое настроеніе братской любви и несо-
 крупнимою вѣры, вливавшею неслыханное мужество въ сердца,
 распространилось тогда по всѣмъ далекимъ и близкимъ обла-
 стямъ необъятной Россіи. Не слѣдуетъ думать, чтобы патріотическое
 одушевленіе ограничивалось тогда одними предѣлами
 чисто русскихъ губерній. Энтузіазмъ къ отечеству общему,
 преданность единому святому дѣлу обнаруживались тогда съ
 одинаковою силою во всѣхъ уголкахъ русской земли. За ис-
 ключеніемъ поляковъ, всецѣло вступившихъ на путь измѣны,
 всѣ народности, входившія въ составъ имперіи, соперничали
 въ заявленіяхъ преданности общему стечеству, въ готовности
 жертвовать за его спасеніе все свое достояніе и самую жизнь.
 Колоссальныя пожертвованія стекались со всѣхъ губерній и
 областей, и не было въ этомъ отношеніи различія между цен-
 тромъ и окраинами государства. Да оно и неудивительно! Раз-
 личныя племена, обитавшія тогда въ предѣлахъ имперіи, ста-
 вили интересы государства выше своихъ частныхъ національ-
 ныхъ интересовъ. Духъ подозрительности, недовѣрія и вражды
 не распространилъ тогда еще своего тлетворнаго вѣянія по
 лицу земли русской. Польская справа работала, правда, и тог-
 да, работала пока рука объ руку съ Наполеономъ, хотя про-
 должала, какъ увидимъ это мы вскорѣ, раскидывать свои
 сѣти и для благороднаго Александра; но за этимъ единст-
 веннымъ исключеніемъ, мы всѣ, граждане русскіе, были
 тогда едно стадо съ единымъ пастыремъ и одинъ и тотъ-
 же духъ одушевлялъ всѣхъ насъ безъ различія происхож-
 денія. Вѣянія новѣйшаго развитія не коснулись еще въ то
 время предѣловъ нашего отечества. У насъ не было ни своей
 внутренней крамолы, ни вражды между сословіями; мы еще не
 открыли тогда нашего младшаго брата и не вопили такъ гром-

*) Вигель, Воспоминанія, часть четвертая, стр. 59.

ко о его интересахъ, хотя, быть можетъ, дѣлали для него на дѣлѣ больше, нежели теперь. Различныя племенные особенностями не имѣли тогда въ глазахъ нашихъ особаго значенія; мы хорошо и твердо знали лишь одно, что малороссы и бѣлороссы такіе-же русскіе, какъ и великороссы. Угнетенныхъ народностей въ то время не было еще открыто въ предѣлахъ русской земли; сепаратизмъ, подобный позднѣйшему украинфильству и хохломанію, былъ тогда невымыслимъ на русской почвѣ Чудаки, вопиющіе о подавленной южно-русской народности и выступающіе самозваными защитниками народа, который не хочетъ и слышать о нихъ, встрѣтили-бы тогда единоподушное посмѣяніе и осужденіе. Тогдашнее поколѣніе умѣло цѣнить, какъ слѣдуетъ, благодѣянія, доставляемыя единымъ, крѣпкимъ, могучимъ государственнымъ организмомъ. Преданіе о прежней полусамостоятельности тѣсно связывалось еще тогда съ безправіемъ и ужасами прошлаго, съ польскимъ и жидовскимъ хозяйничаньемъ въ коренныхъ русскихъ областяхъ, съ прелестями татарскихъ грабежей, съ самоуправствомъ богатыхъ и сильныхъ, съ дикою расправою разсвирѣпѣвшихъ, доведенныхъ до отчаянія холоповъ. Никто не циталъ ни малѣйшаго желанія возвратить это страшное прошлое, всѣ готовы были стать грудью за одно общее, русское отечество, за благодѣянія и защиту, исходящія отъ одной общей государственной власти.

Счастливый случай доставилъ намъ въ руки чрезвычайно любопытную рукопись *), возникшую въ Харьковѣ, въ досто-

*) Д. И. Богалѣй нашелъ рукопись въ селеніи Козирщинѣ, бывшемъ имѣніи Андреева и представилъ ее въ настоящее время въ бібліотекѣ Харьковскаго университета. Рукопись эта доставлена намъ доцентомъ Императорскаго Харьковскаго университета Д. И. Богалѣемъ, которому мы изъявляемъ при этомъ случаѣ нашу глубокую признательность. Рукопись относится къ Александровской эпохѣ и состоитъ изъ сборника писемъ бывшаго учителя Екатеринославской гимназіи, а затѣмъ воспитателя въ частномъ домѣ, Александра Павловича Лазича къ отцу его питомца, помѣщику Никону Андреевичу Андрееву. Предполагая напечатать въ скоромъ времени болѣе подробную статью объ этой рукописи, мы ограничимся при этомъ случаѣ лишь нѣсколькими замѣчаніями. Въ рукописи, переплетенной въ довольно изящный томъ, находится 55 писемъ А. И. Лазича къ Н. А. Андрееву, одно письмо питомца Лазича, Александра Никоневича Андреева къ отцу, одно письмо старика Андреева, договоръ Андреева съ Лазичемъ, счетъ то-

памятную эпоху Наполеоновскихъ войнъ. Рукопись состоитъ изъ цѣлаго ряда писемъ, писанныхъ въ періодъ времени отъ 1809 до 1815 года; изъ нихъ весьма значительная часть относится къ 1812 году. Всѣ письма писаны однимъ лицомъ, учителемъ Лазичемъ, воспитателемъ сына богатаго южно-русскаго помѣщика. Лазичъ, относившійся чрезвычайно серьезно къ дѣлу воспитанія своего питомца, постоянно писалъ письма отцу, проживавшему въ деревнѣ, сообщалъ подробныя свѣдѣнія о сынѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ передавалъ и цѣлую массу новостей, особенно политическихъ. Какъ человекъ истинно образованный и патриотъ, онъ внимательно собиралъ и провѣрялъ всѣ политическія и военныя извѣстія, приходившія тогда въ Харьковъ, слѣдилъ за настроеніемъ населенія, за толками и спорами политиковъ и сообщалъ обо всемъ подробно своему корреспонденту. Само собою понятно, что авторъ никогда и не думалъ, что содержаніе его писемъ тѣмъ или инымъ образомъ проникнетъ въ печать, что оно сдѣлается достояніемъ потомства. Онъ писалъ только для своего корреспондента, писалъ свободно и развязно, безъ всякихъ заднихъ мыслей. Ясно отсюда, какое значеніе имѣютъ его письма: въ нихъ слышится

варамъ, купленнымъ въ Харьковѣ Лазичемъ для Андреева, въ августѣ мѣсяцѣ 1813 г и нѣкоторыя другія приложения. Изъ писемъ А. П. Лазича два письма относятся къ 1809 г., два къ 1810 г., 6 къ 1811 г., 30 къ 1812, 28 къ 1813, 14-ть къ 1814 и 3 къ 1815 г. Содержаніе писемъ самое разнообразное: хозяйственное, чисто личное, педагогическое, политическое. Уже въ 1809 г. встрѣчаются политическіе слухи и толки по поводу австро-французской войны. Съ 1812 г. особенно съ осени письма наполнены политическими извѣстіями, согласно желанію, выраженному Н. А. Андреевымъ. Встрѣчаются кромѣ того и другія въ высшей степени интересныя извѣстія и замѣтки. Авторъ даетъ, между прочимъ, цѣлый рядъ данныхъ о цѣнахъ на жизненные продукты и различные товары, о денежномъ курсѣ, о квартирахъ въ г. Харьковѣ, объ университетѣ, объ экзаменахъ, о гонорарѣ, получаемомъ тогдашними профессорами. (Нужно замѣтить, что въ доброе старое время, зажиточные родители не оставляли своихъ сыновей и въ университетѣ безъ руководителей и воспитателей). Всякій, хотя сколько-нибудь знакомый съ бѣдностью нашей мемуарной литературы особенно на югѣ Россіи, легко пойметъ, какое важное значеніе имѣетъ этотъ сборникъ писемъ, остававшійся до сихъ поръ въ совершенной неизвѣстности. Читая эти письма, мы узнаемъ изъ ихъ краткихъ и случайныхъ замѣтокъ гораздо болѣе о Харьковѣ и харьковскомъ обществѣ начала нашего столѣтія, нежели изъ сухихъ официальныхъ данныхъ, или воспоминаній такъ называемыхъ старожиловъ. Мы цитируемъ рукопись подъ именемъ Андреевской рукописи.

дѣйствительно изъ прошлаго голосъ свидѣтеля безпристрастнаго, чуждаго всякой мысли скрывать или прикрашивать что-либо, угождать кому-бы то ни было.

Харьковская губернія не принадлежала къ числу областей, пораженныхъ непосредственно нашествіемъ, но она испытывала на себѣ въ самой высокой степени всѣ неудобства и тяжести войны. Съ тѣхъ поръ какъ непріятель занялъ центральныя губерніи, сообщенія Харькова съ Петербургомъ и высшимъ правительствомъ были крайне затруднены. Почта, принужденная дѣлать большой кругъ, приходила очень рѣдко, постоянно запаздывала, да и свѣдѣнія, доставляемая ею, отличались крайнею скудостью и неясностью. Правительственныя сообщенія и военныя реляціи появлялись тогда очень рѣдко. Читатели тогдашнихъ газетъ не въ состояніи были составить по нимъ правильное представленіе объ общемъ ходѣ дѣлъ. А между тѣмъ интересъ затронуть былъ въ сильнѣйшей степени *). Чтобы удовлетворить ему, приходилось прибѣгать къ чрезвычайнымъ средствамъ. Харьковскіе купцы старались узнавать новости дня отъ своихъ сотоварищей, проживавшихъ въ Курскѣ, Орлѣ и другихъ болѣе сѣверныхъ городахъ **). Не довольствуясь получаемыми письмами, многіе изъ нихъ лично отправлялись въ сѣверные города, поближе къ театру войны и привозили оттуда цѣлую кучу новостей. Но всѣ эти новости относились обыкновенно къ категоріи темныхъ, сбивчивыхъ, нерѣдко противорѣчившихъ другъ другу слуховъ. Тщетно разбирали и критиковали эти слухи харьковскіе политики, всякій понималъ ихъ по своему, горячо отстаивалъ свое мнѣніе, и люди болѣе

*) Между прочимъ Лазичъ пишетъ Н. А. Андрееву: „Получивши ваше высокопочтенное письмо, которое я не безъ удовольствія читалъ, желалъ всѣ ваши порученія охотно исполнить во всей точности, но также какъ и прежде не въ состояніи, ибо здѣшній книгопродавецъ говоритъ, что у него нѣтъ реестра всѣмъ изданнымъ сочиненіямъ на счетъ Наполеона и каррикатурамъ на французовъ а что оный находится въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Книжки, которыя онъ недавно получилъ и которыя я имѣю честь вамъ доставить съ этою почтою, суть слѣдующія: „Французъ въ Гішпаніи“, цѣна 1 р. 50 к.; „Мірская сходка“, ц. 1 р. 50 к.; „Пѣснь російскихъ воиновъ“, 50 к.; „Пробываніе французовъ въ Москвѣ“, 50 к.; „Голосъ московскаго жителя“; „На кормленіе Наполеону“. Андреевская рукопись письмо, 17.

**) Андреевская рукопись письмо отъ 28 сентября 1812 г.

спокойные рѣшительно терялись, не знали, къ кому пристать, чему вѣрить. „Новости теперешнія,—пишетъ Лазичъ отъ 21 сентября,—такъ разнообразны и не будучи поддерживаемы официальными извѣстіями, такъ неосновательны, что и при тонкой разборчивости здѣшнихъ политиковъ неизвѣстно, къ какой-бы сторонѣ можно было съ большею вѣроятностью преклониться“ *).

А между тѣмъ страшная война давала себя чувствовать съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Дороговизна, распространившаяся по всей Россіи, вслѣдствіе континентальной системы и паденія нашего курса, достигла до чудовищныхъ размѣровъ подъ вліяніемъ нашествія. Если еще въ началѣ войны колониальные и мануфактурные товары страшно поднялись въ цѣнѣ, если пудъ сахара продавался, напримѣръ, по 86 рублей, то по мѣрѣ развитія войны, по мѣрѣ усиливающихся требованій для продовольствія арміи, возрасли цѣны и на всѣ мѣстные произведенія. Курсъ упалъ страшно. Серебряный рубль стоилъ 5 руб. ассигнаціями, червонецъ продавался по 13 рублей **). Чѣмъ ближе надвигалось нашествіе, тѣмъ больше увеличивалась дороговизна. Масса иногородныхъ, по всей вѣроятности бѣглецовъ съ сѣвера, стекалась въ Харьковъ. Цѣна на квартиры поднялась до небывалыхъ размѣровъ ***). Уныніе и страхъ распространились въ обществѣ. Въ половинѣ сентября въ Харьковъ пришла грозная вѣсть о потерѣ Москвы. Явилась эта вѣсть въ видѣ смутнаго и неопредѣленнаго слуха. Знали навѣрное лишь одно, что непріятель занялъ Москву 2 сентября, но объ обстоятельствахъ этого дѣла ходили самые разнорѣчивые толки. Одни утверждали, что древняя столица наша была взята непріателемъ послѣ кровопролитнаго боя, другіе разсказывали, что она сдана была непріятелю на основаніи договора. Не трудно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвели всѣ эти вѣсти на харьковцевъ. Настрое-

*) Андреевская рукопись, письмо отъ 21 сентября 1812 г.

***) См. Андреевская рукопись, письмо отъ 28 сентября.

****) За квартиру въ пять комнатъ платили тогда 300 р. безъ дровъ, цѣна чрезвычайно высокая для того времени. См. письмо отъ 5 октября. (1) приливъ иногороднихъ см. письмо отъ 28 сентября.

ніе было въ первое время самое тяжелое. Лишь одна надежда ярко сверкала среди этой страшной тьмы. Получались вполнѣ достовѣрныя извѣстія, что армія наша сохранилась въ цѣлости и въ отличномъ порядкѣ, что она расположена по рѣкѣ Пахрѣ на Рязанской дорогѣ и заграждаетъ непріятелю путь въ наши южныя губерніи. Это обстоятельство подняло духъ харьковскихъ патріотовъ и внушало имъ твердыя надежды на конечное спасеніе отечества. Какъ вѣрно смотрѣли эти патріоты на общее положеніе дѣлъ, на какихъ незыблемыхъ основаніяхъ покоились ихъ надежды, видно изъ слѣдующаго, въ высшей степени интереснаго, почти пророческаго мѣста изъ письма Лазича отъ 21 сентября. Сказавъ объ отступленіи нашей арміи въ совершенномъ порядкѣ на Рязанскую дорогу, свидѣтель нашъ продолжаетъ такимъ образомъ: „сіе безъ измѣненія великую надежду подаетъ всякому доброжелательному гражданину, полагающему упованіе на Бога, храбрость своихъ соотечественниковъ, наступающую зиму и чрезвычайную обширность государства, особливо, если къ сему присовокупить великій во всѣхъ сраженіяхъ уронъ непріятеля и затрудненіе въ продовольствованіи арміи“ *).

Не трудно замѣтить, что въ этихъ немногихъ словахъ очерчено какъ нельзя болѣе вѣрно, общее положеніе дѣлъ и съ поразительною ясностью указаны всѣ тѣ моменты, которые должны привести къ гибели непріятеля. Армія наша не уничтожена, она сохранила свою цѣлость и дисциплину, слѣдовательно отчаяваться въ спасеніи отечества не должно. Всѣ истинно русскіе должны возлагать свои упованія прежде всего на Бога, а затѣмъ на непоколебимую храбрость своихъ соотечественниковъ. Вѣрную надежду на спасеніе подаетъ также приближающаяся зима, этотъ страшный союзникъ русскихъ. Обширные размѣры государства Россійскаго должны также вселять каждому русскому твердую увѣренность въ счастливомъ исходѣ борьбы. Россія можетъ побѣдить непобѣдимаго своимъ пространствомъ; необходимо перенести войну въ пространство, говорили въ самомъ началѣ кампаніи лучшіе стратеги и знатоки военнаго искусства,—люди, отлично изучив-

*) Андреевская рукопись, письмо отъ 21 сентября 1812 г.

шіе всѣ свойства генія Наполеона, всѣ его способы веденія войны. Но эта мысль была отвергаема съ негодованіемъ въ началѣ борьбы; близорукіе патріоты требовали рѣшительныхъ сраженій и осмѣливались клеймить именемъ измѣнника чело-вѣка, отважившагося, вопреки общему голосу, отступить, идти назадъ, „переносить войну въ пространство“. И вотъ, когда даны были рѣшительныя, но бесполезныя битвы, въ глуши провинціи, вдали отъ центра событій, раздается смиренный, но правдивый голосъ патріота, непосвященнаго въ тайны стратегіи, но одареннаго здравымъ смысломъ. „Не унывайте,—говоритъ этотъ голосъ своимъ согражданамъ,—воззрите на обширные размѣры вашего отечества, въ нихъ однихъ заключается уже вѣрный залогъ вашего спасенія“. И въ самомъ дѣлѣ, Россія, не Пруссія и не Австрія. Непрiятель можетъ запать всю ея западную половину, онъ можетъ войти въ самую Москву, но затѣмъ остаются еще незанятыми колоссальныя пространства и на востокѣ, и на югѣ, и на сѣверѣ. Наше отступленіе можетъ продолжаться до Нижняго, до Казани, до Урала. А хватитъ-ли у непрiятеля силы преслѣдовать насъ такъ далеко? Уже теперь понесъ онъ громадный уронъ въ людяхъ и не въ состояніи пополнить его, уже теперь онъ ощущаетъ недостатокъ въ продовольствіи, а что будетъ далѣе?

Безъ сомнѣнія, далеко не всѣ харьковцы, быть можетъ, даже не всѣ тонкіе харьковскіе политики понимали такъ хорошо и ясно положеніе дѣлъ, какъ нашъ свидѣтель; быть можетъ, очень многіе изъ нихъ впали въ уныніе и отчаяніе, но не подлежитъ сомнѣнію, что эти настроенія продолжались очень недолго, что духъ харьковцевъ поднялся также скоро, какъ и другихъ русскихъ. Достаточно было первыхъ нѣсколь-ко отрадныхъ слуховъ, чтобы ободрить общество, чтобы сдѣлать его неузнаваемымъ. „Теперь у насъ,—пишетъ Лазичъ 28 сентября,—слухи хотя разнообразныя, но пріятныя; ибо здѣшніе купцы получили изъ разныхъ городовъ письма почти одинаковаго содержанія, изъ коихъ одно я самъ читалъ, и въ которомъ было написано, что въ Орлѣ была печатная реляція, въ которой, между прочимъ, упоминается, что непрiятель было видъ показаль, что стремится къ Рязани, но послѣ ударилъ

на Тулу и Калугу, откуда, однакожъ, будучи отраженъ, отретировался на Можайскую дорогу. Въ сей сшибкѣ попавшійся французскій генералъ въ плѣнъ привезенъ сюда. Сіе происходило 17-го числа и, какъ говорятъ, безъ важнаго сраженія. Въ томъ-же письмѣ пишутъ, что вся Испанія очищена отъ французовъ, что англійскія войска вступили во Францію, и что даже и короля испанскаго взяли въ плѣнъ. Сіи извѣстія удивительно какъ подѣйствовали на духъ здѣшнихъ жителей, они теперь гораздо живѣе и бодрѣе прежняго, да и правду сказать, нельзя не радоваться, видя непріятельскіе замыслы уничтоженными“ *).

Мы знаемъ, что до 20 сентября не произошло ничего рѣшительнаго на театрѣ войны, что въ окрестностяхъ Москвы наши партизаны и отдѣльные отряды имѣли нѣсколько удачныхъ стычекъ съ непріателемъ, но и этихъ небольшихъ успѣховъ, преувеличенныхъ по обыкновенію молвою, было уже достаточно, чтобы изгладить послѣднее тяжелое впечатлѣніе, вызванное потерей Москвы, чтобы возбудить во всѣхъ сердцахъ несокрушимую надежду на побѣду русскаго оружія. А что такъ дѣйствовало и вліяло въ Харьковѣ, далеко отъ Москвы, то дѣйствовало и вліяло съ неменьшею силою во всѣхъ близкихъ и дальнихъ губерніяхъ и областяхъ необъятной Россіи. Повсюду мощь русскаго народа, его несокрушимая вѣра въ Бога и въ свои собственныя силы обваружились въ полномъ своемъ блескѣ и величіи въ тяжелую годину испытанія. Вездѣ послѣ первыхъ порывовъ горя настала пора высокаго поднятія нравственныхъ силъ, вездѣ проявилось твердое намѣреніе вести борьбу до конца, не останавливаться ни предъ какими жертвами, ни предъ какими потерями; повсюду, во всѣхъ умахъ водворилось твердое упованіе на копечную и полную побѣду праваго дѣла. Въ теченіи всего сентября, когда дѣла оставались, повидимому, еще въ неопредѣленномъ положеніи, когда начали ходить темныя слухи о мирныхъ переговорахъ, въ русскомъ обществѣ распространилось лишь одно опасеніе, нападалъ на всѣхъ лишь одинъ страхъ: это страхъ передъ возможностью мира, это опасеніе, что Наполеону от-

*) Андреевская рукопись, письмо отъ 28-го сентября.

крытъ будетъ свободный и почетный выходъ изъ ловушки, въ которую попалъ онъ добровольно. „Всѣ опасались одного, говоритъ современникъ, — это мира“ *). Опасеніе было одинаково и въ обществѣ, и въ рядахъ арміи. Во время переходовъ отъ Москвы къ Тарутинскому лагерю, солдаты наши имѣли передъ собою постоянно въ виду зарево пылающей Москвы. Никто въ рядахъ нашей арміи не сомнѣвался въ эти страшные дни, что огонь, пожирающій столицу Россіи, разложенъ святотатственною рукою непріятеля **). Легко себѣ представить, что должны были чувствовать при этомъ русскіе люди, покинувшіе столицу съ оружіемъ въ рукахъ. Жажда непримиримой мести съ силою всемогущей необходимости наполняла всѣ сердца, трепетали лишь передъ возможностью мира. Каждый задавалъ себѣ мучительный вопросъ: выдержитъ-ли русскій царь до конца тяжелую годину испытаній, не попадетъ-ли онъ еще разъ въ сѣти, разставленныя коварнымъ корсиканцемъ. Примѣръ Тильзита, еще свѣжій на памяти у всѣхъ, невольно заставлялъ трепетать за будущность отечества. Всѣ знали кроткій, гуманнѣйшій, но въ тоже время податливый и нерѣшительный характеръ Александра. Люди, болѣе посвященные, опасались всего болѣе вліянія среды, окружавшей императора. Они знали, что Александру придется выдержать тяжелую борьбу и съ самимъ собою, и съ людьми близкими къ нему и дрожали при одной мысли за возможный исходъ такой борьбы. Не было тайною, что самъ послѣдникъ престола, цесаревичъ Константинъ давно уже высказывается въ пользу мира, что такой близкій къ государю человекъ, какъ графъ Аракчеевъ, также убѣжденъ въ невозможности бороться съ великимъ человекомъ, что Румянцевъ и всѣ его сторонники употребятъ всѣ силы для прекращенія бесполезной, по ихъ мнѣнію, войны. Не безъизвѣстно было также, что польская партія сохранила въ Петербургѣ свое прежнее значеніе и силу, не смотря на

*) „Всѣ опасались одного—мира съ Наполеономъ и продолженіе войны возмечило въ глазахъ ихъ Александра“. Вигель, воспоминанія, часть четвертая, стр. 53.

**) Убѣжденіе, что Москва сожжена непріятелемъ, было всеобщее: оно высказывалось иррациональнымъ въ его манифестахъ и извѣщеніяхъ, оно подтверждалось самымъ государемъ въ его письмахъ, напр. къ кронъ-принцу шведскому.

на что. Всѣ эти обстоятельства и соображенія оставались, разумѣется, недоступными для массы народа. Эта масса также твердо вѣрила въ своего царя, какъ и въ тѣ незабвенныя минуты, когда она тѣснилась вокругъ него въ стѣнахъ священнаго Кремля, когда она силилась прикоснуться къ его одеждѣ, покрыть поцѣлуями его руки и ноги, когда она восторженно кричала ему: „отецъ нашъ, ангелъ нашъ! веди насъ противъ нихъ, веди противъ всего міра!“ Простые и неразумные оказались и на этотъ разъ прозорливѣе ученыхъ и мудрыхъ. Въ величайшій моментъ исторіи русской царь русскій оказался на высотѣ своего призванія, явился истиннымъ вождемъ и вѣрнымъ выразителемъ сокровеннѣйшихъ и глубочайшихъ стремленій своего народа. Тяжела была борьба, предстоявшая Александру, но онъ вышелъ изъ нея полнымъ побѣдителемъ. Благословеніе Всевышняго осѣнило его и неразрывно соединенный съ нимъ народъ русскій *).

Извѣстіе объ оставленіи Москвы и о вступленіи въ нее непріятеля проникло въ Петербургъ сначала въ видѣ смутнаго слуха. Распустилъ этотъ слухъ какой-то пріѣзжій помѣщикъ, но никто не хотѣлъ вѣрить роковой вѣсти **). Однако-же, уже на другой день государь получилъ донесеніе отъ графа Растопчина, окончательно разсѣвавшее всякое сомнѣніе. Графъ писалъ императору: „Адъютантъ князя Кутузова привезъ мнѣ письмо, въ коемъ онъ требуетъ отъ меня полицейскихъ чиновниковъ для сопровожденія арміи на Рязанскую дорогу. Онъ говоритъ, что съ сожалѣніемъ оставляетъ Москву. Государь! Поступокъ Кутузова рѣшаетъ жребій столицы и вашей имперіи. Россія содрогнется, узнавъ объ уступленіи города, гдѣ сосредоточивается величіе Россіи, гдѣ прахъ вашихъ предковъ. Я послѣдую за арміею. Я все вывезъ; мнѣ остается плакать объ участи моего отечества“ ***).

*) Генералъ Вильсонъ писалъ въ Лондонѣ: „Взятіе Москвы есть только предвѣстіе истребленія завоевателей и побѣды Россіи. Съ средствами такого государства, съ духомъ такого народа, съ призывомъ и мужествомъ такого государя, наконецъ, съ такою основою, какъ это храброе и вѣрное войско, нельзя сомнѣваться въ конечной побѣдѣ“. Wilson, Geheime Geschichte des Feldzugs von 1812 in Russland, стр. 151.

***) Богдановичъ, „Исторія отечественной войны“. Т. II, стр. 287.

***) Богдановичъ, „Исторія отечественной войны“. Т. II, стр. 287.

Не трудно себѣ представить, какъ должна была подѣйствовать эта грозная вѣсть на императора. Въ первое время Александръ такъ былъ пораженъ ею, что недоступенъ былъ никакимъ другимъ чувствамъ, кромѣ чувства глубокой всепроникающей скорби. Мысль, что древняя его столица, центръ и сердце русской земли, находится уже въ рукахъ гордаго непріятеля, не давала ему ни на минуту покоя. Сердце его обливалось кровью, когда онъ вспоминалъ, что народъ, такъ недавно окружавшій его съ такою горячею любовью, съ такимъ восторженнымъ энтузіазмомъ, томится теперь подъ жестокимъ гнетомъ непріятеля. И онъ, вѣщесный, прирожденный вождь этого народа, не въ состояніи былъ предупредить этой бѣды, не могъ спасти своего народа, не смотря на все пламенное желаніе, на всѣ труды и жертвованія, не смотря на тяжелыя побѣды, одержанныя имъ надъ самимъ собою, надъ своими симпатіями, надъ глубоко вкорененными убѣжденіями. Охваченный такими мыслями, неспособный ни къ какимъ другимъ душевнымъ движеніямъ, императоръ просидѣлъ неподвижно въ теченіи цѣлой ночи у своего письменнаго стола передъ картою Россіи. Ничто, даже входъ постороннихъ лицъ не въ состояніи былъ вывести его изъ, почти что безчувственнаго ко всѣмъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, состоянія. Если онъ, и говорилъ въ эти страшные часы, то говорилъ какъ человѣкъ только что пробудившійся послѣ страшнаго сновидѣнія, охваченный еще ледянымъ вѣяніемъ чудовищной грезы. Онъ избѣгалъ говорить о томъ, что было извѣстно ему одному, какъ будто желалъ скрыть, похоронить въ самой глубинѣ души своей это ужасное *ничто*. Никогда, быть можетъ, ни одинъ изъ монарховъ не страдалъ внутренно и такъ болѣзненно за свой народъ, за самого себя. Въ эту страшную ночь онъ пережилъ цѣлые годы; его почти юношеское лицо было неузнаваемо на другой день, его волосы посѣдѣли отъ невыносимаго чувства скорби *).

Скорбныя мысли начали смѣшиваться, однако-же, постепенно и съ душевными движеніями иного свойства. Государь за-

*) О состояніи государя въ эту ночь смотри свидѣтельство графа Комаровскаго, приведенное нами въ одной изъ прежнихъ статей.

давалъ себѣ вопросъ, почему роковая вѣсть поразила его такъ моментально и страшно, и приходилъ къ убѣжденію, что впечатлѣніе ея усилилось до крайнихъ размѣровъ ея неожиданностью. Да, онъ не ожидалъ, не предвидѣлъ подобной катастрофы. Донесеніе Кутузова о Бородинской битвѣ, если и не показалось ему несомнѣнною вѣстью побѣды, но за то во всякомъ случаѣ подняло его надежды, устранило опасенія за Москву. Правда, онъ зналъ изъ послѣдующихъ донесеній главнокомандующаго, что наша армія продолжала свое отступленіе и послѣ сраженія 26 августа; но онъ не сомнѣвался, что это отступленіе не пойдетъ до самой Москвы, онъ былъ твердо увѣренъ, что за первымъ побѣдоноснымъ отраженіемъ врага не замедлятъ послѣдовать новыя болѣе рѣшительныя столкновенія съ непріателемъ. Но вотъ съ 29 числа прекратились всякія извѣстія отъ князя Кутузова, прошло нѣсколько томительныхъ дней, и вдругъ завѣса расторглась и истина во всей своей страшной наготѣ явилась предъ очами изумленнаго императора. „Итакъ, Кутузовъ обманулъ меня своими лживыми реляціями; мои антипатіи, мое неискоренимое ведовѣріе къ этому человѣку, къ этому холодному, коварному, скрытному старику не обманывали меня“,—вотъ были тѣ слова, которыя могъ повторять себѣ государь не разъ въ теченіи безсонной ночи.

На другой день Александръ потребовалъ къ себѣ князя П. М. Волконскаго. Онъ приказалъ ему немедленно-же ѣхать въ дѣйствующую армію, ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ и допести ему немедленно о своихъ наблюденіяхъ. Вслѣдъ затѣмъ государь вручилъ князю письмо на имя Кутузова. „Князь Михаилъ Иларіоновичъ! писалъ императоръ: съ 29 августа не имѣю я никакихъ донесеній отъ васъ. Между тѣмъ отъ 1 сентября получилъ я чрезъ Ярославль отъ московскаго главнокомандующаго печальное извѣстіе, что вы рѣшились съ арміею оставить Москву. Вы сами можете вообразить дѣйствіе, какое произвело сіе извѣстіе, а молчаніе ваше усугубляетъ мое удивленіе. Я отираваю съ симъ генераль-адъютанта Волконскаго, дабы узнать отъ васъ о положеніи арміи и о побудившихъ васъ причинахъ къ столь несчастной рѣшимости“ *).

*) Богдановичъ, „Исторія отечественной войны“. Т. II, стр. 288.

Прошло еще два дня, въ Петербургѣ начали уже ходить смутные слухи о пожарѣ въ Москвѣ, когда прибылъ, наконецъ, изъ арміи посланецъ Кутузова, полковникъ Мишо, съ донесеніемъ объ оставленіи Москвы. Мишо, родомъ иностранецъ, но сердцемъ чисто русскій *), сознавалъ отлично всю тяжесть возложеннаго на него порученія. Непріятно, даже опасно быть вѣстникомъ несчастія и при томъ такого потрясающаго, какъ потеря Москвы **). „Никогда, говорилъ онъ самъ, ни одинъ путешественникъ не ѣхалъ съ такимъ стѣсненнымъ сердцемъ, какъ я“. Его путь пролегалъ по мѣстности, угрожаемой непріятельскимъ нашествіемъ. Ежеминутно встрѣчалъ онъ массы бѣглецовъ, „не уносившихъ съ собою много достоянія, кромѣ любви къ отечеству, жажды мщенія и безграничной преданности къ своему обожаемому монарху“. Зарево пылающей Москвы озаряло его путь до самаго Муромъ. Онъ прибылъ въ столицу съ двойною страшною вѣстью: Москва не только уже была занята непріателемъ; нѣтъ, она уже пылала на всѣхъ концахъ. Государь немедленно-же принялъ его въ своемъ кабинетѣ. Уже одна глубоко-печальная паружность послапца не предвѣщала ничего добраго ***). Государь обратился къ нему съ такими сло-

*) „Russe de coeur et d'ame, quoique etranger“, говоритъ самъ о себѣ Мишо.

***) Мишо самъ изложилъ свой разговоръ съ государемъ въ письмѣ къ бывшему флигель-адъютанту Михайловскому-Данилевскому, который и воспользовался имъ въ своемъ известномъ сочиненіи о войнѣ 1812 года. Письмо напечатано цѣлкомъ и въ приложеніяхъ къ книгѣ Богдановича, т. II стр. 597—599. Письмо начинается такими словами. „Après l'entretien que nous eumes hier sur les evenemens de la guerre de l'année 1812, je crois vous faire plaisir, très cher colonel, en vous faisant connaitre une petite conversation que j'eus l'honneur d'avoir avec Sa Majesté notre très gracieux Empereur le 7-re 1812. Elle devrait faire époque dans l'histoire par la connaissance q'elle donne de la force d'ame de notre Souverain, qui a été bien mal jugé par ceux qui l'ont cru au moment de conclure la paix après la perte de Moscou“ (т. е. „послѣ нашей вчерашней бесѣды о событіяхъ войны 1812 года, я думаю доставить вамъ удовольствіе, дорогой полковникъ, сообщая вамъ небольшой разговоръ, который удостоился я имѣть съ Его Величествомъ, нашимъ всемилостивѣйшимъ Государемъ 7 сентября 1812 г. Разговоръ этотъ долженъ составить эпоху въ исторіи, такъ какъ онъ даетъ понятіе о силѣ души нашего Государя, судимаго такъ неправильно тѣми, которые считали его способнымъ заключить миръ послѣ потери Москвы“).

***) „Admis à l'instant par Sa Majesté dans Son cabinet, L'Empereur jugea d'abord par mon air, que je n'avais rien de consolant à Lui apprendre“...

вами „Вы привезли мнѣ печальныя новости, полковникъ?“ — „Да очень печальныя, Государь“, отвѣчалъ Мишо: „вѣсть объ оставленіи Москвы“. — „Скажите, неужели древняя моя столица была отдана безъ боя“, прервалъ его съ живостью Государь. — „Государь, отвѣчалъ Мишо, окрестности Москвы не представляли удобной позиціи для того, чтобы отважиться на бой съ силами незначительными. Фельдмаршалъ думалъ поступить болѣе благоразумно, сохраняя Вашему Величеству армию, потеря которой не спасла-бы Москвы, но могла бы имѣть самыя громадныя послѣдствія. Теперь армія, получивъ подкрѣпленія, которыя снѣшите доставить ей Ваше Величество, которыя я встрѣтилъ на всѣхъ путяхъ, будетъ вскорѣ въ состояніи перейти въ наступленіе и заставить раскаяться непріятели за его проникновеніе въ сердце Вашей имперіи“.

Тутъ Государь прервалъ Мишо вопросомъ: „И непріятель вступилъ уже въ Москву?“

„Да, Государь, и Москва превращена уже въ пепель, я оставилъ ее объятою пламенемъ“.

При этихъ словахъ, душевное волненіе государя достигло своей высшей степенн; слезы полились изъ его глазъ *). Но онъ скоро оправился. Прошла еще минута. Въ очахъ императора блисталъ огонь геройской рѣшимости. Его лице выражало глубокую преданность Провидѣнію, покорность его неисповѣдимому рѣшенію.

„Изъ всего нами испытаннаго, обратился онъ къ Мишо, я заключаю, что Провидѣніе требуетъ отъ насъ великихъ жертвъ, особенно отъ меня. Покорюсь его волѣ. Но скажите, Мишо, въ какомъ состояніи духа оставили вы армию, оставившую безъ выстрѣла мою древнюю столицу? Не повліяло-ли это на мораль солдата? Не замѣтили-ли вы упадка духа?“

„Государь! Позвольте-ли Вы мнѣ отвѣчать Вамъ свободно, какъ подобаетъ солдату?“

„Полковникъ, я требую всегда искренности, но въ эту минуту я прошу васъ говорить также, какъ говорили вы мнѣ

*) „A ces mots les yeux du Souverain me firent si bien connaitre l'état de Son ame que j'en fus ému à ne pouvoir tenir“.

до сихъ поръ; не скрываете отъ меня ничего, я хочу знать положительно все“.

„Государь, я оставилъ всю армію, начиная отъ командующихъ и оканчивая послѣднимъ солдатомъ, безъ исключенія, въ ужасномъ страхѣ.“

„Что вы говорите? возразилъ императоръ взволнованнымъ голосомъ: что могло породить этотъ страхъ? мои русскіе, могли-ли они пасть духомъ послѣ нѣсколькихъ несчастій?“

„Нѣтъ, они только боятся, чтобы Вы по добротѣ Вашего сердца не позволили убѣдить себя заключить миръ; они горятъ желаніемъ сразиться и доказать своею храбростью, пожертвованіемъ своей жизни, на сколько они преданы Вамъ“.

„Вы успокаиваете меня, полковникъ“ *)), сказалъ государь, потрепавъ Мишу по плечу. „Возвращайтесь въ армію, скажите моимъ храбымъ солдатамъ, скажите моимъ вѣрнымъ подданнымъ, повсюду, гдѣ будете проѣзжать, что когда не останется у меня ни одного солдата, то я стану во главѣ моего вѣрнаго дворянства, моихъ добрыхъ крестьянъ и буду бороться, пока не истощатся послѣднія средства моей имперіи. Россія можетъ дать мнѣ болѣе средствъ, нежели предполагаетъ непріятель; но если въ рѣшеніяхъ божественнаго Провидѣнія предначертано, что династія моя не должна царствовать долѣе на тронѣ моихъ предковъ, то истощивъ всѣ средства, находящіяся въ моемъ распоряженіи, я отрощу себѣ бороду до сихъ поръ (показывая рукою на грудь) и пойду питаться картофелемъ съ послѣднимъ изъ моихъ крестьянъ **),

*) Ah! vous me tranquillisez, colonel, сказано въ текстѣ письма. Ср. съ нимъ переводъ у Богдановича, гдѣ изъ этой простой фразы вышла цѣлая напыщенная тирада. Богдановичъ. Т. II. стр. 289.

***) И это мѣсто передано у Михайловскаго-Данилевскаго и Богдановича не точно. Въ подлинникѣ сказано: *mais si jamais il fut écrit dans les decrets de la divine Providence, que ma dinastie dut cesser de regner sur le trone de mes ancetres, alors apres avoir epusé tous les moyens, qui sont en mon pouvoir, je me laisserai croitre la barbe jusqu'ici et j'irai manger des pommes de terre avec le dernier de mes paysans plutôt que de signer la honté de ma patrie et de ma chere nation dont je sais apprecier les sacrifices qu'elle Me fait.* Въ переводѣ читаемъ: *но если судьбою и прмысломъ Божиимъ предначертано роду моему не царствовать болѣе на престолѣ моихъ предковъ, то истощивъ всѣ усилія, я отрощу себѣ бороду до сихъ поръ, и лучше соглашусь питаться хлѣбомъ въ нѣд-*

но никогда не подпишу стыдъ моего отечества и моей дорогой націи, пожертвованіями которой я такъ дорожу!“

Государь не могъ продолжать отъ волненія. Большими шагами ходилъ онъ по кабинету, все лице его пылало. Наконецъ, онъ подошелъ къ Мишо и пожимая крѣпко его руку, сказалъ: „Полковникъ, не забывайте того, что говорилъ я вамъ сегодня; быть можетъ, настанетъ время, когда мы вспомнимъ съ удовольствіемъ объ этомъ разговорѣ... Наполеонъ или я, я или онъ, мы не можемъ царствовать вмѣстѣ; я узналъ его хорошо; онъ не обманетъ меня болѣе!“

Сердце Мишо преисполнилось энтузіазмомъ при этихъ словахъ императора. „Государь! сказалъ онъ: Ваше Величество подписываете въ эту минуту славу Вашего народа и спасеніе Европы“.

Разговоръ съ Мишо ободрилъ и подкрѣпилъ Александра въ его тяжелой внутренней борьбѣ, но совершенно иного рода впечатлѣніе произвело на него чтеніе донесенія Кутузова. Кутузовъ дипломатъ, Кутузовъ, способный по словамъ Суворова, обмануть всѣхъ, не исключая и самого Рибаса, сказался въ каждой строчкѣ этого оригинальнаго документа.

„Послѣ столь кровопролитнаго, хотя и побѣдоноснаго съ нашей стороны, отъ 26-го августа, сраженія, долженъ я былъ оставить позицію при Бородинѣ, по причинамъ, о которыхъ имѣлъ счастье донести Вашему Императорскому Величеству. Послѣ сраженія того, армія приведена была въ крайнее разстройство; вторая армія весьма уже ослабѣла. Въ такомъ истощеніи силъ приближались мы къ Москвѣ, имѣя ежедневно дѣло съ авангардомъ непріятельскимъ, и на семь недалномъ разстояніи не представилось позиціи, на которой могъ-бы я съ надеждою принять непріятели. Войска, съ которыми мы надѣялись соединиться, не могли еще придти; непріятель-же пустилъ двѣ новыя колонны, одну по Боровской, другую, по Звенигородской дорогамъ, старался дѣйствовать на тылъ мой отъ Москвы; а потому не могъ я никакъ отважиться на баталію, которой невыгоды имѣли-бы послѣдствіемъ не только разрушеніе остатковъ арміи,

разъ Сибири. нежелю подписать стыдъ моего отечества и добрыхъ моихъ подданныхъ, пожертвованія копѣхъ ужѣю цѣнить“.

но и кровопролитнѣйшее разрушеніе и превращеніе въ пепель самой Москвы. Въ такомъ крайне сомнительномъ положеніи, по совѣщаніи съ перведствующими вашими генералами, изъ которыхъ нѣкоторые были противнаго мнѣнія, долженъ былъ я рѣшиться попустить непріятелю войти въ Москву, изъ коей всѣ сокровища, арсеналь и всѣ почти имущества какъ казенныя, такъ и частныя, вывезены, и не одинъ дворянинъ въ ней не остался *). Я осмѣливаюсь всеподданнѣйше изъяснить Вашему Величеству, что вступленіе непріятеля въ Москву не есть еще покореніе Россіи. Напротивъ, съ войсками, которыя удалось мнѣ спасти, я дѣлаю движеніе по дорогѣ въ Тулу. Это движеніе дастъ мнѣ возможность защищать Тулу съ ея важнѣйшею ружейною фабрикою, Брянскъ съ его не менѣе важнымъ пушечно-литейнымъ заводомъ и прикрывать наши плодороднѣйшія губерніи. Всякое другое движеніе отрѣзало-бы меня отъ нихъ и помѣшало-бы спосеніямъ моимъ съ арміями Торماسова и Чичагова, въ томъ случаѣ, если-бы сіи послѣдніи обнаружили большую дѣятельность въ угроженіи правому флангу непріятеля. Хотя я не отрицаю, что потеря столицы есть весьма чувствительная рана, но не колеблясь между этимъ происшествіемъ и тою пользою, которая вытекала изъ сохраненія нашей арміи, я занимаю теперь, со всѣми силами, такую операціонную линію, которая даетъ возможность моимъ отрядамъ, исходя отъ Тульской и Калужской дорогъ, перерѣзать непріятельскую линію, растянутую отъ Смоленска до Москвы, и такимъ образомъ отрѣзать всякую помощь, которую могла-бы получить непріятельская армія съ тыла. Привлекая на себя все вниманіе непріятеля, я тѣмъ самымъ надѣюсь принудить его оставить Москву и измѣнить всю свою операціонную линію. Генералу Винцингероде предписано отъ меня стать самому на дорогѣ въ Клинъ и Тверь, а на дорогѣ въ Ярославль расположить казачій полкъ, дабы предохранить населеніе отъ нападений непріятельскихъ отрядовъ. Теперь, когда я собралъ всѣ мои силы въ недалекомъ разстояніи отъ Москвы, могу я

* У Богдановича напечатана только эта первая часть донесенія. „Исторія отечественной войны“, часть II стр. 290. Все донесеніе напечатано у Берингарди. Т. II, стр. 170—172.

спокойно ожицать нападеній непріятели. Пока армія Вашего Императорскаго Величества цѣла и движима извѣстною храбростью и нашимъ усердіемъ, дотолѣ еще возвратная потеря Москвы не есть потеря отечества. Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше согласится изволите, что послѣдствія сіи нераздѣльно связаны съ потерею Смоленска и съ тѣмъ разстроеннымъ совершенно состояніемъ войскъ, въ которомъ я оныя засталъ. Полковникъ Мипо объяснитъ Вашему Императорскому Величеству обстоятельнѣе положеніе дѣлъ“.

Нельзя не согласиться, что донесеніе Кутузова отличалось не только темнотою и неопредѣленностью, но и страдало явными противорѣчіями *). Кутузовъ ставитъ оставленіе Москвы въ зависимость отъ потери Смоленска, — другими словами, опъ даетъ видъ, что Смоленскъ принадлежитъ къ числу тѣхъ мистическо-стратегическихъ пунктовъ, таинственное значеніе которыхъ понятно лишь однимъ посвященнымъ адептамъ стратегіи, и отъ обладанія которыми зависитъ господство надъ цѣлою странною. Самъ Кутузовъ всѣми своими дѣйствіями показалъ, однакоже, что онъ вовсе не былъ сторонникомъ этого страннаго ученія **), что въ данномъ случаѣ онъ прибѣгъ къ нему съ единственною цѣлью оправдать себя и свалить всю вину на своего предшественника. Онъ взводилъ вслѣдъ затѣмъ еще большее обвиненіе на него: онъ говорилъ о совершенно разстроенномъ состояніи, въ которомъ онъ засталъ армію въ моментъ своего пріѣзда къ ней. Такое показаніе Кутузова находилось въ прямомъ противорѣчій съ истиною. Безсмертная заслуга Барклая и заключалась именно въ томъ, что онъ передалъ Кутузову армію не въ разстроенномъ, а въ превосходномъ состояніи. Это была та самая армія, съ которою отважился Кутузовъ, спустя нѣсколько дней послѣ своего пріѣзда, вступить въ страшный Бородинскій бой, — та самая армія, которая отъ Смоленска до Царева-Займища не знала другой убы-

*) Таково, между прочимъ, и мнѣніе Богдановича. Т. II, стр. 291.

**); Это ученіе всецѣло господствовало у австрійскихъ стратеговъ, терпѣвшихъ столько постыдныхъ пораженій отъ Наполеона. У нихъ играло всегда главную роль не пораженіе непріятельскихъ массъ, а обладаніе какими-то господствующими и рѣшающими все дѣло стратегическими пунктами.

ли кромѣ убитыхъ и раненыхъ въ стычкахъ съ непріятелемъ, — та самая армія, которая изумляла самихъ враговъ своею строгою дисциплиною, своею выносливостію, своею постоянною готовностію къ бою, къ величайшимъ усиліямъ и безпримѣрному самопожертвованію. Въ донесеніи Кутузова встрѣчались и другія странныя противорѣчія. Такъ Кутузовъ называлъ по прежнему Бородинское сраженіе побѣдою, а вслѣдъ затѣмъ говорилъ объ остаткахъ арміи, уцѣлѣвшихъ послѣ этого сраженія. Самое оставленіе Москвы не было у него мотивировано достаточно, а увѣреніе, что изъ Москвы было вывезено рѣшительно все, взятое впрочемъ со словъ Растопчина, заключало въ себѣ чистѣйшую ложь.

Указывая на всѣ эти обстоятельства, мы вовсе не думаемъ ставить ихъ въ тяжкое преступленіе Кутузову. Не слѣдуетъ забывать, что донесеніе это было писано въ торопяхъ, подъ вліяніемъ самыхъ тяжелыхъ, удручающихъ обстоятельствъ. Не надо также упускать изъ виду, что ни одинъ главнокомандующій не можетъ говорить въ своихъ донесеніяхъ правду и не скрывать ничего. Необходимо, наконецъ, помнить личный характеръ Кутузова, его отношенія къ государю, исторію его назначенія, и тогда многое въ его донесеніи окажется естественнымъ и понятнымъ. Какъ-бы то ни было, но императоръ Александръ не могъ быть доволенъ подобнымъ донесеніемъ. Недовѣріе и подозрительность, столь свойственныя его натурѣ, должны были извлечь изъ него для себя новую пищу. А тутъ еще государь узналъ отъ графа Аракчеева, что и въ самой арміи были весьма и весьма вліятельныя лица, которыя рѣшительно порицали образъ дѣйствій Кутузова и усматривали въ самомъ оставленіи Москвы великую политическую и военную ошибку. Старый интриганъ Бенингсенъ, такъ удачно подкопавшійся въ свое время подъ Барклая, рассчитывалъ, что теперь настала пора совершить ту-же продѣлку и съ Кутузовымъ. Къ старымъ счетамъ прибавились теперь новыя. Бенингсенъ не могъ забыть того нравственнаго пораженія, которое потерпѣлъ онъ на военномъ совѣтѣ въ Филяхъ, онъ не могъ простить Кутузову его проницательнаго указанія на Фридрихское сраженіе. Зная личныя чувства императора къ себѣ, Бенинг-

сенъ не рѣшился, однако-же, обратиться съ своими инсинуаціями къ самому государю, а предпочелъ идти черезъ графа Аракчеева, человѣка съ одной стороны особенно близкаго къ Александру, а съ другой способнаго принять участіе въ любой интригѣ. Бенингсенъ вручилъ Мишо слѣдующее письмо на имя графа Аракчеева. „Я полагаю, что отдача Москвы произвела сильное впечатлѣніе въ С.-Петербургѣ. 1-го сентября, въ семь часовъ вечера былъ собранъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено отдать Москву, что немедленно и исполнено. Генералъ Барклай усерднѣе всѣхъ поддерживалъ это мнѣніе, увѣряя, что самъ государь одобритъ его. Время покажетъ намъ, въ какой степени справедливо такое увѣреніе. Весьма желалъ-бы я довести до монаршаго свѣдѣнія, что я никакъ не соглашался на сіе предложеніе, объясняя причины моего противорѣчія и поставляя на видъ всѣ вредныя послѣдствія, мною предвидѣнныя. По принятіи мнѣнія генерала Барклая, я оставилъ совѣтъ. Кажется, князь Кутузовъ нынѣ убѣдился, что онъ сдѣлалъ большую ошибку, и совѣтуется со мною на счетъ дальнѣйшихъ дѣйствій; надѣюсь, что наше положеніе вскорѣ поправится“ *).

Своимъ посланіемъ Бенингсенъ рассчитывалъ достигнуть съ разу нѣсколькихъ цѣлей. Не забывая своей старой ненависти къ Барклаю, онъ хотѣлъ свалить прежде всего на него главную вину за оставленіе Москвы; затѣмъ онъ старался накинуть тѣнь на образъ дѣйствій Кутузова и показать, что если дѣла наши и начинаютъ приходить въ нѣсколько сносное положеніе, то единственно благодаря мудрымъ совѣтамъ его, Бенингсена. Тонкіе расчеты Бенингсена не оправдались, однако-же, вполне. Какъ ни сильно было въ первыя минуты негодованіе императора Александра на стараго фельдмаршала, но уже въ силу своей нерѣшительности и осторожности онъ былъ крайне далекъ отъ мысли о его немедленномъ смѣщеніи. „Извѣстіе о взятіи Москвы, рассказываетъ Шишковъ, подало поводъ къ разнымъ толкамъ, обвинявшимъ князя Кутузова. Примѣтя, что и самъ Государь поставяетъ ему въ вину, для

*) См. Богдановичъ, „Исторія отечественной войны“. Т. II, стр. 291—292.

чего не далъ онъ вторичнаго подъ Москвою сраженія, я осмѣлился спросить у него: не думаетъ-ли онъ смѣнить Кутузова? и очень обрадовался отвѣту его:— „нѣтъ, я одиюдь сего не думаю“ *).

Обстоятельства и въ этомъ случаѣ оказались сильнѣе воли самого императора. Невозможно было смѣнить Кутузова уже потому, что не смотря на потерю Москвы, онъ продолжалъ пользоваться наибольшимъ довѣріемъ войска и народа. Да и кѣмъ возможно было замѣнить стараго вождя? Барклай былъ по прежнему невозможенъ, не смотря на всѣ свои геройскіе подвиги, на все свое самопожертвованіе, а Бенингсенъ былъ крайне антипатиченъ самому императору. Въ виду такого положенія дѣлъ Александръ ограничился лишь тѣмъ, что передалъ на разсмотрѣніе комитета министровъ вопросъ о крайней неточности донесеній Кутузова и затребовалъ его отзыва на этотъ счетъ. Мнѣніе комитета сложилось такимъ образомъ. „Донесенія князя Кутузова о сраженіи подъ Бородиномъ и о неожиданномъ допущеніи непріятеля въ Москву безъ всякаго сопротивленія не представляютъ той опредѣлительности и полного изображенія причинъ, кои въ дѣлахъ столь величайшей важности необходимы и что сіе поставяетъ правительство въ невозможность основать свои заключенія. Соображаясь съ прежними примѣрами, что главнокомандующіе не только доносили всегда обстоятельно о всѣхъ движеніяхъ и намѣреніяхъ своихъ, но и доставляли журналы дѣйствій своихъ, протоколы совѣтовъ военныхъ и пр., для чего находились при нихъ, какъ и нынѣ находятся, нужные чиновники, комитетъ полагаетъ предписать главнокомандующему арміямъ, дабы доставилъ онъ сюда во-первыхъ протоколъ совѣта, въ коемъ положено было оставить Москву непріятелю безъ всякой защиты, и во-вторыхъ, чтобъ на будущее время всегда доставлялъ полныя о всѣхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ своихъ свѣдѣнія. Мнѣніе комитета о семъ въ томъ состоитъ, чтобы предписаніе главнокомандующему сдѣлано было не въ видѣ какого-либо замѣчанія, но единственно по совершенной въ помянутыхъ свѣдѣніяхъ отъ

*) Записки Шипцова. Т. II, стр. 159.

него необходимости“. Императоръ Александръ препроводилъ мнѣніе комитета къ Кутузову и вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ, чтобы доставляемыя изъ арміи свѣдѣнія были полнѣе и точнѣе предъидущихъ *).

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

*) Богдановичъ, „Исторія отечественной войны“. Т. II, стр. 301.

НАШИ НОВЫЕ „ФИЛОСОФЫ И БОГОСЛОВЫ“.

(Продолженіе *).

III.

Гносеологическая теорія г. Соловьева, основанная на „всеединствѣ“ идей.—Связь этой теоріи съ гносеологическими доводами г. Соловьева въ пользу союза Восточной Церкви съ Западною.—Развитіе національности во свѣтѣ „всеединства“ идей.—Вѣра г. Соловьева въ существованіе у русскаго народа своей особенной религіозной идеи.—Нашъ взглядъ на эту вѣру.—Другія предполагаемыя идеи русскаго народа.—Теорія историческихъ миссій, теорія расы и эволюціонная теорія.—Богословскій взглядъ на эти теоріи.—Возможность исполненія религіозной задачи зависить отъ индивидуальныхъ силъ народа въ связи съ благодатною помощью.—Эволюціонная теорія въ приложеніи къ русскому народу.—Наши западники и славянофилы.—Разновидности западной культуры.—Г. Соловьевъ отдастъ предпочтеніе папистической культуры предъ всякой другой.—Его отрицаніе противорѣчія между папистическою и нашею культурою.—Находится-ли православіе въ борьбѣ съ истинною культурою?—Наилучшая культура, по нашему мнѣнію.—Православіе и папистическая культура.—Взглядъ г. Соловьева на протестантскую культуру.—Основанія для этого взгляда.—Догматическій прогрессъ въ католическомъ мірѣ.

Приступая къ разбору гносеологическихъ доводовъ г. Соловьева въ пользу союза Восточной Церкви съ Западною, мы должны, хотя въ общихъ чертахъ, изложить самую гносеологическую теорію его, потому что въ этой теоріи, какъ въ тучной и плодородной почвѣ, всѣ гносеологическіе доводы его прикрѣплены своими глубочайшими и незримиими корнями. Г. Соловьевъ, какъ теософъ, имѣетъ свою особенную гносеологическую теорію, тоже основанную на одномъ и томъ-же понятіи о „всеединствѣ“. Подобно Шел-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 2.

лингю, онъ, съ одной стороны, старается освободить человѣческое сознание отъ деспотизма отвлеченной теоріи познанія, отъ деспотизма логическаго понятія, а съ другой—старается найти всеобщее, необходимое и объективное содержаніе для всего разрозненнаго и разнообразнаго эмпирическаго матеріала ощущеній. Намѣсто общепринятой и, по его мнѣнію, *отвлеченной* или *субъективной* теоріи познанія, онъ хочетъ установить теософическую, по его воззрѣнію, несомнѣнно *реальную* и *объективную*. Онъ говоритъ: „*отвлеченная* теорія познанія разрываетъ связь познающаго со всѣмъ, со всеединымъ, отрываетъ познающаго субъекта отъ его истинныхъ отношеній, беретъ его въ отдѣльности, тогда какъ онъ по *истинѣ* въ этой отдѣльности не существуетъ и существовать не можетъ, и затѣмъ противопоставляетъ его всему остальному, какъ безусловно для него чуждому, внѣшнему“. Отсюда-то и происходитъ то явленіе, что между познающимъ субъектомъ и познаваемымъ объектомъ нѣтъ внутренней связи, познаваемый нами міръ превращается въ таинственную область невѣдомыхъ „вещей въ себѣ“, между субъектомъ и объектомъ устанавливается непроходимая бездна. Но „если субъектъ имѣетъ вещи безусловно внѣ себя, говоритъ далѣе г. Соловьевъ, то онъ тѣмъ самымъ не можетъ находить ихъ въ себѣ, въ своемъ сознаниі, т. е. не можетъ познавать ихъ, ибо познаніе есть вѣдѣ внутреннее состояніе самого субъекта; онъ можетъ познавать только то, что находится въ немъ самомъ, и, слѣдовательно, если истинное бытіе вещей *не* можетъ находиться въ немъ никакимъ способомъ, какъ безусловно для него внѣшнее, то слѣдовательно онъ осужденъ всегда имѣть дѣло только съ самимъ собою, т. е. съ своими собственными состояніями безъ всякаго отношенія къ какому-нибудь объективному бытію, къ какому-нибудь существамъ или вещамъ вромѣ него“. Г. Соловьевъ отвергаетъ подобную разрозненность между познающимъ субъектомъ и познаваемымъ объектомъ. То обстоятельство, что человѣкъ старается найти или установить связь между своимъ сознаниемъ и познаваемымъ имъ міромъ собственно дѣятельностію и поэтому „примѣняетъ

априорныя формы или категоріи своего разума къ эмпирическому матеріалу своихъ ощущеній, нисколько не измѣняетъ дѣла, т. е. нисколько не вводитъ его въ обширную и ясную область объективной или реальной истины, потому что „ничего объективнаго здѣсь нѣтъ, и самое подведеніе эмпирическихъ данныхъ подъ категоріи разума есть лишь игра субъективнаго ума, ein subjectiver Schein“. Словомъ, прежнія теоріи познания, утверждались-ли онѣ на дедукціи, или индукціи, или на той и другой вмѣстѣ, не давали намъ объективной и реальной истины, и много-много, если сообщали намъ отрывочныя, разрозненныя и субъективныя знанія. Гносеологическая-же теорія г. Соловьева хочетъ избѣжать этихъ недостатковъ. Она ищетъ вполне реальныхъ и вполне объективныхъ знаній; она стремится къ полной реально-объективной истинѣ. Гдѣ-же и какъ она находитъ или, по-крайней мѣрѣ, думаетъ найти ее? Во „всеединствѣ“ безусловныхъ отношеній, или во „всеединствѣ“ идей. Постараемся уяснить себѣ это новое „всеединство“. Какъ въ метафизическомъ смыслѣ все соединено во „всеединствѣ“ абсолютнаго, такъ-же точно и въ гносеологическомъ смыслѣ все соединено во „всеединствѣ“ безусловныхъ отношеній или идей. Это послѣднее „всеединство“ не есть только мысленное или умопредставляемое, но реальное, несомнѣнно существующее, а потому *единственно истинное*. „Если понятія разума, рассуждаетъ г. Соловьевъ, какъ акты нашего мышленія, и если явленія опыта, какъ факты нашего ощущенія, не даютъ намъ истины, а сообщаютъ намъ познаніе лишь объ относительномъ бытіи, то очевидно, что истина есть *все* въ своемъ *единствѣ* со всѣмъ, истина состоитъ во „всеединствѣ“ безусловныхъ отношеній всего и каждаго субъекта въ частности“. Эти безусловныя отношенія, эти идеи должны быть строго отличаемы отъ понятій, потому что понятія, какъ говоритъ г. Соловьевъ, всегда выражаютъ только признаки общіе многимъ предметамъ, и суть соединеніе такихъ признаковъ; идея же есть *основное* качество одного (метафизическаго) существа, дающее этому существу безусловную особенность и безусловную

единичность. Нужды нѣтъ, что этому основному качеству могутъ быть причастны и многія другія метафизическія существа чрезъ внутреннее взаимодѣйствіе съ первымъ; это нисколько не разрушаетъ безусловной особености и единичности метафизическаго существа, подобно тому какъ солнечный свѣтъ, распространяясь на множество предметовъ, не перестаетъ быть особеннымъ, единичнымъ явленіемъ, т. е. солнечнымъ свѣтомъ. Итакъ каждое метафизическое существо имѣетъ свою идею и всѣ идеи соединены во „всеединствѣ“ идей. Гдѣ-же существуетъ этотъ міръ идей, это „всеединство“ ихъ. Конечно прежде всего оно существуетъ въ абсолютномъ, а затѣмъ оно отърывается во мнѣ, въ васъ, читатель, и вообще въ каждомъ разумномъ сознаніи, и отърывается первоначально *безсознательно*, независимо отъ того, прійдемъ-ли мы, или не прійдемъ, при посредствѣ опыта или понятій разума, къ ясному сознанію этого богатства, тайно хранящагося въ нашей душѣ. „Каждое „я“, говоритъ г. Соловьевъ, есть нѣчто въ идеѣ безусловно особенное и единичное, т. е. представляетъ нѣкоторое безусловное, ему одному свойственное качество, есть нѣкоторая безусловная идея. Въ силу этой идеи каждое „я“ не только *есть* безусловно, но *есть это*, отвѣчаетъ положительно не только на вопросъ „есть-ли?“, но и на вопросъ „что есть?“ И это „что“ принадлежитъ ему (человѣческому „я“) не только въ Богѣ первоначальномъ, всеединомъ, но и въ немъ самомъ: онъ самъ сознаетъ свою идею и осуществляетъ ее“. Г. Соловьевъ говоритъ еще: „эту идею, скрывающуюся отъ нашего вѣшняго глаза въ невидимой (безсознательной) глубинѣ духа, нашъ умъ, побуждаемый вѣшними впечатлѣніями, переводитъ изъ этой глубины на поверхность дневнаго сознанія“. Вообще истина отърывается намъ въ двухъ своихъ видахъ: *изнутри*, со стороны нашего абсолютнаго существа, внутренне связаннаго съ существомъ познаваемаго, покоящагося въ абсолютномъ „всеединствѣ“, — таково знаніе *безусловное*, мистическое, какъ выражается г. Соловьевъ, — и *извне*, со стороны нашей феноменальной дѣйствительности, — таково наше знаніе *относительное*, эмпирическое и рациональное.

Г. Соловьевъ сравниваетъ это двойное откровеніе истины въ нашемъ сознаніи съ деревомъ, вѣтви и листья котораго разнообразно соприкасаются и переплстаются своими поверхностями, доставляя намъ такимъ образомъ знаніе виѣшнее или относительное; но тѣ же вѣтви и листья „связаны еще между собою внутренно, посредствомъ своего общаго ствола и корня, изъ котораго они всѣ одинаково получаютъ свои жизненные соки“,—таково знаніе мистическое, основанное на вѣрѣ, или на откровеніи „всеединаго“ въ нашемъ сознаніи. Или вотъ другое сравненіе. „Каждая точка на кругѣ, говоритъ г. Соловьевъ, связана съ другою точкой двоякимъ образомъ: во-первыхъ дугою окружности: заключающеюся между этими точками и ихъ раздѣляющею, и во-вторыхъ, внутренно, въ общемъ центрѣ круга, ибо каждая точка окружности одинакимъ радіусомъ соединена съ общимъ центромъ, который такимъ образомъ есть ихъ внутреннее единство“. На этомъ-то основаніи г. Соловьевъ утверждаетъ даже, что истина *открывается* въ человѣческомъ сознаніи и человѣкѣ, какъ разумное существо, получаетъ или можетъ получать „полное и положительное содержаніе истинны лишь отъ своего мистическаго или божественнаго элемента такъ что если систему рациональнаго знанія назовемъ философіей, то мы должны признать, что философія получаетъ свое истинное содержаніе отъ знанія религіознаго, отъ откровенія „всеединаго“ въ нашемъ сознаніи, отъ теологіи, разумѣя подъ этою послѣднею знаніе всего въ Богѣ, или знаніе существеннаго „всеединства“ *).

Такова гносеологическая теорія г. Соловьева. Что сказать о ней въ немногихъ словахъ? Шеллингъ, первый творецъ этой теоріи, никакъ не могъ защитить себя отъ справедливыхъ упрековъ въ пантеизмъ. Безъ сомнѣнія г. Соловьевъ тоже не можетъ быть свободнымъ отъ подобныхъ-же упрековъ, и онъ тоже впадаетъ въ пантеизмъ, когда допускаетъ „всеединство“ идей, существующее въ абсолютномъ и человѣческомъ сознаніи, когда предается своему гносеологическому самообожествленію, когда смѣшиваетъ свое ограниченное, человѣческое вѣдѣніе съ всевѣдѣніемъ абсолют-

*) „Русскій Вѣстникъ“ 1880. Т. 145. Критика отвлечен. началъ, стр. 344—90.

нымъ, божественнымъ. Открылъ-ли онъ, по крайней мѣрѣ, реальную истину? Мы въ этомъ тоже сильно сомнѣваемся. Впрочемъ, все это для насъ, въ виду нашей частной цѣли, не важно. Для насъ гораздо важнѣе то, что именно эта гносеологическая теорія служитъ у него глубочайшимъ основаніемъ, нормою и единственно правильнымъ методомъ въ дѣлѣ созданія, развитія и усвоенія духовной или умственной культуры вообще. Именно ее онъ примѣняетъ къ усвоенію всякаго рода истины, а въ тоже время къ усвоенію истины и религіозной. Читатель видитъ, что эта теорія даетъ очень важное или даже преимущественное значеніе въ культурномъ отношеніи элементу мистическому, т. е. вѣрѣ и откровенію. Г. Соловьевъ желалъ-бы только, какъ мы видѣли уже, чтобы этотъ элементъ не оставался у насъ обособленнымъ или отвлеченнымъ, но чтобы онъ находился во внутренней связи съ элементомъ природнымъ, эмпирическимъ, при посредствѣ, конечно, элемента рациональнаго. Онъ говоритъ: „элементъ мистическій какъ въ своемъ внутреннемъ развитіи въ душѣ человѣческой (внутреннее откровеніе), такъ и въ своемъ внѣшнемъ проявленіи въ исторіи человѣчества (откровеніе внѣшнее или положительное) составлялъ издревле особый предметъ умственной дѣятельности и давалъ содержаніе особенному систематическому знанію—наукѣ о вещахъ божественныхъ или теологіи“. Но эта обособленность, или отвлеченность откровеннаго знанія есть явленіе ненормальное. Для истиннаго знанія необходимъ синтезъ элемента мистическаго съ природнымъ при посредствѣ рациональнаго, потому что такой синтезъ не есть *данное сознанія*, а лишь *задача ума*, для осуществленія которой въ сознаніи существуютъ только разрозненные, отчасти загадочныя данныя*). Именно эта-то теорія лежитъ въ основѣ гносеологическихъ доводовъ г. Соловьева въ пользу нашего религіознаго единенія съ западными народами.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы все познаемъ и все можемъ познать лишь во „всеединствѣ“ идей или въ Богѣ; если каждая индивидуальная личность, точно также какъ и каждая коллективная

*) „Русскій Вѣстникъ“, тамъ-же, стр. 392—3.

личность (напримѣръ коллективная личность русскаго народа) имѣеть свою особенную идею, и эта идея можетъ быть ясно понята, признана и развита лишь въ связи со всѣми остальными идеями и даже находится съ ними во внутренней и неразрывной связи: то не должна-ли эта теоретическая связь идей найти свое выраженіе и осуществленіе въ опытѣ, въ жизни, разумѣется, при посредствѣ свободнаго религіознаго союза нашего со всѣми народами, или, по крайней мѣрѣ, со всѣми христіанскими народами. Да, выраженіе или осуществленіе этого союза въ жизни русскаго народа есть дѣло первой необходимости. Русская народность достигнетъ своего полнаго и плодотворнаго развитія лишь тогда, когда усвоитъ себѣ чужую, вселенскую, сверхнаціональную идею, когда пойметъ и, такъ сказать, перетворитъ свою особенную идею во „всеединствѣ“ вселенской идеи. „Развитіе національности, говоритъ г. Соловьевъ, можетъ быть плодотворно только по мѣрѣ усвоенія ею вселенской сверхнаціональной идеи („всеединства“ идей). А для этого усвоенія необходимъ нѣкоторый актъ національнаго самоотреченія, необходима готовность принимать *просвѣщающія и оживляющія* воздѣйствія, чрезъ кого-бы они не шли, не дожидаясь, чтобы родная почва дала намъ то, что можетъ дать только далекое солнце и чужая атмосфера“ *). Тоже самое надобно сказать и о религіозной идеѣ русскаго народа. „Мы открыли въ себѣ свободный доступъ чужимъ силамъ государственной и гражданской культуры, говоритъ еще г. Соловьевъ, и благодаря этому могли проявить свои собственные силы въ той низшей области. Теперь мы должны открыть къ себѣ таковой-же доступъ чужимъ религіознымъ силамъ, вступить съ ними въ свободное общеніе и взаимодѣйствіе, чтобы проявить и свою религіозную силу, чтобы исполнить свою религіозную задачу“. Безъ этого же условія „Россія не будетъ въ состояніи явиться какъ всемірно-религіозная сила для служенія вселенскому, христіанскому дѣлу“ **).

Таковъ первый гносеологическій доводъ г. Соловьева въ пользу

*) „Извѣстія С.П.Б. Славян. Благотвор. Общества“ 1884. № 2, стр. 10.

***) Тамъ-же, стр. 15.

нашего религіознаго союза съ западными христіанами, или точнѣе съ римско-католиками. Очевидно, что доводъ этотъ, при всей своей философской подкладкѣ, въ концѣ концовъ основывается не на какихъ-либо научныхъ данныхъ, не на несомнѣнныхъ и достовѣрныхъ фактахъ, а на мистической вѣрѣ въ существованіе у русскаго народа какой-то своей *особенной идеи или задачи*, искони вложенной въ духъ его и заправляющей всею его жизнію и историческими судьбами. Очевидно, г. Соловьевъ вѣрить, что у русскаго народа есть своя опредѣленная, такъ сказать, неизмѣнная и неподвижная идея, составляющая его задачу, призваніе или миссію среди остальныхъ христіанскихъ народовъ; и что эту задачу, идею, русскій народъ можетъ ясно сознать, понять и перевести въ жизнь только въ союзѣ съ западными народами, съ ихъ задачами и идеями. Русскій народъ можетъ осуществить или не осуществить свою идею; но чтобы хорошо осуществить ее и остаться ей вѣрнымъ до конца, онъ непременно долженъ войти въ религіозный союзъ съ западными христіанами. „Мы *отрицъ*, говоритъ г. Соловьевъ, что Россія имѣетъ въ мірѣ *религіозную* задачу. Въ этомъ ея настоящее дѣло, къ которому она подготовлялась и развитіемъ своей государственности, и развитіемъ своего сознанія, и если для этихъ мірскихъ дѣлъ нуженъ былъ правдивый подвигъ національнаго самоотреченія, тѣмъ болѣе онъ нуженъ для нашего окончательнаго духовнаго дѣла“ *). Читатель видитъ, что здѣсь все основано на *отрицъ*. Г. Соловьевъ *отрицъ*, что у русскаго народа существуетъ своя религіозная идея, находящаяся въ связи со „всеединствомъ“ вселенскихъ идей; онъ *отрицъ*, что осуществленіе этой идеи есть главное дѣло Россіи; онъ *отрицъ* наконецъ, что идея эта можетъ осуществиться удачно, исполнѣ, или хорошо только при религіозномъ союзѣ русскаго народа съ западными христіанами. Что сказать объ этой вѣрѣ г. Соловьева? Сознаемся откровенно, вся эта вѣра не представляется намъ ни особенно ясною, ни особенно достовѣрною, хотя она вся пронизана какою-то пророческою прозорливостію и пророческимъ

*) Тамъ-же, стр. 14.

ясновидѣніемъ. Конечно, христіанство предлагаетъ намъ свое возвышенное ученіе о Промыслѣ Божіемъ и говоритъ намъ, что Господь Богъ промышляетъ о царствахъ и народахъ; но оно нигдѣ не говоритъ о какомъ-то идейномъ различіи народовъ, основанномъ на предвѣчномъ предопредѣленіи этихъ народовъ, или на теософическомъ „всеединствѣ“ ихъ идей. Оно говоритъ намъ, что *владѣеть Вышній царствомъ человѣческимъ, и ему-же восхоцетъ дастъ е* (Дан. IV, 22, 29 см. Спр. X; 4); и учитъ, что подобно тому какъ текутъ воды по извѣстному уклону, *такъ сердце царевъ въ руцѣ Божіей: а може аще восхоцетъ обратити, тамо уклонитъ* е (Притч. XXI, 1); но оно нигдѣ не говоритъ, чтобы Господь отъ вѣчности предопредѣлялъ народу такую или иную частную идею или задачу, какъ-бы ни была эта задача или идея широка и всеобъемлюща, и чтобы народъ призывался осуществить эту именно отъ вѣчности предопредѣленную ему частную задачу или идею при посредствѣ церковнаго союза съ чужестранными народами. Оно призываетъ лишь всѣ народы къ нравственному совершенству и высочайшій идеалъ этого совершенства указываетъ въ лицѣ нашего божественнаго Учителя. И хотя этотъ идеалъ не вмѣстимъ не только въ жизни отдѣльныхъ народовъ, но и въ жизни всего человѣчества и даже въ жизни вѣчной или всемірной Церкви, тѣмъ не менѣе оно настойчиво побуждаетъ, какъ отдѣльные народы, такъ и индивидуальныхъ людей къ возможному осуществленію этого идеала въ своей жизни. Для этой цѣли оно подаетъ намъ *вся силы, яже къ животу и благочестію*, доставляетъ намъ совершенно достаточную и даже преизбыточествующую благодатную помощь; и уже виновенъ самъ человѣкъ или самъ народъ, если не хочетъ осуществлять въ своей жизни идеалъ христіанскаго совершенства. Христіанство прежде всего взываетъ къ нашей человѣческой самодѣятельности, къ нашей свободѣ, къ нашему самостоятельному труду, а не къ помощи какихъ-то чужихъ религіозныхъ силъ, какъ призываетъ насъ г. Соловьевъ. Поэтому будетъ-ли, или не будетъ существовать религіозный союзъ церквей, христіанство не оправдываетъ преступный

народъ тѣмъ, что онъ остался внѣ этого союза; оно прежде всего обвинить его личную свободу, личную самодѣятельность, преступное извращеніе нравственно - религіозной жизни. Здѣсь все дѣло зависитъ отъ сознательнаго, свободнаго и полнаго усвоенія себѣ благодатныхъ силъ христіанской жизни, а не отъ чужестранной помощи и чужестранныхъ религіозныхъ вліяній. По истинѣ богомудро учитъ насъ св. Ириней, когда, разсуждая о царяхъ, говоритъ: „нѣкоторые изъ нихъ даются для исправленія и пользы подданныхъ и сохраненія правды; нѣкоторые-же для страха и наказанія; еще нѣкоторые для уничиженія народовъ, или для возвышенія, смотря потому, чего бываютъ достойны эти народы по праведному суду Божию, одинаково простирающемуся на все“. Итакъ достоинство или недостоинство народа предъ судомъ праведнаго Бога безусловно зависитъ отъ народа, безусловно принадлежитъ самому народу. Конечно это не исключаетъ той мысли, что Богъ ведетъ народы къ осуществленію своихъ таинственныхъ и непостижимыхъ плановъ божественнаго міроуправленія. Народы въ рукахъ Промысла суть лишь органы его славы, премудрости, благости, правды. Многоразличными путями жизни Господь ведетъ народы къ осуществленію міровыхъ цѣлей и задачъ; но дѣло въ томъ, что эти цѣли и задачи совершенно недовѣдомы человѣку, совершенно сокрыты въ глубинахъ божественной мудрости. Прекрасно также говоритъ объ этомъ блажен. Августинъ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи „О градѣ Божіемъ“: „Богъ виновникъ и раздатель счастія, потому что Онъ единъ есть истинный Богъ, Самъ раздаетъ земныя царства и добрымъ, и злымъ. И раздаетъ не безъ намѣренія, не по случаю, не по счастію, но сообразно съ ходомъ дѣлъ и временъ, для насъ сокрытымъ, а для Него совершенно извѣстнымъ, которому, впрочемъ, Онъ не подчиненъ, но которымъ Самъ управляетъ и распоряжается, какъ Господь и Правитель“. А между тѣмъ есть писатели, которые берутся разгадывать эти задачи и цѣли для извѣстнаго народа и, конечно, ничего другаго не дѣлаютъ при этомъ, какъ фантазируютъ, строятъ произвольныя гипотезы и впадаютъ въ непримиримыя

противорѣчія. Представимъ на удачу нѣсколько примѣровъ. Тамъ наприм. Чаадаевъ вмѣстѣ съ западниками утверждалъ, что русскій народъ призванъ воспроизвести западную культуру въ лучшемъ и совершеннѣйшемъ видѣ; напротивъ того графъ Де-Местръ вмѣстѣ съ іезуитскою шляхтою находилъ, что мы неспособны въ усвоенію этой культуры и что наше призваніе состоитъ лишь въ сообщеніи азіатскимъ полудиварямъ своей низкоробной славяно-монгольской культуры. Любимою идеею Достоевскаго было убѣжденіе во „всечеловѣчности“ русскаго народа; любимая идея Г. Соловьева есть „всемірное спасеніе“ на основахъ его теософической „богочеловѣчности“. Ясно, что всѣ эти предположенія, — а въ нихъ нѣтъ недостатка, — всѣ эти указываемыя намъ задачи и цѣли совершенно произвольны. Они могутъ нравиться или не нравиться нашему національному чувству; они даже могутъ представляться намъ вѣроятными, или невѣроятными, согласно съ нашими индивидуальными расположеніями; но ихъ достовѣрность, ихъ истинность слишкомъ сомнительна и съ богословской точки зрѣнія всегда будетъ казаться посягательствомъ на разгадыванія тайнъ, довѣдомыхъ одному только Промыслу.

Но есть еще другая, чисто научная точка зрѣнія на занимающій насъ предметъ. Г. Соловьевъ воленъ вѣрить или не вѣрить во что ему угодно; но едва-ли онъ поступаетъ *научно* и даже *человѣкомобиво*, когда, на основаніи своей *вѣры* или *вѣроятныхъ для него предположеній*, хочетъ видоизмѣнить религіозныя воззрѣнія русскаго народа и совѣтуетъ намъ заставить другимъ настроеніемъ и другими взглядами, по его мнѣнію, болѣе христіанскими и болѣе справедливыми по отношенію къ церковному западу, а отъ русскаго правительства даже требуетъ, чтобы „оно возвратило религіозной истинѣ (какую-то) свободу, безъ которой невозможна религіозная жизнь“ *). По истинѣ мы не знаемъ болѣе опаснаго доктринерства, какъ когда оно, въ угоду своей излюбленной идеѣ, готово перестроить жизнь народа по своей мѣркѣ, по своему шаблону, не обращая ни малѣйшаго вниманія на

*) Тамъ-же стр. 15.

народные идеалы, на народныя симпатіи и антипатіи. Но этого мало. *Теорія историческихъ миссій народовъ*, которой держится г. Соловьевъ и по которой русскій народъ, подобно всѣмъ остальнымъ народамъ, имѣетъ свою особенную миссію, свою особенную задачу или идею въ общей жизни человѣчества, не есть теорія ни особенно распространенная, ни особенно доказанная въ научномъ отношеніи. Рядомъ съ этою теоріею существуетъ *теорія расы*, по которой народныя особенности или особенный народный духъ, а слѣдовательно и его народныя задачи признаются простымъ результатомъ физическихъ, фізіологическихъ и этнографическихъ особенностей того или другаго племени; есть наконецъ *теорія эволюціонная* или историческая, по которой особенный духъ народа не есть ничто неизмѣнное, искони данное ему, но ничто бессознательно создаваемое самимъ народомъ и затѣмъ развиваемое имъ подъ вліяніемъ всей его исторіи, которая въ свою очередь зависитъ отъ множества окружающихъ его вліяній и разнообразныхъ причинъ. Если первая теорія, т. е. теорія расы явно запечатлѣна характеромъ матеріалистическимъ и съ такимъ характеромъ своимъ не можетъ быть симпатична ни теософу, ни богослову, то почему не можетъ быть принимаема теорія эволюціонная или историческая? Эта послѣдняя теорія признаетъ существованіе духа человѣческаго вообще и бытія особенностей духа для каждаго народа въ частности; она говоритъ только, что эти народныя особенности духа, геній народа, создаются подъ вліяніемъ исторіи и разнообразныхъ историческихъ причинъ самимъ народомъ и создаются въ бессознательный періодъ его творчества, а затѣмъ уже развиваются и уясняются въ періодъ яснаго народнаго самосознанія. Намъ кажется, что эта теорія, правильно понимаемая, наиболѣе согласна съ христіанскимъ ученіемъ о единствѣ рода человѣческаго и о высочайшей правдѣ Божіей. Нельзя думать, чтобы Господь отъ вѣчности создавалъ какое-то качественное различіе народовъ и этимъ обрекалъ одни народы на зависимое и даже рабское отношеніе къ другимъ, напр. народовъ низшихъ, обездоленныхъ, къ высшимъ

и привилегированнымъ. Сравниваютъ народы съ членами человѣческаго организма; но при этомъ забываютъ, что и въ человѣческомъ организмѣ есть одни члены высшіе, а другіе низшіе, одни существенно необходимы для жизни, а другіе менѣе необходимы, одни *въ честь, а другіе не въ честь*, какъ говорятъ Апостоль. Ужели подобное органическое неравенство народовъ есть дѣло праведнаго Бога? Не лучше-ли, не естественнѣе-ли допустить, что народы, подъ вліяніемъ историческихъ причинъ, сами создаютъ для себя такое или иное положеніе въ общемъ семействѣ человѣческаго рода? По ученію Апостола, Богъ *назначилъ народамъ предопредѣленные времена и предѣлы ихъ обитанія, дабы они искали Бога, не ощущаятъ-ли Его и не найдутъ-ли, хотя Онъ и не далеко отъ каждаго изъ насъ: ибо мы Имъ живемъ, и движемся, и существуемъ* (Дѣян. XVII, 26—28). Апостоль, слѣдовательно, учитъ, что и предопредѣленные народамъ времена (т. е. исторія народовъ) и предѣлы обитанія ихъ (т. е. окружающая ихъ природа) совершенно достаточны для того, чтобы тотъ или другой народъ могъ осуществить самъ свою религіозную задачу, разумѣется, при дѣйствіи всемогущей благодатной помощи, которую онъ получаетъ или долженъ получить въ христіанствѣ; что для болѣе успѣшнаго осуществленія этой задачи нѣтъ надобности, какъ утверждаетъ г. Соловьевъ, искать далекаго солнца, чужой атмосферы и какихъ-то чужихъ религіозныхъ силъ. Повторяемъ, въ христіанствѣ или вмѣстѣ съ христіанствомъ народу, какъ и каждому человѣку въ частности, даруются *вся силы, яже къ животу и благочестію*, и народъ уже самъ виноватъ, если не хочетъ или не умѣетъ пользоваться ими надлежащимъ образомъ. Вообще, когда теософы, вслѣдъ за Шлейермахеромъ, говорятъ о несконномъ разнообразіи идей, а затѣмъ и народовъ, осуществляющихъ эти идеи; когда *отрываютъ съ натуры нравственное* разнообразіе лицъ и народовъ, предваряющее личный трудъ самодѣятельности, самообразованія и саморазвитія ихъ; и когда во всемъ этомъ усматриваютъ даже многохудожественную красоту человѣческаго рода: тогда, очевидно, они

впадаютъ въ детерминизмъ, т. е. отрицаютъ свободу воли, убиваютъ нравственное чувство, идутъ противъ единства челоуѣческаго рода, проповѣдуютъ рабство однихъ народовъ предъ другими, соціальное-ли то или духовное, это все равно, и, наконецъ, что особенно важно, впадаютъ въ кальвинистическое, столь безнравственное ученіе о предопредѣленіи. Съ христіанской точки зрѣнія всегда будетъ представляться несомнѣннымъ, что каждый народъ въ себѣ самомъ можетъ найти достаточно силъ для осуществленія общечелоуѣческихъ или общехристіанскихъ религіозно-нравственныхъ задачъ, когда милосердый Господь позоветъ его для дѣланія въ своемъ духовномъ виноградникѣ, т. е. когда просвѣтитъ его свѣтомъ Своей истины и оживотворитъ силою Своей благодати, и что для осуществленія этихъ задачъ нѣтъ надобности находиться въ какомъ-то духовномъ рабствѣ у другаго народа или у другихъ народовъ, хотя-бы то и высоко цивилизованныхъ. Безъ сомнѣнія, такова должна быть правильная христіанская точка зрѣнія на теософическое ученіе о идейномъ различіи народовъ, соединенныхъ между собою въ какомъ-то мистическомъ и совершенно непонятномъ „всеединствѣ“ идей, существующихъ отъ вѣчности въ Богѣ и затѣмъ съ роковою необходимостію проявляющихся во времени въ исторической жизни народовъ.

Но теорія естественнаго или *историческаго* развитія каждаго народа, вопреки теоріи роковаго реализированія какихъ-то предопредѣленныхъ отъ вѣчности идей, можетъ имѣть очень важное значеніе для нашего, т. е. русскаго народа. Она, съ одной стороны, можетъ предохранить насъ отъ безмысленнаго подолгоклонства предъ западными идеалами, а съ другой — не закроетъ отъ нашего взора очевидныхъ недостатковъ невольнаго идеализируемой нами родной старины. Устанавливая эту точку зрѣнія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ переходимъ ко второму гносеологическому доводу г. Соловьева въ пользу нашего союза съ латинскою церковію. Известно, что въ эпоху Петра Великаго совершился переворотъ въ русскомъ самосознаніи и явилась въ нашемъ сознаніи раздвоенность. Самыми полными выразителями этой раздвоенности

были и остаются наши, такъ называемые, западники и славянофилы. Если одни, говоря словами г. Карѣва, продолжали и продолжаютъ твердить, что *тутъ* истинной цивилизаціи гдѣ-то тамъ, на Западѣ, то другіе утверждали и утверждаютъ, что наше нормальное развитіе, повидимому, затеряно нами и скрывается гдѣ-то тамъ, въ сѣдой старинѣ. А потому западники все еще задаются цѣлію догнать Западъ, не задумываясь надъ тѣмъ, въ чемъ мы могли-бы уже и перегнать его; а славянофилы желали-бы возвратить старинную самобытность, не принимая въ расчетъ того, что за два вѣка мы успѣли *приобрѣсти*, какъ выражается тотъ-же писатель, „нѣкоторыя новыя и по истинѣ оригинальныя особенности“ *). Г. Соловьевъ тоже западникъ и еще недавно велъ довольно оживленную полемику съ славянофилами по поводу своихъ западныхъ пристрастій; но его западничество отличается особенными, своеобразными чертами. Когда у насъ говорятъ о западной культурѣ или о западной цивилизаціи, то большею частію разумѣютъ нѣчто единое, нѣчто общепринятое среди западныхъ народовъ и потому будто-бы общеобязательное для всѣхъ, но этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ. На Западѣ почти каждый народъ имѣетъ свою цивилизацію, свою культуру, преслѣдуетъ свои историческія задачи и цѣли, и только свою собственную цивилизацію или культуру признаетъ *типическою*, т. е. наиболѣе совершенною, а потому общеобязательною. Французъ Гизо, напримѣръ, признаетъ французскую цивилизацію наиболѣе совершенною; англичанинъ Бокль, напротивъ, видитъ это совершенство въ англійской цивилизаціи, а Гегель находитъ полное развитіе своего абсолютнаго, или лучше—нѣмецкаго духа въ прусской реставраціи. Наши русскіе западники тоже несогласны между собою въ своемъ поклоненіи западнымъ идеаламъ. У насъ тоже существуютъ и галломаны, т. е. люди преимущественно увлекающіеся французскою цивилизаціею или культурою, и кажется они всего болѣе распространены у насъ; есть и англomаны, которые хотѣли-бы видѣть въ исторіи русскаго народа своего рода повтореніе

*) „Лекція о духѣ русской науки“. П. Карѣва. Варшава. 1885 г. стр. 5 и дал.

или воспроизведение англійской цивилизаціи; есть, наконецъ, колонники нѣмецкой цивилизаціи, которые еще недавно создали на святой Руси и нѣмецкаго шульмейстера (народнаго учителя), и нѣмецкаго кистера (названнаго впрочемъ русскимъ именемъ псаломщика), и которые подарили намъ штунду, пашковщину и т. п. Г. Соловьевъ не увлекается ни одною изъ этихъ цивилизацій или культуръ въ частности; его симпатіи склоняются исключительно къ цивилизаціи папистической, т. е. той, которая создавалась и развивалась въ латинской церкви послѣ отдѣленія Запада отъ Востока. Оспаривая славянофиловъ, усюая имъ воззрѣнія на западную цивилизацію, которыхъ они не раздѣляютъ уже въ наше время, г. Соловьевъ признаетъ за западною цивилизаціею жизненность, развитіе и совершенно отвергаетъ ея гніеніе и разложеніе. „Если Западъ не гніетъ, говоритъ онъ, а живетъ и развивается, если европейскіе народы еще не сказали своего послѣдняго слова, еще продолжаютъ свою историческую работу, то на какомъ-же основаніи мы должны непремѣнно отдѣляться отъ нихъ и противопоставлять себя всей Европѣ вмѣсто того, чтобы чувствовать себя однимъ изъ европейскихъ народовъ? Если западная цивилизація не закончила своего развитія и мы не знаемъ ея результатовъ и предѣловъ, то на какомъ основаніи будемъ мы отнимать у нея общечеловѣческой, вселенскій характеръ?“

Итакъ, по словамъ г. Соловьева, мы не должны видѣть гніенія или разложенія западной цивилизаціи; напротивъ, мы должны признать ея жизненность, а потому должны усвоить себѣ ее, какъ общечеловѣческую или вселенскую. Впрочемъ, повторяемъ, это относится только къ цивилизаціи или культурѣ католической, а не къ какой-либо иной. Именно только эту цивилизацію онъ защищаетъ, только за нее стоитъ горой. „Тѣ признаки исторической смерти, говоритъ онъ, и наступающаго разложенія, которые указываются славянофилами въ западной цивилизаціи, никакъ не принадлежатъ къ католической культурѣ, которая основана Григоріемъ VII и Людовикомъ IX, Дантомъ и Рафаэлемъ, Альбертомъ Великимъ и Томой Аквинскимъ, Колумбомъ и Гутенбергомъ,

Коперникомъ и Декартомъ. Та Европа, которая „гниетъ“, есть Европа антихристіанская, въ частности антикатолическая“. Европа страдала и страдаетъ не отъ католической или панистинической цивилизаціи, а отъ антикатолической; отъ католической-же цивилизаціи надобно ожидать одного только добраго. „Правда, говорятъ иногда, разсуждаетъ г. Соловьевъ, что антихристіанское движеніе на Западѣ порождено самымъ католичествомъ, или, по крайней мѣрѣ, что католичество виновно въ этомъ разлагающемъ движеніи. Кто-же однако рѣшится утверждать, что отъ міросозерцанія Томы Аквинскаго и Данта Алигьери лежитъ прямой путь къ міросозерцанію Вюхнера, что св. Францискъ д'Асизи есть отдаленный представитель Лассала и что духъ Элоизы или Жанны д'Аркъ почилъ на Луизѣ Мишель?“ *) Таковъ взглядъ г. Соловьева на католическую или панистиническую цивилизацію. Впрочемъ, отзываясь въ подобныхъ выраженіяхъ объ этой цивилизаціи, онъ не признаетъ ее какою-то идеальной, вполне совершенною; онъ видитъ слабыя стороны и въ ней, и даже говоритъ, что историческая дѣятельность западной церкви не соотвѣтствовала *полнотѣ* христіанской истины, не могла вполне переродить жизни католическихъ народовъ въ христіанскомъ духѣ и такимъ образомъ дала возможность обнаружиться въ этой жизни антихристіанскому началу. Онъ только признаетъ католическую культуру за наилучшую въ Европѣ въ настоящее время, и хотѣлъ-бы воспользоваться ею для освобожденія православныхъ славянъ и въ частности насъ, русскихъ, отъ нашей замкнутости и исключительности по отношенію къ семьѣ европейскихъ народовъ; онъ видитъ въ ней очень пригодное средство для заключенія союза съ латинскою церковію, съ цѣлію при посредствѣ этого союза успешно осуществить главную задачу, главную идею, главную миссію русскаго народа, состоящую во всемірномъ спасеніи и въ наиболѣе полномъ реализированіи идеала „богочеловѣчности“. Остановимся нѣсколько на этихъ мнѣніяхъ г. Соловьева.

Очевидно, что и на этотъ разъ мы имѣемъ дѣло съ теософиче-

*) „Извѣстія С. И. Б. Славяnsk. Благотвор. Общ.“, 1884 г. № 6, стр. 6 и 7.

скимъ ученіемъ г. Соловьева о „всеединствѣ идей“, существующихъ въ Богѣ отъ вѣчности и реализирующихся народами во времени. Между этими идеями, по его мнѣнію, нѣтъ противорѣчій или противоположностей, а есть только художественное или эстетическое разнообразіе, взаимное пополненіе и гармоническое объединеніе. Надобно только стараться найти эту гармонию и не должно усиливаться и намѣренно отфѣнять между ними рознь и противорѣчія. „Хотя каждая изъ церквей (восточная и западная), говоритъ г. Соловьевъ, имѣетъ свой принципъ въ исторіи, а именно Востокъ стоитъ въ страдательномъ, а Западъ въ дѣятельномъ отношеніи къ Божеству, но въ основѣ Церкви эти принципы не исключаютъ, а восполняютъ другъ друга; они различались и въ древней Церкви, но не были причиной раздѣленія, слѣдовательно раздѣленіе и противоборство между христіанскимъ Востокомъ и христіанскимъ Западомъ не вытекаетъ изъ ихъ церковныхъ началъ самихъ по себѣ, а только изъ ихъ временнаго отрицательнаго положенія, которое касается лишь историческаго явленія Церкви, а не ея истинной религіозной сущности“ *). Точно также и между культурою или цивилизаціею православнаго Востока и католическаго Запада нѣтъ противорѣчій, а есть только пополненіе, разнообразіе и художественный контрастъ. Что сказать обо всемъ этомъ? Нельзя конечно думать, чтобы православіе находилось въ борьбѣ или въ какомъ-то коренномъ противорѣчій съ истинною и общечеловѣческою цивилизаціею или культурою, протестантскою, или римско-католическою—это все равно. Если подъ цивилизаціею и культурою, понятія о которыхъ довольно шатки и неустойчивы, разумѣть прежде всего полную картину гармоническаго развитія всѣхъ религіозныхъ, нравственныхъ и умственныхъ силъ въ духѣ христіанскомъ, то православіе не только не противорѣчитъ всему этому, но настойчиво требуетъ, внушаетъ и могущественно возбуждаетъ къ этому. Православіе оказало даже огромную услугу цивилизаціи западной Европы. Вспомнимъ при этомъ, что многохвалная западно-европейская эпоха *Возрожденія*

*) „Русь“ 1883 года № 23, стр. 27—28.

тоже совершилась подъ вліаніемъ православныхъ силъ, особенно притекавшихъ къ ней послѣ страшнаго турецкаго погрома много-страдальной Византійской имперіи. Если-же подъ цивилизаціею и культурою разумѣть развитіе соціальныхъ правъ, то именно православіе, для котораго любовь и правда понятія родственныя, а не разрозненныя и часто противоположныя, наиболѣе способно вести къ развитію этихъ правъ. Достаточно вспомнить при этомъ безпримѣрный въ исторіи цивилизаціи фактъ добровольнаго освобожденія крестьянъ и войны изъ-за освобожденія балканскихъ славянъ. Юридическая наука сравниваетъ положительное право, основанное на справедливости, съ нервною системою общественнаго организма *); поэтому православіе, отождествляющее любовь и справедливость, должно сравнить съ силою, дѣйствующею въ этихъ нервахъ. Насколько эта сила развита и проникла въ нервы, настолько развивается и осуществляется въ обществѣ справедливость, правда и положительное право. Если-же подъ цивилизаціею и культурою разумѣть, наконецъ, сумму доступныхъ чело-вѣку благъ и наиболѣе справедливое распредѣленіе ихъ, то именно православіе, настойчиво заповѣдующее трудъ, братолюбіе, требующее жертвы и призывающее всѣхъ къ христіанскому милосердію, ведетъ къ увеличенію этихъ благъ и къ наиболѣе справедливому распредѣленію ихъ. Въ этомъ отношеніи намъ тоже нечего завидовать ни папской, ни протестантской цивилизаціи. Бѣдны мы, это правда, но по крайней мѣрѣ, у насъ нѣтъ того безсердечнаго индивидуализма, того страшнаго пролетаріата, той непроходимой бездны между трудомъ и капиталомъ, отъ которыхъ стономъ стонетъ цивилизованная западная Европа. Но это въ слову. Мы хотимъ только сказать, что православіе не только не стоитъ въ борьбѣ или противорѣчіи съ папистическою или протестантскою цивилизаціею, понимасмою въ истинномъ смыслѣ, но въ себѣ самомъ заключаетъ богатство силъ, достаточное для могущественнаго, плодотворнаго и безграничнаго развитія истинной

*) *Naturrecht oder Philosophie des Rechtes und des Staates.* Heinrich Ahrens. 1870. В. I. S. 273—274.

цивилизациі. Если-же цивилизующія силы православія были задержаны въ своемъ развитіи, если на сѣверѣ монголы, на востокѣ арабы и турки, а на западѣ лжебратія надолго остановили свободное развитіе этихъ силъ, если и теперь еще разныя неблагоприятныя условія мѣшаютъ полному проявленію этихъ силъ: то не должны-ли мы прежде всего позаботиться объ устраненіи этихъ преградъ, этихъ препятствій, чтобы начать наше развитіе съ тѣхъ пунктовъ, на которыхъ оно остановилось? Въмѣсто мечтаній о всемірной политикѣ и вмѣсто осуществленія теософическаго идеала „богочеловѣчности“, не должны-ли мы позаботиться прежде всего о нашихъ насущныхъ религіозно-нравственныхъ потребностяхъ, о нашихъ ближайшихъ задачахъ? Должны-ли мы вѣрить г. Соловьеву, что наше православіе, а вмѣстѣ съ нимъ и наша культура, которая даже по суду г. Соловьева хороша, хотя односторонняя и неполна,—только въ соединеніи съ латинскою культурой будто-бы разцвѣтетъ и разовьется, какъ никогда болѣе? Мы этого не думаемъ. По нашему мнѣнію, наилучшая цивилизациія возможна только тогда, когда она вполне самобытна, вполне самородна, и въ то-же время вполне соответствуетъ идеалу христіанской истины, правды и любви; а таково и есть наше православіе. Истинная цивилизациія пріобрѣтается наибольшею нравственною вѣрностію своимъ ближайшимъ задачамъ и ближайшимъ цѣлямъ жизни. *Довѣтъъ днєви злоба єго,* сказалъ Спаситель. Эта божественная истина имѣетъ одинаковое приложеніе къ жизни какъ индивидуальной, такъ и общественной, къ жизни частнаго человѣка столько-же, какъ и цѣлыхъ народовъ. Было время, когда Восточная Церковь фактически обладала первенствующимъ значеніемъ среди остальныхъ церквей, была свѣточемъ ихъ и окружена была блескомъ, какового не было на Западѣ. Мы думаемъ, что это значеніе можетъ быть возвращено ей и теперь; надобно только, чтобы она освободилась отъ тѣхъ препятствій, отъ тѣхъ неблагоприятныхъ условій, среди которыхъ находится теперь и которыя составляютъ *заботу єя настоящаго дня.* И вотъ потому мы не можемъ согласиться съ г.

Соловьевымъ, когда онъ полагаетъ, что развитіе нашей народности можетъ быть благотворно только по мѣрѣ усвоенія ею вселенской, сверхнаціональной идеи (т. е. панской), какъ будто-бы вселенской сверхнаціональной идеи мы не имѣемъ въ православіи и его культурѣ, и когда онъ утверждаетъ что намъ необходимъ нѣкоторый актъ національнаго самоотреченія, „необходима готовность принимать просвѣщающія и оживляющія воздѣйствія, чрезъ богъ-бы то они ни шли, не дожидаясь, чтобы родная и близкая почва дала намъ то, что можетъ дать только далекое солнце и чужая атмосфера“ *). Намъ всегда будетъ казаться, что наша почва достаточно плодородна; надобно только намъ самимъ хорошо воздѣлать ее, тоже не дожидаясь чужихъ, даровыхъ или наемныхъ рукъ; всегда будетъ казаться, что наше солнце и наша атмосфера прекрасны; надобно только разсѣять туманъ, который случайно или неслучайно застигаетъ ихъ, затемняетъ глаза и не даетъ намъ видѣть предметы въ ихъ истинномъ свѣтѣ.

Впрочемъ говоря это, мы не объявляемъ себя какими-то врагами панистической или протестантской культуры, понимаемой въ ея лучшемъ смѣслѣ. Мы хотѣли-бы только предохранить наше общество отъ увлеченія этою культурою, отъ пристрастія къ ней, отъ излишней подражательности; а вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣли-бы побудить это общество къ большей самостоятельности, къ самостоятельному труду и къ оригинальной разработкѣ православно-народныхъ основъ жизни. Много говорятъ о нашей подражательности, указываютъ, напримѣръ, на нашу удивительную способность становиться французами болѣе, чѣмъ сами французы, испанцами болѣе, чѣмъ сами испанцы и пр., и даже видятъ во всемъ этомъ какое-то удивительное свойство славянской или русской народности,—свойство усвоить себѣ все иностранное, перетворять его въ свою плоть и кровь и затѣмъ воссоздавать въ лучшемъ и совершеннѣйшемъ видѣ. Признаемся, насъ не особенно восхищаетъ это удивительное свойство, если только дѣйствительно мы отличаемся имъ. Мы прежде всего и болѣе всего хо-

*) „Извѣстія С.П.В. Славянск. Благот. Общества“ 1884 г. № 2, стр. 10.

тѣли-бы быть и оставаться православными, русскими, и затѣмъ уже усвоить себѣ все иностранное, насколько оно согласно съ духомъ православія и съ основными чертами нашей народности. Мы мечтаемъ даже о самобытномъ и самостоятельномъ развитіи и проведеніи во всѣ сферы жизни нашихъ прекрасныхъ и высоко гуманныхъ православно-народныхъ началъ. Во всякомъ случаѣ наше общество нельзя упрекнуть въ нелюбви къ западной культурѣ; скорѣе его можно упрекнуть въ излишнемъ пристрастіи къ ней и особенно въ недостаточной разработкѣ своихъ отличительныхъ православно-народныхъ основъ жизни. Даже наши славянофилы, которые всегда были поборниками этихъ основъ, не чуждаются западной культуры и охотно усваиваютъ себѣ ее во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда она не противорѣчитъ, по ихъ воззрѣніямъ, этимъ основамъ. По крайней мѣрѣ, г. Кирѣевъ, въ своей прошлогодней полемикѣ съ г. Соловьевымъ, по поводу занимающаго насъ вопроса, открыто говоритъ: „Не подлежитъ сомнѣнію, что религія имѣетъ громадное вліяніе на культуру даннаго времени и народа, но мы можемъ пользоваться этой культурой, насколько не принимая ея религіозныхъ основаній“. Онъ даже утверждалъ, что „народная, славянофильская партія и не думаетъ отказываться отъ пріобрѣтеній культуры Запада, насколько она имѣетъ характеръ общечеловѣческій, безусловный, но что эта культура имѣетъ весьма мало общаго съ той спеціальной, католической культурой, которая испытала вліяніе Григорія VII и св. Оомы Авинскаго и которой, повидному, сочувствуетъ г. Соловьевъ“. Въ доказательство своей мысли онъ указалъ на примѣръ Хомякова, Кирѣевскихъ, Самарина и многихъ другихъ послѣдователей славянофильскихъ теорій, которые глубоко изучали нѣмецкихъ философовъ прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія и которые однако остались вполне вѣрными православію *). Такъ говорятъ наши славянофилы. Повторяемъ, мы тоже не имѣемъ какихъ-либо особенныхъ причинъ чуждаться западной культуры, ни латинской, ни протестантской, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда она не-

*) Тамъ-же, № 7, стр. 5—6.

снть на себѣ характеръ общечеловѣческой и когда вполне согласна съ нашимъ завѣтнымъ православіемъ; но при этомъ прежде всего и главнѣе всего мы хотѣли-бы оставаться вполне самостоятельными какъ въ политическомъ, такъ и въ религіозномъ отношеніи, хотѣли-бы быть равноправными со всеми народами, хотѣли бы быть вполне свободными русскими людьми. Полагаемъ, что все это возможно для насъ при всѣхъ нашихъ разумныхъ заимствованіяхъ западной культуры. Но когда г. Соловьевъ говоритъ, что намъ надобно обновить, пополнить и какъ-то усилить латинскими идеями и самое наше православіе; когда между латинскими идеями и нашимъ православіемъ не виднть никакого противорѣчія, а виднть одно лишь восполненіе, уясненіе и объединеніе идей въ теософическомъ „всеединствѣ“ ихъ: тогда мы отказываемся понимать г. Соловьева; тогда тамъ, въ глубочайшихъ тайникахъ нашего народнаго духа, мы испытываемъ посягательство на нашу величайшую святыню, на наше святое православіе, и не находимъ достаточно словъ для выраженія нашей скорби, нашей боли и нашего негодованія.

Г. Соловьевъ не признаетъ однако-же католическую культуру какою-то идеальной; онъ называетъ ее и неполною и несовершенною, и даже говоритъ, что „мы должны заботиться о томъ, чтобы на благодатной основѣ Церкви воздвигалось зданіе истинно христіанской, не западной и не восточной, а вселенской богочеловѣческой культуры“. Тѣмъ не менѣе онъ отдастъ явное предпочтеніе католической культурѣ не только предъ протестантскою, но и предъ восточною и, если не ошибаемся, даже отвергаетъ всякое развитіе восточной культуры послѣ раздѣленія церквей. На чемъ-же основано у него такое предпочтеніе католической культуры предъ всякой другою? На теософическомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на церковномъ прогрессѣ. „Католичество, говоритъ онъ, первое рѣшительно внесло начало прогресса въ церковную жизнь, признавъ, что задача этой жизни не исчерпывается охраненіемъ данныхъ основъ Церкви, но обнимаетъ и ея внѣшнее дѣйствіе на міръ для созданія въ немъ христіанской куль-

туры“ *). Опнъ даже говорить, что восточная и западная церковь „стоятъ и строить (строить собственно западная церковь, какъ это ясно будетъ изъ дальнѣйшихъ словъ г. Соловьева) на томъ-же самомъ церковномъ основаніи, на какомъ и мы, и мы могли-бы осуждать не основаніе ихъ, которое есть и наше единое святое и истинное основаніе Церкви, а лишь тѣ постройки, которыя они сдѣлали на этомъ основаніи. Однако, по справедливому замѣчанію знаменитаго митрополита Филарета, хотя-бы эти постройки были изъ тростія и соломы, мы осуждать ихъ не имѣемъ права, ибо такой судъ, согласно апостольскому ученію, принадлежитъ одному Богу и объявится лишь въ концѣ времени. Особенно-же мы, восточные, не имѣемъ права на такой судъ, ибо мы хотя и свято хранимъ божественное основаніе Церкви, но вотъ уже девятый вѣкъ ничего на немъ не создаемъ и часто пользуемся трудами этихъ самыхъ порицаемыхъ нами зодчихъ“ **). И такъ у католиковъ есть прогрессъ, а у насъ его нѣтъ; католики первые внесли начало прогресса въ церковную жизнь, а мы стоимъ неподвижно и много-много, если кое-что заимствуемъ у католиковъ, подражаемъ имъ. Таковъ рѣшительный приговоръ г. Соловьева о восточной Церкви. Что сказать объ этихъ сужденіяхъ его? Вѣрны-ли, справедливы-ли они въ богословскомъ смыслѣ? Прежде чѣмъ подвергать эти сужденія безпристрастной оцѣнкѣ, мы должны спросить: почему г. Соловьевъ, отрицая прогрессъ восточной Церкви, не видитъ подобнаго прогресса у протестантовъ, или, почему прогресспующую культуру католическую предпочитаетъ прогресспующей же культурѣ протестантской? Полагаемъ, что рѣшеніе этихъ вопросовъ поможетъ намъ выяснитъ себѣ основное воззрѣніе г. Соловьева на религіозный прогрессъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ откроетъ намъ подлинный смыслъ католическаго прогресса, какъ понимаетъ его г. Соловьевъ.

Кажется ничѣмъ столько не злоупотребляютъ современные писатели, какъ словомъ прогрессъ. Не признаютъ-ли одни изъ нихъ

*) „Русь“ 1883 г. № 23, стр. 30—31.

***) „Извѣстія“ и пр. 1884 г. № 6, стр. 12—13.

прогрессомъ то, что другіе считаютъ рѣшительнымъ регрессомъ? Не видятъ-ли прогрессъ только въ томъ, что почему-либо нравится имъ? Намъ кажется, что эта-же самая исторія происходитъ и съ теософами. Современные намъ теософы, вслѣдъ за Шеллингомъ и Шлейермахеромъ, тоже говорятъ о прогрессѣ, а для этого возобновляютъ ученіе о Логосѣ и говорятъ объ откровеніяхъ этого Логоса субъективныхъ и объективныхъ, и притомъ непрерывныхъ, продолжающихся въ Церкви непрестанно *). Г. Соловьевъ во многихъ мѣстахъ своихъ произведеній тоже говоритъ намъ о Логосѣ и, какъ мы знаемъ изъ гносеологической теоріи нашего теософа, тоже допускаетъ развитіе элемента мистическаго — *внутреннее*, въ душѣ человѣческой (откровеніе внутреннее) и *внѣшнее* въ исторіи рода человѣческаго (откровеніе положительное). Въ какомъ-же отношеніи другъ къ другу стоятъ эти два откровенія, т. е. въ какомъ отношеніи стоитъ откровеніе внутреннее къ внѣшнему? Какому изъ этихъ откровеній надобно отдать предпочтеніе въ дѣлѣ усвоенія религіозной истины? Современные намъ протестантскіе теософы не даютъ этого предпочтенія ни одному изъ нихъ; они требуютъ только ихъ взаимнаго согласія, пополненія и дальнѣйшаго развитія; они допускаютъ послѣдовательный и прогрессивный ходъ въ развитіи этихъ откровеній, или лучше — въ развитіи единаго и непрерывнаго откровенія Логоса въ родѣ человѣческомъ. Съ этой точки зрѣнія, напримѣръ, Шлейермахеръ не давалъ никакого значенія откровенію ветхозавѣтному сравнительно съ новозавѣтнымъ, стоящимъ на высшей ступени религіозныхъ откровеній. Г. Соловьевъ, какъ теософъ православный, конечно не могъ усвоить себѣ протестантскихъ воззрѣній. Онъ примѣняетъ къ откровеніямъ Логоса строго теологическую точку зрѣнія. Выходя изъ того понятія, что въ Христѣ соединены или совмѣщены три служенія или достоинства: достоинство *царя*, достоинство *первосвященника* и достоинство *пророка* (не въ смыслѣ прорицателя, а въ смыслѣ свободнаго

*) См. нашу статью: Протест. мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія. „Вѣра и Разумъ“ 1884. Т. 1. ч. II, стр. 554 и далѣе.

вдохновеннаго проповѣдника), г. Соловьевъ говоритъ, что въ каждый моментъ существованія христіанства въ Церкви долженъ быть и первосвященникъ Божій, и царь христіанскій, и не должно оскудѣвать свободное вѣяніе Духа Божія, воздвигающее пророковъ изъ среды народа. Согласіемъ этихъ служеній или достоинствъ держится „единство видимой Церкви, ея правильная жизнь и развитіе“. Но къ сожалѣнію этого согласія онъ не видитъ ни въ *царственномъ* по преимуществу Востоцѣ, ни въ *первосвященническомъ* по преимуществу Западѣ, ни въ *пророческомъ* по преимуществу протестантствѣ. Это имѣетъ очень гибельныя послѣдствія, и особенно отсутствіе этого согласія гибельно вѣяетъ на протестантовъ. Почему-же? Потому что начало пророческое, преимущественно усвоенное протестантами, и „не столь определенное по существу своему (какъ другія начала), и способно идти гораздо дальше въ своихъ злоупотребленіяхъ, нежели два первыя начала“ (т. е. начало царственное и начало первосвященническое). И въ самомъ дѣлѣ, рассуждаетъ г. Соловьевъ, „протестантскій міръ представляетъ намъ бѣдственную картину мнимой духовной свободы, доходящей до освобожденія отъ всякаго единства, отъ всякой истины и святыни“ (!!!) *). Въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій г. Соловьевъ тоже говоритъ: „Протестанты не ограничились утвержденіемъ *внутренней* свободы въ дѣлѣ вѣры (въ чемъ они были вполне правы), но перешли къ *отрицанію* того, что для вѣрующаго дороже и важнѣе самой свободы. Отдѣляясь отъ римско-католической церкви, они вмѣстѣ съ тѣмъ смѣло отвергли святительское преемство, догматическое преданіе и полноту таинства, т. е. все тѣ богочеловѣческія связи, которыя образуютъ вселенскую Церковь единствомъ благодати Божіей, одинаково пребывающей и въ восточномъ православіи, и въ западномъ католичествѣ“. Словомъ, протестантское пророчество, освободившись отъ церковнаго преданія и отъ церковнаго авторитета, не можетъ создать ничего истиннаго или, по крайней мѣрѣ, ничего достовѣрнаго, а потому не можетъ сообщить цѣннаго вклада въ

*; „Извѣстія“ и проч. № 6 1884 г., стр. 9.

общечеловѣческую культуру. Напротивъ того, католичество, оставшись вѣрнымъ церковному преданію и въ особенности церковному авторитету, рѣшительно внесло начало прогресса въ церковную жизнь, а слѣдовательно и въ культуру. Ясно, что истинный религіозный прогрессъ возможенъ только тамъ, гдѣ остаются вѣрны преданію, а въ тоже время обладаютъ полнымъ авторитетомъ, т. е. полнымъ и непогрѣшимымъ; ясно далѣе, что только при этихъ условіяхъ возможна истинная реформаціонная дѣятельность въ Церкви. „Конечно, истинна реформаціонная идея, говоритъ г. Соловьевъ (она же рѣшающій голосъ личной совѣсти и свобода личнаго дѣйствія) всегда въ принципѣ признавалась Церковію какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ, но на практикѣ эта идея слишкомъ заслонялась другими церковными началами—преданіемъ на Востокѣ, авторитетомъ (конечно, неполнымъ и недостаточнымъ еще) на Западѣ“, и только въ послѣднее время нашла въ католическомъ мірѣ рѣшительное выраженіе въ культурномъ прогрессѣ, разумѣется, какъ теоретическомъ или догматическомъ, такъ и практическомъ или собственно церковномъ *). Конечно, этотъ прогрессъ не есть еще полный и совершенный; полный и совершенный прогрессъ начнется послѣ всеобщаго соединенія церквей; но хорошо уже и то, что католичество внесло въ церковную жизнь начало дѣйствительнаго прогресса; между тѣмъ какъ Востокъ остается неподвижнымъ, а протестантство подъ видомъ прогресса лишь разрушаетъ его, лишь отрицаетъ то, что уже было открыто Логосомъ христіанскимъ народамъ въ культурномъ отношеніи. Вотъ почему католическая культура выше не только неподвижной и, такъ сказать, застывшей, послѣ раздѣленія церквей, культуры восточной, но выше и отрицательной культуры протестантской.

Если мы вѣрно поняли и изложили основной ходъ мыслей г. Соловьева, то отсюда должно быть ясно, что католическая культура стоитъ на пути дѣйствительнаго прогресса какъ теоретическаго или догматическаго, такъ и практическаго или собствен-

*) „Русь“ 1883 г. № 23 стр. 31—33.

но церковнаго; и стоять на этомъ пути потому, что католичество, оставаясь вѣрнымъ преданію и обладая полнотою церковнаго авторитета, властію папы и своихъ епископовъ превращаетъ свое новое субъективное откровеніе (оно-же вдохновенное пророчество) въ объективное, т. е. формулируетъ его въ догматахъ, а въ тоже время создаетъ на указанныхъ основахъ новыя церковно-практическія постройки въ церковномъ или въ церковно-практическомъ отношеніи. Между тѣмъ этого нѣтъ ни у неподвижнаго Востока, ни у слишкомъ подвижнаго протестантства. Востокъ погрузился въ исключительное храненіе преданія, а протестантство отнеслось слишкомъ отрицательно къ этому преданію. Остановимся прежде всего своимъ вниманіемъ на теоретическомъ или догматическомъ прогрессѣ въ католическомъ мірѣ.

М. Стояновъ.

(Продолженіе будетъ).

ОДИНЪ ИЗЪ ПРИМѢРОВЪ

СУЕВѢРІЯ ВЪ РИМСКОЙ ЦЕРКВИ.

Во французскомъ православномъ журналѣ о. Владиміра Геттэ: *L'union Chrétienne* мы находимъ отлично умную статью „о невѣріи и суевѣріи“ (*incrédulité et superstition*), начатую съ августа прошлаго года и продолжающуюся и въ нынѣшнемъ году, въ которой авторъ, показавъ происхождение и свойства суевѣрія, на основаніи своихъ предварительныхъ разсужденій, приходитъ къ убѣжденію, что римская церковь есть главный источникъ и проводникъ, въ католическомъ мірѣ, всякаго рода суевѣрія, а вслѣдъ затѣмъ, и безвѣрія. И въ доказательство этого приводитъ распространенный между набожными католиками разсказъ объ индульгенціи, усвоенной небольшою Францисканскою церквю въ Италіи, названною Порціункулою (*Portiuncula*),—разсказъ, дословно взятый изъ римскихъ агіографовъ, наибольшимъ авторитетомъ пользующихся у католиковъ. Мы желаемъ воспроизвести этотъ разсказъ на страницахъ нашего журнала, заключивъ его нашими безпристрастными о немъ сужденіями съ православной точки зрѣнія, дабы разсуждающему читателю представить нѣсколько новыхъ чертъ для сужденія о католичествѣ и для опредѣленія степени его совершенства и удовлетворительности въ смыслѣ христіанскаго вѣроисповѣданія. Вотъ это характеристическое сказаніе:

Индульгенція, усвоенная *Порціункуль*, состоитъ въ томъ, что вѣрующіе, исповѣдавшись и приобщившись, могутъ получить столько полныхъ индульгенцій (*indulgences plénières*), сколь-

ко сдѣлають посѣщеній во Францисканскую церковь, въ промежутокъ времени между первою вечернею 1-го августа и захожденіемъ солнца 2-го августа, лишь-бы они при каждомъ посѣщеніи молились за верховнаго первосвященника.

Индугенція Порціункулы существуетъ съ тринадцатаго вѣка; именно въ 1221 году, т. е. болѣе шести вѣковъ тому назадъ, святой Францискъ Ассизскій испросилъ ее у папы Гонорія III. Вотъ какъ получила она свое начало.

Менѣе чѣмъ въ двухъ километрахъ отъ Ассизи, небольшого городка въ итальянской области Умбрин, была небольшая церковка по имени Порціункула (съ латинскаго: частичка), иначе называвшаяся: Ангело-Богородицкая, на томъ основаніи, что яко-бы ангельскіе лики удостоивали ее часто своихъ явленій. Св. Францискъ возставилъ эту святыню изъ ея развалинъ и утвердилъ въ ней колыбель своего ордена. Сюда-то онъ часто приходилъ для изліянія своего чувства благоговѣнія къ Благословенной въ женахъ и ко святымъ ангеламъ, чтущимъ въ ней свою царицу. Здѣсь-то онъ молился среди сладкогласныхъ пѣсней небесныхъ посѣвителей и имѣлъ неизреченное счастье бесѣдовать съ ними.

Святой Францискъ основалъ три ордена: одинъ — орденъ Меньшихъ Братьевъ или Францискановъ, въ 1209 году, другой Бѣдныхъ Госпожь (Rauvres Dames), въ 1212 г. и третій — орденъ покаянія, или собственно, такъ называемый, Третій Орденъ (Tiers-Ordre), въ 1221 г., чтобы отвѣчать всеобщему порыву, увлекавшему вслѣдъ его цѣлыя народы. Третій орденъ долженъ былъ сдѣлать изъ каждаго города обитель святыхъ, ведущую души съ добрымъ расположеніемъ къ совершенству христіанскому. Множество грѣшниковъ обращалось по слову и примѣру его учениковъ, монастыри Бѣдныхъ Госпожь множились со всѣхъ сторонъ, вся Европа оглашалась именемъ св. Франциска и славою его чудесъ: его душа была разженною пещію любви (sic!), его тѣло — героическою жертвою непрестаннаго самопожертвенія; но все это еще не удовлетворяло его пламенной ревности. Когда любовь служитъ двигателемъ, то она не допускаетъ ни нерадѣнія, ни коспѣнія; она нудитъ непрерывно предпринимать что-нибудь еще боль-

шее. Такъ и Францискъ, воспламененный божественною любовію, и день и ночь, и въ пустыняхъ, и въ уединенныхъ убожищахъ, стараеть желаніемъ болѣе и болѣе споспѣшествовать славѣ Божіей и спасенію человѣческому.

Однажды ночью Серафимскій патріархъ (sic!), проникнутый болѣе сильнымъ сожалѣніемъ о грѣшникахъ, проливалъ токи слезъ, терзалъ свое изможденное тѣло, чтобы преклонить милосердіе Христа Бога, и молилъ Его, чтобы, такъ какъ Онъ, по любви Своей къ грѣшникамъ, пролилъ всю Свою кровь,— благоволилъ, въ преизбыткѣ Своей божественной благодати, даровать имъ средство, при помощи котораго они могли-бы пользоваться тою многоцѣнною кровію и не дѣлать безілезными столько претерпѣнныхъ Имъ, для спасенія ихъ, мученій. Вдругъ является къ нему ангелъ и приглашаетъ его отправиться въ Порціункулу, гдѣ ожидаетъ его Христосъ и Его божественная Матерь посреди сонма ангеловъ. Восхищенный неизреченною радостію, святой мгновенно поднимается и, входя въ церковь, съ глубокимъ почтеніемъ повергается лицомъ на землю, чтобы воздать подобающее поклоненіе величеству Сына Божія.

Господь Иисусъ Христосъ, призирая на него со всею Своею благодію, рекъ ему: „Францискъ! Ревность, которую ты со своими учениками имѣешь о спасеніи душъ, дѣлаетъ то, что тебѣ позволяется просить отъ Меня чего-нибудь ко славѣ Моего имени“.

Среди чудезъ, восхищавшихъ святаго, онъ изрекъ такое прошеніе: „Всесвятый Отецъ нашъ! Молю Тебя, хотя я не болѣе, какъ только окаянный грѣшникъ, по благодати Твоей, даровать людямъ, чтобы всѣ, которые посѣтятъ эту церковь и будутъ исповѣдываться у священника, получали полное отпущеніе (*indulgence plénière*) всѣхъ своихъ грѣховъ, а Преблаженную Дѣву, Матерь нашу, заступницу рода человѣческаго, смиренно прошу употребить Свое ходатайство, да получу эту милость“.

Премилосердая дѣйствительно обратилась съ ходатайствомъ къ Сыну Своему, и Христосъ произнесъ такіа слова:

„Францискъ! то, чего ты просилъ—дѣло великое, но ты получишь еще большія милости; проснимую я даю тебѣ теперь: тѣмъ не менѣе Я хочу, чтобы ты сходилъ къ Моему намѣст-

нику, которому Я далъ власть вязать и рѣшать, и чтобы ты испросилъ у него той-же индульгенціи“.

Собратія святаго, бывшіе въ своихъ келліяхъ, слышали этотъ разговоръ между Христомъ и Францискомъ; они видѣли многочисленные сонмы ангеловъ и великій свѣтъ, наполнявшій церковь, но благоговѣйный ужасъ не допустилъ ихъ приблизиться.

На другое утро, Францискъ, въ сопровожденіи одного изъ своей братіи, отправился въ путь, и прямо въ Церузу, гдѣ тогда находился папа Гонорій. Святый, сведенный къ первосвященнику, сообщилъ ему повелѣніе, полученное отъ Самого Господа Іисуса, и просилъ его не отказать ему въ томъ, что угодно было Сыну Божію предоставить ему.

„Но, говоритъ ему верховный первосвященникъ: насколько лѣтъ ты просишь у меня этой индульгенціи?—“ Святѣйшій отецъ, отвѣчалъ ему Францискъ, не угодно-ли будетъ вашему святѣйшеству дать мнѣ не года, а души...“ Папа на это сказалъ ему: „Францискъ! ты просишь у меня нѣчто очень великое; римская курія не имѣетъ обычая давать подобныя индульгенціи“.— „Святѣйшій отецъ, отвѣчалъ Францискъ, я объ этомъ прошу тебя не отъ себя: это Христосъ послалъ меня, я пришелъ отъ Него“. Тогда папа во всеуслышаніе возгласилъ троекратно: „Я вполне хочу, чтобы ты имѣлъ ее“ (индульгенцію).

Кардиналы много противились этому рѣшенію; но Гонорій, окончательно убѣжденный въ волю на то Божіей, съ полагавшею охотою, совершенно безвозмездно и на вѣчныя времена даровалъ эту индульгенцію, прошенную съ такою настойчивостію и вмѣстѣ смиреніемъ: „но только, прибавилъ папа, на одинъ обыкновенный день, считая съ вечерни настоящаго, включая тутъ и ночь, до захода солнца на слѣдующій день“.

При этихъ словахъ, Францискъ смиренно преклонилъ голову. Когда онъ уходилъ, то папа остановилъ его вопросомъ: „Куда же ты идешь, простая душа? Имѣешь-ли ты какое удостовѣреніе въ томъ, что ты получилъ?“— „Святый отецъ, отвѣчалъ онъ, достаточно мнѣ и одного вашего слова; если эта индульгенція есть дѣлю Божіе, то Самъ Богъ ее и явитъ. Пускай Христосъ, Его святая Матерь и ангелы будутъ въ этомъ дѣлѣ и нотаріусомъ, и бумагой, и свидѣтелями, я не требую

другаго удостовѣрительнаго акта“. Это было дѣйствиємъ той великой увѣренности, какую внушала ему истинность явленія.

Индюльгенція Порціункулы, въ теченіе двухъ лѣтъ по ея дарованіи, не имѣла еще точно опредѣленнаго дня, когда вѣрующіе могли-бы получать ее. Францискъ ожидалъ, что Господь Іисусъ, первый виновникъ такой драгоцѣнной благодати, самъ назначить его.

Но въ одну ночь, когда онъ стоялъ на молитвѣ въ своей келліи, врагъ-искуситель внушалъ ему уменьшить изнуренія плоти. Почувствовавъ ухищреніе бѣса, онъ идетъ въ лѣсъ, бросается въ волчцы и терніе и всего себя окровавляетъ. Вдругъ озаряетъ его необыкновенный свѣтъ и онъ видитъ кругомъ себя множество розъ и бѣлыхъ, и красныхъ, хотя тогда былъ январь и стояла зима очень суровая. Это Богъ превратилъ колючіе кусты въ великолѣпные цвѣтники розъ, бѣлыхъ и красныхъ. Явившіеся на этотъ случай въ великомъ числѣ, ангелы сказали ему: „Францискъ! поспѣши войти въ свою церковь, тамъ Христосъ съ Своею святою Матерью“. Святой въ ту-же минуту одлекся въ самую бѣлую одежду, и, пришедши въ церковь, послѣ земнаго поклона, высказалъ такое прошеніе: „Отецъ нашъ, Пресвятой Господь неба и земли, Спаситель рода человѣческаго! благоволи по Твоей великой милости назначить день для индюльгенціи, которую Ты имѣлъ благодать предоста-вить мнѣ“. Господь отвѣчалъ, что Ему угодно, чтобы это было съ навечерія того дня, когда апостоль Петръ явился освобожденнымъ отъ темничныхъ узъ, до слѣдующаго дня. Затѣмъ Онъ повелѣлъ ему представиться своему викарію (папѣ), поднести ему нѣсколько бѣлыхъ и красныхъ розъ въ доказательство истины случившагося и взять съ собою нѣсколько изъ братій для засвидѣтельствованія слышаннаго ими.

Папа, убѣжденный такими неопровержимыми доводами, съ согласія кардиналовъ, утвердилъ эту индюльгенцію со всѣми ея привилегіями. Затѣмъ повелѣлъ епископамъ городовъ: Ассизи, Перузы, Тоди, Сполетты и др. собраться въ церкви святой Маріи-Ангельской и въ первый день мѣсяца обнародовать ее торжественно.

Всѣ эти прелаты настояли, чтобы Францискъ самъ стекшей-

ся со всѣхъ сторонъ толпѣ народа произнесъ слово, и онъ исполнилъ это съ такимъ-же помазаніемъ, какъ и смиреніемъ, и закончилъ рѣчь слѣдующими словами, написанными на бывшемъ у него въ рукахъ пергаментѣ:

„Я хочу всѣхъ васъ направить въ рай! Я вамъ возвѣщаю индульгенцію полную и на вѣчныя времена, которую я получилъ отъ щедротъ Отца небеснаго и изъ устъ верховнаго Первосвященника. Всѣ вы, нынѣ сюда пришедшіе съ сокрушеннымъ сердцемъ, чистосердечно исповѣдавшіеся и получившіе отъ духовниковъ своихъ разрѣшеніе, всѣ вы имѣете отсель полное отпущеніе грѣховъ, содѣянныхъ вами со времени вашего крещенія и до настоящей минуты; такъ будетъ и со всѣми, которые ежегодно будутъ приходить сюда при вышесказанныхъ условіяхъ“.

Епископы хотѣли было ограничить индульгенцію десятью годами, но при обнародованіи не могли удержаться, чтобы не сказать вмѣстѣ съ Францискомъ „на вѣчныя времена“: новое чудо, засвидѣтельствовавшее волю Божию!

Индульгенція, такъ названнаго, „великаго прощенія“ скоро огласилась во всемъ мірѣ, и чудеса, какія видѣли совершающимися у святой Маріи Ангельской, подвигли благочестіе вѣрующихъ къ пріобрѣтенію ея. Но такъ какъ большая часть, за дальностію пути, не могли той благодатію воспользоваться, то папы Бенедиктъ XI, Бенедиктъ XII, Сикстъ IV и святой Пій V, чтобы облегчить къ ней доступъ, распространили ее на всѣ церкви Меньшихъ-Братьевъ и на церкви Бѣдныхъ Госпожь святой Клэры. Григорій XV, своею буллою *Splendor paternae gloriae*, отъ 1622 г. іюля 4, возобновилъ эту концессию, а Урбанъ VIII распространилъ ее на церкви монаховъ и монахинь всѣхъ трехъ Серафимскихъ орденовъ, осуществляющихъ въ себѣ три существенныя обѣта религіи. Въ 1608 году, Павелъ V предоставилъ ее на десять лѣтъ почетнымъ отцамъ капуцинамъ; но въ 1627 Григорій XV далъ имъ ее и на вѣчныя времена.

Подивимся, читатель, этой странной сказкѣ католическаго изобрѣтенія. Дѣйствительно, никакой разумный человѣкъ не можетъ не отнестись съ порицаніемъ къ такому способу привле-

ченія усердія народа къ монашескимъ ордевамъ, какъ индульгенція, основанная на сказкахъ ни съ чѣмъ не сообразныхъ. Не дерзновенно-ли для того, чтобы получить право раздавать неоправдываемую никакими христіанскими указаніями, индульгенцію, изобрѣтать повѣсть о сошествіи съ пренебеснаго престола Сына Божія съ Его преблагословенною Матерію и сонмовъ святыхъ ангеловъ? Не кощунственно-ли также данное соизволеніе Самого Іисуса Христа, Верховнаго Главы Церкви и Владыки міра подвергать разсмотрѣнію и утвержденію самозваннаго викарія Христова, папы Римскаго. И все это такъ дико, такъ несогласно съ здравымъ челоуѣческимъ смысломъ, такъ недостойно величія горняго міра! Является Господь въ маленькую частичную (Portiuncula) церковь, недалеко отъ итальянскаго городка Ассизи, съ Своею Матерію и въ сопровождепіи, въ родѣ царской свиты, ангеловъ; одинъ изъ этихъ ангеловъ посылается извѣстить пустытника, что Господь Іисусъ съ Своею Матерію и съ соборомъ ангеловъ ждутъ его въ церкви. Святый немедленно приходитъ, смиренно кланяется предъ величествомъ Сына Божія и получаетъ милостивое дозволеніе просить, чего желаетъ. Но сообразительный проситель вмѣсто того, чтобы прямо обратиться съ своею просьбою къ Господу, въ обезпеченіе ея успѣха, находитъ нужнымъ попросить Божію Матерь о ходатайствѣ предъ Сыномъ, такъ сказать, замолвить слово. Всеблагая, дѣйствительно, предстательствуетъ, и святый получаетъ такъ пламенно желанную имъ индульгенцію. Сказатель не говоритъ, выразили-ли при этомъ радость ангелы о томъ, что челоуѣкъ, просящій у Господа милости, удостоился получить ее. Но это и сомнительно, именно потому, что милость Господа на ихъ глазахъ подверглась уничиженію. Соизволеніе Господа, какъ говоритъ сказаніе, не имѣло рѣшительнаго значенія, а по Его-же будто-бы приказанію, надобно было отправиться просителю еще въ Римъ къ папѣ. Настоячивый искатель идетъ къ мнимому викарію Христову, выражаетъ ему желаніе получить право на индульгенцію. Папа сначала отказываетъ ему; но когда тотъ объявляетъ ему, что это онъ пришелъ и просить отъ имени І. Христа, тогда папа, не потребовавъ никакихъ на то доказательствъ (привидя, конечно, въ томъ свой интересъ), немедленно и

со всею охотою утверждаетъ за просителемъ индульгенцію... Но не разоблачаемъ болѣе разсказа и считаемъ достаточнымъ и представленнаго, чтобы всякій не лишенный разума понялъ, какъ это все выдуманно, и выдуманно неразумно, несогласно съ величіемъ Божиимъ, какъ въ этомъ небесное перемѣшано съ земнымъ, божественное унижено и оскорблено измышленіемъ человѣческимъ. И для чего все это? По одной части сказанія—для того, чтобы въ народѣ утвердить мысль, что папа есть дѣйствительно намѣстникъ Христовъ на землѣ, признаваемый таковымъ отъ Самого Христа, и что безъ его утверженія никакой христіанскій догматъ, никакое церковное установленіе, никакое духовное право и дарованіе не имѣетъ настоящей силы и значенія; другою-же частію разсказа—увѣрить, что индульгенціи, которыми Францисканскій орденъ такъ охотно надѣляетъ простой вѣрующій людъ, божественнаго происхожденія и заслуживаетъ того, чтобы ихъ искать и приобрѣтать—разумѣется, къ чести и пользѣ ордена.

Само собою понятно, какая подобными сказаніями растворяется въ католичествѣ широкая дверь разнымъ видамъ суевѣрія въ простомъ, необразованномъ классѣ населенія, какое неправильное и грубое получается понятіе о лицѣ Богочеловѣка, о пресвятой Его Матери и объ ангелахъ, а просвѣщенная часть католиковъ, смѣшивая подобныя басни съ самою религіею, становится хладнокровною къ вѣрѣ и впадаетъ въ совершенное невѣріе.

Замѣтимъ еще, что индульгенція, о которой здѣсь рѣчь, не иначе дается какъ послѣ чистосердечной исповѣди (*bien confessés*) и святаго причащенія. Что-же послѣ этого значитъ разрѣшеніе, даваемое кающемуся по исповѣди священникомъ въ силу реченнаго: *имъ-же отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имъ-же держите, держатся* (Іоан. 20, 23). Какое значеніе будетъ имѣть и самое причащеніе, черезъ которое вѣрующій соединяется съ Господомъ и тѣмъ вполне освящается, по непреложному слову Его: *Ядый мою плоть и пійй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ* (Іоан. III, 26)? Если такимъ образомъ и исповѣдь, и причащеніе имѣютъ очищающее и освящающее дѣйствіе, то почему вслѣдъ за ними нуж-

на еще и какая-то индульгенція, предлагающая новое отпущеніе грѣховъ? Не унижается-ли этимъ благодать Господня, сообщаемая и въ исповѣди, и въ причащеніи, когда признается нужнымъ или, по крайней мѣрѣ, душеполезнымъ дополнить ее какою-то индульгенціей?

И не смотря на все сказочное происхожденіе этой индульгенціи, не смотря на заключающіяся въ ней несообразности и противорѣчія евангельскому ученію, она скоро распространилась по всему католическому міру и сдѣлалась общимъ предметомъ благочестиваго домогательства католиковъ. Папы, одинъ за другимъ, распространяли употребленіе ея, и усвоенная вначалѣ одной небольшой церкви, собственно Франциску принадлежавшей, затѣмъ папскими распоряженіями предоставлена была и всѣмъ церквамъ всѣхъ трехъ орденовъ, основанныхъ Францискомъ, а Павелъ V одарилъ ею въ 1608 году, на 10 лѣтъ, и Григорій XV и на вѣчныя времена, и церави капуциновъ. Такъ понравилась эта индульгенція всему католическому міру!

Предвидимъ возраженіе противъ этихъ нашихъ сужденій со стороны православнаго читателя, что и въ нашихъ Житіяхъ Святыхъ нерѣдко описываются божественныя явленія,—явленія І. Христа, Божіей Матери и святыхъ ангеловъ; слѣдовательно, что страннаго, если и въ католической легендѣ изображаются подобныя-же явленія? Но нельзя не видѣть, какая великая разница между нашими житіями и представленнымъ нами сказаніемъ о Францискѣ. Во-первыхъ, въ нашихъ Житіяхъ эти божественныя явленія отнюдь не изображаются такъ пошло, такъ безцеремонно, какъ это допущено въ представленномъ нами рассказѣ, но благоговѣйно, съ пониманіемъ различія между горнимъ и дольнымъ міромъ, согласно съ величіемъ божественнымъ, „боголѣпно“ (θεοπρεπῶς). Во-вторыхъ, въ нашихъ Житіяхъ, когда представляются святые удостоивающимися явленій божественныхъ и посѣщеній изъ горняго міра, то всегда цѣлю ихъ бываетъ награда крѣпкой вѣры, высокаго подвига, пламенной молитвы, или свидѣтельство боголюбивости добродѣтели, истинно-христіанскаго совершенства, чтобы читающихъ подвигнуть такими примѣрами и самихъ стре-

миться къ подобному совершенству. А въ представленной нами католической легендѣ что имѣется въ виду? Съ одной стороны, какъ мы уже сказали, превознесеніе папской власти и утвержденіе за папою чести викарія Христова, безъ воли и вѣдѣнія котораго ничто, даже по волѣ Самого Спасителя, не должно твориться въ христіанской Церкви, а съ другой какое-то особое, властное утвержденіе прощенія грѣховъ, даруемаго въ таинствѣ покаянія, или высшее освященіе (*sanctio*) индульгенціи и обезпеченіе за ней особаго божественнаго авторитета, въ видахъ возможно широкаго распространенія ея въ средѣ вѣрующихъ. И такимъ образомъ, въ первомъ случаѣ угождается богопротивной страсти властолюбія, а во второмъ—низкой страсти корыстолюбія.

И вотъ въ эту-то испорченную и обезображенную вѣру, въ настоящее время, римская пропаганда старается влечь нашихъ бѣдныхъ братій по племени и вѣрѣ, южныхъ славянъ, и съ этою цѣлію было устроено великолѣпное торжество въ честь свв. Кирилла и Меодія, чтобы тѣмъ успѣшнѣе соблазнить ихъ простыя души.

Пожелаемъ имъ счастливой борьбы съ злою соблазна и будемъ помогать имъ, по возможности, въ этой борьбѣ, за себя же *благословимъ* и возблагодаримъ Бога словами пророка Давида: *уже не даде насъ въ ловитву зубомъ...; душа наша яко птица избавися отъ стѣги ловящихъ: стѣгъ сокрушися, и мы избавлени быхомъ* (Псал. СХХІІІ, 7).

Ц. П.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ОТКРОВЕНІЮ.

Взглядъ на условія историческаго развитія философіи.

Когда же наступитъ совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится. Когда я былъ младенецъ, то по младенчески говорилъ, по младенчески мыслилъ, по младенчески разсуждалъ; а какъ сталъ мужемъ, то оставилъ младенческое. Теперь мы видимъ какъ бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицемъ къ лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно какъ я позналъ. Апостоль Павель. I Кориню. XIII, 10—12.

ВВЕДЕНІЕ.

1. Идеальная природа прошедшаго.—2. Исторія, какъ идеальное построение прошедшаго.—3. Методы построения исторіи философіи.—4. Зависимость уснѣховъ исторіи философіи отъ взаимной зависимости ея методовъ.—Задача изслѣдованія.

1. Если-бы кто, по примѣру древнихъ софистовъ, пожелалъ доказывать парадоксальное положеніе, что существуетъ наука о „несуществующемъ“, тотъ смѣло могъ-бы указать вообще на исторію; пбо исторія во всякомъ случаѣ есть наука о существовавшемъ, чего уже не существуетъ болѣе. Прошедшаго дѣйствительно нѣтъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ существуетъ настоящее, и если мы можемъ о немъ говорить, то потому только, что оно становится идеальнымъ моментомъ настоящаго. Какъ такой идеальный моментъ, оно есть наше „настоящее представленіе“, въ обширномъ смыслѣ слова, представленіе того, что было и чего уже нѣтъ болѣе. Не имѣй мы въ „настоящемъ“ этого представленія о „прошедшемъ“, прошед-

шаго для насъ вообще не существовало-бы. Отсюда слѣдуетъ, что прошедшее существуетъ для насъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой въ нашемъ умѣ въ настоящій моментъ существуетъ представленіе о немъ.

2. Но если такъ, если прошедшее существуетъ для насъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой въ нашемъ умѣ есть представленіе о немъ, то задачею историческаго познанія вообще по необходимости должно быть „построеніе“ этого представленія. Чтобы это построеніе было научнымъ, т. е. чтобы имѣло всѣ достоинства науки, оно должно удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: во-первыхъ, оно должно возстановить въ идеальной формѣ самые факты прошлаго, какъ они когда-то совершались въ дѣйствительности; ибо безъ этого не было-бы предмета историческаго изученія; во-вторыхъ, оно должно изобразить преемственную связь ихъ въ непрерывномъ теченіи времени, чтобы каждый моментъ этого теченія являлся какъ результатъ, обусловленный предшествовавшими моментами, ибо безъ этого не было-бы возстановленъ самый историческій процессъ отъ его начала и до настоящаго времени; наконецъ, въ-третьихъ, оно должно объяснить возможность возникновенія этихъ фактовъ въ такой, а не иной послѣдовательности и связи, т. е. указать принципы осуществленія прошлаго въ такомъ, а не иномъ видѣ, ибо безъ этого историческій процессъ остался-бы не уясненнымъ. Посредствомъ удовлетворенія всѣмъ этимъ условіямъ историческое знаніе изъ простаго представленія, въ тѣсномъ смыслѣ слова, возводится сначала на степень разсудочнаго понятія, а потомъ на степень разумной идеи, и пріобрѣтаетъ достоинство раціональной исторической науки, объясняющей намъ прошедшія судьбы настоящаго.

3. Въ приложеніи къ исторіи философіи, какъ науки о прошедшихъ судьбахъ философіи, указанная требованія могутъ быть выражены слѣдующимъ образомъ. Исторія философіи должна: во-первыхъ, на основаніи изслѣдованія существующихъ историческихъ памятниковъ, возстановить каждую философскую систему и каждое ученіе, составляющее или могущее составлять моментъ какой-нибудь системы, такъ, какъ они дѣйствительно были развиты различными философами; во-вторыхъ, изо-

бразить ихъ преемственную связь въ различныя эпохи времени, поскольку прошедшее состояніе философіи оказывало вліяніе на дальнѣйшее возникновеніе различныхъ системъ, и, наконецъ, въ-третьихъ, указать принципы или условія такого, а не иного теченія историческаго процесса философіи, поскольку эти условія опредѣляли какъ общій ходъ этого процесса, такъ и отдѣльные его моменты. Выполненіемъ первой задачи будетъ достигнуто представленіе о матеріальной сторонѣ или содержаніе историческаго процесса философіи; выполненіемъ второй будетъ достигнуто изображеніе формальной стороны его, а выполненіемъ третьей—обоснованіе этого процесса въ цѣломъ. Первый способъ разсмотрѣнія историческаго процесса философіи можно назвать фактическимъ, второй—прагматическимъ, а третій рациональнымъ или философскимъ *). Само собою разумѣется, что исторически совершенное представленіе исторіи философіи должно совмѣщать въ себѣ всѣ эти три способа или метода.

4. Легко замѣтить, что указанные три способа или метода разсмотрѣнія исторіи философіи представляютъ извѣстную послѣдовательность, въ силу которой первый способъ составляетъ предварительное условіе втораго, а второй—третьаго. Не зная историческихъ фактовъ, нельзя установить между ними прагматической связи, и, не зная этой связи, нельзя установить принциповъ, или основаній историческаго процесса. Вслѣдствіе этого наука исторіи философіи должна была оказать успѣхи сначала въ представленіи фактической стороны, затѣмъ прагматической, и только напослѣдокъ—философской или рациональной стороны указаннаго историческаго процесса философіи. Этимъ, слѣдовательно, объясняется то обстоятельство, почему первые два вида разсмотрѣнія исторіи философіи достигли въ настоящее время столь значительнаго развитія, и почему третья точка зрѣнія на предметъ едва-ли пока еще не

*) Первый способъ Куно-Фишеръ называетъ хроникальнымъ, Ибервегъ—эмпирическимъ, Гегель—наивнымъ. Второй Ибервегъ называетъ критическимъ, Гегель рефлексирующимъ. Наконецъ третьему Ибервегъ прислѣдуетъ названіе философскаго, а Гегель—умозрительнаго. Къ этому послѣднему можно приложить также названіе спекулятивнаго.

находится только въ зародышѣ. Между тѣмъ какъ можно назвать множество значительныхъ трудовъ по обработкѣ исторіи философіи съ фактической или прагматической стороны *), изъ попытокъ разработки ея съ рациональной или принципиальной стороны, возникшихъ собственно на исторической почвѣ, можно отмѣтить только двѣ, почти одновременно возникшія въ Германіи и Франціи: первая принадлежитъ Гегелю, развивавшему свой взглядъ въ ряду цѣлыхъ десяти курсовъ, читанныхъ имъ въ промежутокъ времени отъ 1805 до 1831 года, т. е. до самой смерти **); вторая принадлежитъ Кузену, читавшему лекціи исторіи философіи въ 1829 году, послѣ своей поѣздки въ Германію и знакомства съ Гегелемъ (въ 1824 году ***). Изъ русскихъ слѣдуетъ упомянуть Новицкаго, своеобразно приложившаго Гегелевскую точку зрѣнія ****).

5. Конечно, не смотря на всѣ успѣхи научной обработки исторіи философіи съ фактической и прагматической стороны, можно-бы найти множество вопросовъ относительно задачъ и методовъ изслѣдованія какъ въ той, такъ и въ другой области, которые и въ настоящее время не могутъ еще считаться окончательно рѣшенными: но ни указаніе, ни попытка рѣшенія этихъ вопросовъ не входятъ въ предѣлы предлагаемаго на этихъ страницахъ опыта. Здѣсь я намѣренъ представить сильное рѣшеніе вопроса лишь о принципахъ историческаго развитія философіи, при чемъ подъ именемъ принциповъ я разумѣю вообще тѣ условія, которыя опредѣляли ходъ исторіи философіи въ цѣломъ и въ частяхъ. Мнѣ кажется, что только съ точки зрѣнія этихъ условій возможно уяснить себѣ то значеніе, какое историческій процессъ философіи имѣетъ въ общемъ ходѣ человѣческаго развитія и, слѣдовательно, только

*) Довольно полный перечень всѣхъ замѣчательныхъ писателей по исторіи философіи у *Тенкемана*: *Grundriss der Geschichte d. Philosoph.* 1829 г. 5-е изд.; у *Куза* (*Kuhn*): *Memorial und Repetorium zur Gesch. d. Philos.* Berlin, 1872, и особенно у *Ибервега*: *Grundriss der Geschichte d. Philos.* Новое изданіе. Berlin. 1884.

**): Hegel's, *Werke*, B. XIII. Berlin, 1833. Vorrede von Michelet.

***) Cousin, *Histoire générale de la philosophie.* 7 edit. Paris. 1867.

****) *Op. Новицкаго*, „Постепенное развитіе древнихъ философскихъ ученій въ связи съ развитіемъ языческихъ вѣрованій“. 4 части. Кіевъ, 1860.

съ этой точки зрѣнія возможно судить о разумномъ назначеніи этого процесса; ибо только отсюда можно видѣть—куда, къ какой цѣли, этотъ процессъ своими условіями направляется. Сознаю, что беру на себя трудное дѣло, но пусть самая эта трудность служить, съ одной стороны, оправданіемъ моей смѣлости, а съ другой—извиненіемъ недостаточности рѣшенія предположенной задачи.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Глава I.

Сущность историческаго процесса философіи.

6. Понятіе о философіи.—7. Исторія философіи какъ выраженіе идеала философіи.—8. Трудность представить ее въ видѣ такого выраженія.—9. Эклектическое и скептическое пониманіе историческаго процесса философіи.—10. Измѣненіе понятія объ истинѣ, свойственной человѣческому уму.—11. Исторія философіи какъ развитіе философіи.—12. Возможность этого развитія въ видѣ развитія самосознанія.—13. Понятіе объ историческомъ процессѣ философіи.—14. Несогласіе съ Гегелемъ.—15. О внутреннихъ и вѣншихъ условіяхъ развитія философскаго самосознанія.

6. Не зная, въ чемъ состоитъ сущность историческаго процесса философіи, нельзя, конечно, опредѣлить условій этого процесса. Уяснить-же себѣ сущность этого процесса возможно только въ томъ случаѣ, если мы составимъ себѣ понятіе о философіи. Но составить себѣ понятіе объ этомъ предметѣ, по видимому, нелегко. Извѣстно, что въ пониманіи существа и задачъ этой науки существуетъ такое разнообразіе *), что, по видимому, нѣтъ никакой возможности твердо установить, въ чемъ собственно состоитъ эта наука. Однако это разнообразіе пониманія философіи самими философами вовсе еще не доказываетъ, чтобы въ самыхъ разнообразныхъ философскихъ ученіяхъ не было ничего общаго. Весьма возможно указать такія общія черты, которыя или прямо всѣми философами признаются принадлежностію философіи, или безъ особеннаго усилія могутъ быть найдены при разсмотрѣніи ихъ, хотя-бы и

*) Общія опредѣленія философіи различными философами у *Ибервега*: *Grundriss der Geschichte d. Philos.* 1. § 1.

противоположныхъ другъ другу, ученій *)). Имѣя въ виду одну теоретическую философію, отъ которой зависитъ всякая другая **), можно указать слѣдующія общія черты, свойственныя всѣмъ философскимъ ученіямъ: во-первыхъ, стремленіе въ своихъ изслѣдованіяхъ обнять всю совокупность существующаго, какъ систематическое цѣлое, какъ единый космосъ или міръ; во-вторыхъ стремленіе разсматривать этотъ космосъ по его дѣйствительному, или существенному бытію въ противоположность феноменальному существованію или явленіямъ, и, наконецъ, въ-третьихъ, стремленіе къ уясненію этого дѣйствительнаго бытія изъ его абсолютнаго или безусловнаго основанія. Очевидно, что всѣ эти черты представляютъ собою высшее выраженіе идеи истиннаго знанія и потому представляютъ высшій идеаль такого знанія. Очевидно также, что этотъ идеаль составляетъ послѣднюю цѣль стремленій различныхъ философскихъ ученій, вслѣдствіе чего онъ именно и является въ качествѣ ихъ общей принадлежности. Слѣдовательно, каждое философское ученіе представляетъ собою не что иное, какъ выраженіе идеала философіи. Но всякое философское ученіе можетъ быть разсматриваемо или какъ моментъ какой-нибудь системы, или какъ цѣлая система. Въ силу этого можно къ указаннымъ тремъ общимъ чертамъ философіи присоединить еще одну такую-же общую черту, именно ту, что философія способна выражаться въ системѣ.

7. Если философію вообще понимать какъ идеаль, а каждую отдѣльную систему какъ частное выраженіе этого идеала, то уясненіе сущности историческаго процесса философіи не представляетъ, повидимому, никакихъ затрудненій. Несомнѣнно, что исторія философіи представляетъ намъ рядъ философскихъ системъ, служащихъ выраженіемъ идеала философіи. Идея философіи въ этомъ ряду системъ остается, слѣдовательно, одна и та-же неизмѣнно. Историческое измѣненіе относится по

*) Сравни. Strümpell, Die Geschichte der theoretischen Philos. der Griechen § 3—7; Zeller, Philosophie der Griechen. 1876. Vol. I cap. 1. § 1.

***) Кирхманнъ полагаетъ даже, что всякая философія въ сущности есть философія теоретическая и никакой практической нѣтъ. Erläuterungen zu Kant's Kritik der reinen Vernunft. § 113.

этому только къ выраженію этой идеи въ отдѣльныхъ системахъ. Съ этой точки зрѣнія историческій процессъ философіи можно, слѣдовательно, опредѣлить какъ постепенное возникновеніе или появленіе философскихъ системъ во времени, обусловленное стремленіемъ познающаго ума человѣка осуществить ту идею знанія, какую представляетъ философія вообще, какъ наука. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, и съ этой точки зрѣнія въ пониманіи историческаго процесса философіи можно найти значительныя трудности. Если мы обратимъ вниманіе на то, что значитъ возникновеніе новой философской системы, то такое возникновеніе можетъ показаться намъ дѣломъ, повидимому, совершенно невозможнымъ.

8. Дѣйствительно. Такъ какъ всякая философская система, потому только и такова, что она представляетъ знаніе, развитое изъ одного принципа, налагающаго извѣстный характеръ на всю систему, то появленіе новой философской системы въ сущности будетъ обозначать появленіе новаго, систематически развитаго философскаго принципа. Но что такое представляетъ изъ себя всякій систематически развитый принципъ? Принципъ потому и принципъ, что онъ есть нѣкоторое верховное начало или основаніе и условіе построенія системы. Какъ такое начало или условіе, онъ въ системѣ уже не можетъ имѣть для себя новаго условія, а потому долженъ быть мыслимъ какъ безусловное начало системы. Но такимъ началомъ можетъ быть лишь истина, ибо нашъ разумъ можетъ мыслить такое начало только какъ истину, такъ какъ только въ силу его истинности онъ кладетъ его въ основаніе строяемой имъ системы. Дальше. Всякая истина есть, конечно, представленіе нѣкакого объективнаго содержанія. Философская истина имѣетъ своимъ содержаніемъ, какъ сказано, бытіе въ цѣломъ, въ его истинной дѣйствительности представленное посредствомъ абсолютнаго основанія. Каждая философская система должна, слѣдовательно, относиться къ одному и тому-же объективному содержанію, къ какому относилась и предшествовавшая ей система. Отсюда вытекаетъ, что возникновеніе новой философской системы обозначаетъ въ сущности возникновеніе новой, систематически развитой истины, относящейся къ одному и

тому-же предмету. Но такой процессъ, повидимому, совершенно невозможное дѣло; ибо истина, развитая изъ абсолютнаго основанія, по самому понятію о ней, должна быть въ отношеніи къ одному и тому-же предмету одна. Иначе получается какое-то совершенно невысказанное нарушение основнаго закона логики, именно, закона тождества; ибо приходится А мыслить и какъ А, и какъ В, и какъ С... Поэтому спрашивается, какимъ именно образомъ разумъ, установивъ относительно бытія въ цѣломъ одну истину, почитаемую имъ за безусловную, полагаетъ рядомъ съ нею новую истину относительно того-же самаго предмета, причемъ онъ и эту новую истину почитаетъ также безусловною, т. е. не имѣющею для себя высшихъ условій?

9. Обойти этого вопроса невозможно, ибо онъ прямо вытекаетъ изъ фактовъ исторіи философіи. Не обходить его и обычный взглядъ на исторію философіи; но онъ не рѣшаетъ его, а отдѣляется отъ него чистымъ отрицаніемъ, ибо возможно предположить, что весь этотъ историческій процессъ возникновенія новыхъ систематически развитыхъ принциповъ есть лишь чистая видимость, но что въ дѣйствительности дѣло происходитъ иначе. Можно предположить, что съ возникновеніемъ новой системы не возникаетъ никакой новой истины и что нашъ разумъ совершенно заблуждается, если онъ полагаетъ, что онъ можетъ открыть какую-то новую истину: что-нибудь одно, если разумъ обладаетъ истинною, то истина должна быть одна, или, если онъ не обладаетъ истинною, то о возникновеніи истины не можетъ быть и рѣчи. Въ первомъ случаѣ должна существовать лишь одна истинная философская система, а всѣ другія должны быть или заблужденіемъ, если онѣ отличны отъ нея, или тою-же истинною, если онѣ согласны съ нею. Въ второмъ случаѣ рядъ философскихъ системъ долженъ считаться рядомъ заблужденій, въ которомъ нѣтъ ни капли истины. Первый взглядъ можно назвать эклектическимъ, второй—скептическимъ; ибо первый изъ различныхъ системъ выбираетъ то, что ему кажется истиннымъ, а второй вовсе не признаетъ истины въ исторіи. Очевидно, что ни для того, ни для другаго взгляда собственно историческаго процесса не существуетъ. По первому взгляду нѣтъ историческаго процесса философіи вслѣд-

ствіе того, что есть только одна неизмѣнная система, которая всегда остается себѣ равной; по второму нѣтъ этого процесса вслѣдствіе того, что есть лишь одно вѣчно повторяющееся заблужденіе, которое путается въ различныхъ противорѣчіяхъ самому себѣ. Но такое отрицаніе исторіи не есть пониманіе ея сущности, какъ и вообще отрицаніе не есть пониманіе. Пусть разумъ нашъ способенъ заблуждаться или къ истинѣ примѣшивать ложь, во всякомъ случаѣ оба названные взгляда на исторію философіи исторіи этой не объясняютъ *).

10. Причина, по которой оба эти взгляда не могутъ объяснить историческаго процесса философіи, состоитъ въ томъ, что оба они выходятъ изъ представленія объ истинѣ, какъ о совершенно неизмѣнномъ и всегда себѣ равномъ познаніи вещи. Съ такимъ взглядомъ на истину несовмѣстима исторія философіи, ибо въ неизмѣнномъ не можетъ быть никакого процесса, и, слѣдовательно, никакой исторіи. Поэтому нужно отказаться отъ этого взгляда, если мы хотимъ понять исторію философіи. Неизмѣнная истина можетъ принадлежать лишь неизмѣнному уму, т. е. только одному абсолютному разуму, въ которомъ эта истина, по самой неизмѣнности этого разума, должна существовать безо всякой исторіи. Нашъ-же конечный разумъ, по самому понятію свосму, долженъ обладать только такою истиною, которая способна къ измѣненію, соотвѣтственно измѣненіямъ самаго разума. Конечно, эта измѣняющаяся истина въ своихъ первоначальныхъ основаніяхъ представляется намъ безусловною, ибо уже не предполагаетъ для себя новыхъ основаній; но эта безусловность есть безусловность субъективная: она существуетъ лишь для нашего ума, но не объективно, и потому она есть движущаяся и измѣнчивая, ибо съ измѣненіемъ состоянія нашего ума, или съ измѣненіемъ точки зрѣнія должно измѣниться и то, что мы считаемъ безусловною истиною **).

*) О скептическомъ и эклектическомъ пониманіи исторіи философіи у Куно-Фишера: Исторія нов. философіи, т. I стр. 7—8. Ср. Каринскаго, „Критическій обзоръ послѣдн. періода германской философіи“ С.П.Б. 1873. стр. 116—117.

**) Дважды два равняется четыремъ, но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что дважды два равняется я тремъ плюсъ единица, или 357-ми минусъ 353; и т. е. и другое, и третье одинаково вѣрно, и если здѣсь есть разница, она зависитъ отъ точки зрѣнія.

должно представлять себѣ эту измѣняющуюся истину, которая суждена измѣняющемуся человѣческому разуму, то отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только тотъ, что истина, способная къ измѣненію, и въ новой своей формѣ должна оставаться истинною, и слѣдовательно, истина, для нашего ума абсолютная, и въ новой формѣ должна имѣть достоинство абсолютности. Но именно такую измѣняющуюся истину, которая въ каждой новой формѣ является истинною, и представляетъ намъ рядъ философскихъ системъ, служащихъ выраженіемъ историческаго процесса философіи. Съ этой точки зрѣнія историческій процессъ философіи представляетъ, слѣдовательно, осуществленіе единой для нашего разума абсолютной истины въ формѣ различныхъ, смѣняющихся другъ друга, философскихъ системъ. И въ этомъ смыслѣ исторію философіи можно назвать осуществленіемъ въ этихъ системахъ единой истинной философіи.

11. Такое осуществленіе единой истинной философіи въ ряду различныхъ системъ можно представить не иначе, какъ въ видѣ процесса возрастанія ея, подобно возрастанію организмовъ. Какъ возрастаніе организма представляетъ переходъ его изъ одной формы въ другую, такъ и осуществленіе философіи въ исторіи представляетъ переходъ ея отъ одной системы къ другой. Этотъ органический переходъ отъ одной формы въ другую имѣетъ однако ту особенность, что формы эти имѣютъ не одинаковое значеніе въ отношеніи другъ къ другу. Каждая пережитая предыдущая форма имѣетъ свою цѣль, т. е. цѣль своего существованія, въ послѣдующей, и потому, по отношенію къ этой послѣдующей, представляетъ простое средство. Съ своей стороны каждая послѣдующая форма есть результатъ, обусловленный предшествовавшею формою, и потому, по отношенію къ этой предшествовавшей, представляетъ ея завершеніе. Предшествовавшая форма поэтому есть низшая, а послѣдующая высшая, если ихъ разсматривать со стороны ихъ взаимнаго отношенія. И, слѣдовательно, рядъ формъ, проходящихъ подобнымъ органическимъ процессомъ, представляетъ рядъ ступеней, возвышающихся одна надъ другою. Вторая особенность органическаго процесса состоитъ въ томъ, что каждая предыдущая форма при наступленіи послѣдующей выс-

шей перестаетъ существовать, становится прошедшимъ моментомъ: старецъ уже не мужъ, и мужъ уже не юноша. Каждая предшествовавшая форма теряетъ, слѣдовательно, свою дѣйствительность и сохраняется или только въ своемъ результатѣ, насколько она была его условіемъ, или также въ воспоминаніи, какъ у существъ, одаренныхъ разумомъ. Тоже самое и въ историческомъ процессѣ философіи: отжившія формы или философскія системы сохраняютъ свое значеніе, лишь поскольку они опредѣляютъ настоящее состояніе философіи и поскольку они сохраняются въ воспоминаніи какъ пережитыя и потому уже прошедшія формы философіи. Есть и еще одна существенная черта органическаго процесса, которую также не слѣдуетъ опускать изъ вида при уясненіи историческаго процесса философіи. Черта эта состоитъ въ томъ, что при переходѣ отъ низшей формы къ высшей организмъ не теряетъ своего тождества, но во всѣхъ своихъ формахъ остается однимъ и тѣмъ-же организмомъ. Эта черта свойственна и философіи, ибо и она, переходя отъ низшей системы къ высшей, точно такъ-же сохраняетъ свое тождество, оставаясь все тою-же философіей. Итакъ осуществленіе философіи въ различныхъ системахъ носитъ на себѣ всѣ черты органическаго процесса, который обыкновенно называется „развитіемъ“. Слѣдовательно, историческій процессъ философіи можно опредѣлить, какъ развитіе философіи въ ряду возвышающихся одна надъ другою ступеней *).

12. Вопросъ теперь въ томъ, какъ возможно такое развитіе, т. е. какъ возможенъ переходъ философіи отъ одной низшей системы къ другой, высшей? Къ рѣшенію этого вопроса ведутъ слѣдующія соображенія. Во-первыхъ, очевидно, что такой переходъ долженъ совершаться въ сферѣ самой философіи и самую философіею; во-вторыхъ, очевидно также, что такой переходъ философія можетъ совершить только въ томъ

*) Идею развитія въ приложеніи къ исторіи философіи первый выразилъ юноша *Шеллингъ* въ 1797 въ „Философскомъ журналѣ“ Фихте и Нитгаммера. Затѣмъ она была съ своеобразной точки зрѣнія развита *Гегелемъ* (*Werke*, XIII, 33) и его послѣдователями, изъ коихъ замѣчательный *Куно-Фишеръ*. См. „Исторія новой философіи“. Введение.

случаѣ, если она оставитъ данную систему, въ которой она нашла свое послѣднее выраженіе, какъ систему низшую, ради другой, высшей; въ-третьихъ, не менѣе очевидно, что она можетъ оставить одну систему какъ низшую только тогда, когда сама въ себѣ найдетъ ее низшею, т. е. когда сама увидитъ, что она низшая. Но это можетъ она сдѣлать только посредствомъ критическаго разсмотрѣнія этой системы, какъ собственнаго своего произведенія. Въ этомъ разсмотрѣніи философія становится уже какъ-бы внѣ системы и возвышается надъ нею, какъ надъ разсматриваемымъ объектомъ. Когда она просто только обосновывала данную систему, она смотрѣла только на вещи. Теперь она начинаетъ разсматривать самый взглядъ, образованный ею въ этомъ изслѣдованіи вещей. Она, слѣдовательно, становится на новую точку зрѣнія, „высшую“, по отношенію къ предшествовавшей, которая черезъ то является „низшею“. Этимъ возвышеніемъ на новую точку зрѣнія философія, очевидно, полагаетъ новый философскій принципъ или основываетъ новую философскую систему. Итакъ переходъ отъ низшей системы къ высшей философія совершаетъ посредствомъ критическаго разсмотрѣнія этихъ самыхъ системъ, ею самою произведенныхъ *). Но такое разсмотрѣніе собственныхъ произведеній, своей собственной дѣятельности, есть не что иное, какъ самосознаніе. Слѣдовательно сущность историческаго процесса философіи съ этой точки зрѣнія представляется процессомъ самосознанія, въ которомъ философія, переходя отъ одной системы къ другой, развивается изъ низшей своей формы въ высшую.

13. Резюмируя все сказанное, мы можемъ теперь опредѣлить историческій процессъ философіи со стороны содержанія, какъ рядъ философскихъ системъ, со стороны формы, какъ

*) Куно-Фишеръ, въ „Исторіи новой философіи“ I стр. 150, различаетъ два вида философской критики: первая отвѣчаетъ на вопросъ, согласны-ли слѣдствія системы съ ея принципомъ, вторая отвѣчаетъ на вопросъ, согласно-ли начало само съ собою. Первая ведетъ къ распространенію, къ исправленію, къ развитію системы, вторая—къ открытію противорѣчій въ самомъ началѣ и его опроверженію. Важна собственно эта вторая критика; но мнѣ кажется, что она должна разсматривать не согласіе начала съ собою, ибо и ложь можетъ себѣ не противорѣчить, а согласіе его съ дѣйствительностію, т. е. она должна разсматривать начало системы не съ формальной только стороны, но и съ матеріальной.

развитіе одной философіи въ этихъ различныхъ системахъ, и со стороны сущности этого процесса, какъ процессъ самосознанія, полагающаго въ себѣ и это содержаніе, и эту форму. Но такъ какъ сама философія и философское самосознаніе осуществляются только въ человѣческомъ духѣ посредствомъ присущей ему дѣятельности, то мы по справедливости можемъ опредѣлить исторію философіи какъ процессъ самосознанія познающаго духа, насколько его дѣятельность выражается въ философскомъ познаніи вещей. Слѣдовательно, процессъ философіи въ исторіи заводитъ насъ въ самую глубину человѣческаго духа, въ которомъ лежитъ корень и пружина всего этого процесса. Ибо что такое самосознаніе нашего духа въ исторіи философіи, какъ не самая жизнь духа въ его теоретической дѣятельности, какъ не его самосозерцаніе, въ которомъ онъ видитъ себя лицомъ къ лицу въ самомъ высшемъ и благороднѣйшемъ напряженіи его существа?! Съ этой точки зрѣнія исторія философіи представляетъ цѣлую галерею какъ-бы портретовъ духа, имъ самимъ созерцаемыхъ, которые всѣ походятъ на оригиналь, но которые всѣ также и отличаются другъ отъ друга, какъ отличается одинъ отъ другаго портретъ одного человѣка въ различные возрасты его жизни.

14. Здѣсь не лишнимъ представляется сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Извѣстно, что историческій процессъ философіи какъ самосознаніе опредѣляютъ Гегель и его школа. Но въ этомъ случаѣ Гегелевская философія подъ самосознаніемъ разумѣетъ не простое человѣческое самосознаніе, какъ это представлено выше, а самосознаніе абсолютное, которое осуществляется посредствомъ человѣческаго. У Гегельянцевъ, слѣдовательно, историческій процессъ философіи совершается не въ человѣческомъ духѣ, а въ абсолютномъ или божественномъ, но только посредствомъ человѣческаго, составляющаго одинъ изъ моментовъ абсолютнаго. Съ Гегелевской точки зрѣнія историческое развитіе философіи представляетъ не самосозерцаніе человѣческаго только духа, но самооткровеніе и самоосуществленіе самаго абсолютнаго существа, которое Гегельянцы представляютъ, какъ развивающуюся въ этомъ самосознаніи идею или мыслящую себя мысль. Собственный взглядъ Гегеля на

отношеніе божественнаго сознанія къ человѣческому, однако, настолько былъ неясенъ, что его послѣдователи пришли къ совершенно противорѣчивымъ сужденіямъ объ этомъ предметѣ: одни утверждаютъ, что внѣ человѣческаго самосознанія нѣтъ никакого другаго самосознанія Божества, что божественное самосознаніе всецѣло имманентно человѣческому *); другіе пытаются доказать, что божественное самосознаніе существуетъ раньше и превышаетъ человѣческаго, которое его въ себѣ воспроизводитъ, что оно, слѣдовательно, трансцендентно по отношенію къ человѣческому **). Но если принять первый взглядъ, по которому внѣ человѣческаго нѣтъ другаго сознанія, такъ что божественное всецѣло вмѣщается въ человѣческомъ, то такое самосознаніе по самому существу своему, какъ принадлежащее единственно человѣческому роду, есть человѣческое, и нѣтъ нужды называть его божественнымъ. Если-же признать, что божественное самосознаніе внѣ человѣческаго трансцендентно по отношенію къ нему, тогда развитіе самосознанія человѣческаго вообще, и въ исторіи философіи въ частности, не будетъ представлять развитія самосознанія божественнаго, и нѣтъ нужды представлять исторію философіи какъ самооткровеніе Божества. Въ томъ и другомъ случаѣ мы, слѣдовательно, на исторію философіи должны смотрѣть, какъ на развитіе человѣческаго самосознанія въ ряду философскихъ системъ, а не божественнаго. Ясно, что взглядъ на исторію философіи, какъ на процессъ самосознанія, хотя и идетъ отъ Гегеля, однако не ведетъ къ его системѣ.

15. Если мы теперь обратимся къ опредѣленію причинъ или условій, въ силу коихъ развитіе философіи принимаетъ въ исторіи фактически тотъ, а не иной видъ, то, а не другое направленіе, и проходитъ такія, а не другія ступени, то этихъ причинъ или условій нужно искать главнѣйшимъ образомъ

*) Michelet, Ueber Personlichkeit Gottes und Unsterblichkeit d. Seele. 1841. S. 150—151: „Bogъ не можетъ быть приписано сознаніе... Ему нужно отказать и въ самосознаніи“.

**) Rosenkranz. Wissenschaft d. logisch. Idee, I. 38, 89 и др. Теизмъ въ Гегелевской системѣ видятъ: Эрдманнъ, Гинрихсъ, Гаулеръ, Шаллеръ и др. См Rosenkranz, Hegel als deutscher Nationalphilosoph, 1870. S. 325.

именно въ глубинѣ человѣческаго самосознанія. Но такъ какъ философское самосознаніе есть лишь нѣкоторый опредѣленный видъ, и, слѣдовательно, лишь частный случай вообще человѣческаго сознанія, отъ котораго оно въ силу этого является въ зависимости, то мы должны выяснитъ прежде всего именно условія человѣческаго сознанія вообще. Поэтому первымъ дѣломъ нашего изслѣдованія будетъ изображеніе общихъ условій сознанія, насколько они опредѣляютъ философское самосознаніе и чрезъ это вліяютъ какъ на общій ходъ исторіи философіи, такъ и на его частные моменты. Но такъ какъ развитіе философскаго и вообще человѣческаго духа совершается въ средѣ пространственно-временныхъ историческихъ обстоятельствъ, въ какихъ поставлено развитіе человечества вообще, то вторымъ дѣломъ нашего изслѣдованія будетъ указаніе тѣхъ пространственно-временныхъ условій историческаго развитія философіи, которыя дѣйствовали на развитіе философскаго самосознанія, поскольку такое дѣйствіе возможно. Перваго рода условія мы называемъ внутренними условіями историческаго развитія философіи, а условія втораго рода — внѣшними.

М. Остроумовъ.

(Продолженіе будетъ).

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ

ВЗГЛЯДОВЪ И НАПРАВЛЕНІЙ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЪ ПО ВОПРОСАМЪ РЕЛИГИОЗНЫМЪ И ФИЛОСОФСКИМЪ *).

Эдуардъ Гартманъ

0

„НИРВАНЪ“ **).

Что такое Нирвана? „Абсолютное ничто“, или „нѣчто положительное“? Вопросъ этотъ въ послѣднее время рѣшался неоднократно.

Нирвана—„ничто“, говорятъ одни. Это слѣдуетъ уже изъ самаго значенія слова: „уничтоженіе“. Будь Нирвана надмірнымъ чистымъ бытіемъ чуждаго являемости чистаго существа

*) Задавшись цѣлю быть органомъ философскаго мірозерканія, соотвѣственно современному развитію наукъ, журналъ нашъ естественно не можетъ не слѣдить за такимъ или инымъ современнымъ-же рѣшеніемъ философскихъ вопросовъ на Западѣ, особенно пмѣющихъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ религіи. Полагаемъ, что въ вѣкъ западнаго нессимизма, въ вѣкъ философіи Шпенгера и Гартмана, въ нѣкъ ученій о всеобщемъ уничтоженіи, какъ послѣдней и высшей цѣли бытія,—читателямъ нашимъ не безынтересно будетъ познакомиться со взглядами одного изъ представителей западнаго нессимизма, Гартмана, на будійскую „нирвану“, какъ извѣстно, стоящую въ близкой и даже родственной связи съ его собственною нессимпатическою философіею. Полагаемъ, что подобныя предлагаемой нами характеристическія выдержки изъ сочиненій западно-европейскихъ мыслителей всего лучше могутъ познакомить нашихъ читателей съ направлениемъ западной философіи. Во всякомъ случаѣ выясненіе ученія о „нирванѣ“ принадлежитъ къ числу вопросовъ, очень интересующихъ собою современныхъ намъ западно-европейскихъ мыслителей. *Ред.* 63

***) Was ist Nirwana? Von Eduard von Hartmann. (Das Magazin für die Litteratur des In- und Auslandes. 1885. № 1).

ва, въ такомъ случаѣ уничтожилось-бы всякое различіе между браманизмомъ и буддизмомъ. „Сансара“ — міръ явленій, по возрѣнію буддистовъ, не есть явленіе абсолютнаго существа (Брамы), но несуществующая иллюзія, скрывающая отъ человѣка его невѣжество; Сансара не имѣетъ за собой (въ основѣ своей) какого-либо похожаго на реальность бытія, но какъ призракъ (wesenloser Schein) заключаетъ въ себѣ лишь небытіе, ничто. Наиболѣе глубокомысленные буддійскіе философы признали и открыто высказали этотъ постулатъ. И дѣйствительно, это единственное, что дѣлаетъ буддизмъ законченной системой. Такой взглядъ на Нирвану считался почти неопровержимымъ до 60-хъ годовъ.

Нѣтъ, говорятъ другіе *): Нирвана есть „блаженство (Seligkeit) чистаго бытія“. Буддійскіе философы, учившіе абсолютному уничтоженію „совершеннаго“ (человѣка), какъ доказано, признаны буддійскимъ церковнымъ ученіемъ неправовѣрными (Heterodoxe).

Позднѣйшее фантастическое изображеніе Нирваны раемъ было-бы невозможно, если-бы она съ самаго начала не заключала въ себѣ понятія положительнаго блаженства. Чистое ничто — невозможное понятіе (Unbegriff), которое даже философы не въ состояніи дѣйствительно мыслить, не говоря уже о толпѣ, и которое менѣе всего могло-бы получить значеніе центральнаго религіознаго двигателя.

Нѣтъ, говорятъ третьи *): тѣ и другіе равно ошибаются. Нирвана — ни абсолютное уничтоженіе, ни положительное блаженство. Что заключается въ логической послѣдовательности извѣстнаго круга представленій, можетъ интересовать философовъ, но до этого нѣтъ никакого дѣла занимающимся исторіею религій. Въ состояніи-ли европейцы съ ихъ предрассудками представить себѣ то или другое, или нѣтъ, это также мало можетъ претендовать на руководящее значеніе по отношенію къ религіозно-историческимъ фактамъ, какъ и то, что

*), Max Müller's Einleitung zu Rogers „Raddhaghoshas Parables“ und „Essays“, zweite Auflage, 2 Band „Ueber den Buddhistischen Nihilismus“.

*) Hermann Oldenburg. Buddha, sein Leben, seine Lehre, seine Gemeinde. Berlin. 1881.

позднѣйшая фантастическая трансформация сдѣлала изъ вѣроченій древнихъ временъ. Только первоначальные тексты имѣютъ важность, а они обстоятельно и безъ всякихъ недомолвокъ свидѣтельствуютъ, что Будда „уклонился“ отъ рѣшенія этого, предложеннаго ему, вопроса въ томъ или другомъ смыслѣ, какъ не имѣющаго никакого отношенія къ спасенію. Можетъ быть эту уклончивость вызвало въ немъ опасеніе за тѣ послѣдствія, къ коимъ могло повести полное раскрытіе окончательныхъ выводовъ, боязнь—предъявить слишкомъ большія требованія къ слабой человѣческой природѣ; но нельзя оспаривать тотъ фактъ, что первоначальный (правовѣрный) буддизмъ отвергаетъ какъ тотъ, такъ и другой способъ рѣшенія вопроса, признавая ихъ въ равной степени невѣрными. По отношенію къ этому вопросу непримѣнима форма рѣшенія: „ни — ни“ (weder — noch), и еще менѣе другая „какъ — такъ“ (sowohl — als auch), но отклоняется всякое опредѣленіе предмета, какъ теоретически излишнее, а практически бесполезное.

Нѣтъ, говорятъ четвертые, къ коимъ примыкаютъ и европейски-образованные буддисты, — нѣтъ: европейскіе изслѣдователи религій дѣлаютъ ту-же самую ошибку, какъ и народная фантазія, превращающая Нирвану въ рай, принимая Нирвану за трансцендентное понятіе, тогда какъ она есть понятіе „чисто имманентное“. Будда долженъ былъ отклонить отъ себя рѣшеніе вопроса о характерѣ трансцендентной Нирваны не потому, что этотъ вопросъ неразрѣшимъ, а потому что онъ былъ фальшиво поставленъ. Не только практическое значеніе Нирваны, но и понятіе о ней исчерпывается вполнѣ безстрастнымъ состояніемъ спасеннаго, каковымъ онъ является въ настоящей жизни предъ нашими глазами.

Будь одно изъ трехъ послѣднихъ возрѣній справедливо, первый взглядъ, по которому Нирвана есть абсолютное ничто, оказался бы во всякомъ случаѣ несостоятельнымъ. Мы представляемъ нетруднымъ доказать, что послѣднія два возрѣнія, коими само собою исключается второе, имѣютъ въ своей основѣ „недоразумѣнія“, вслѣдствіе чего и выводы, допускаемые ими, представляются шаткими.

Прежде всего что касается до утвержденія, что Нирвана

есть имманентное, а не трансцендентальное понятіе, то такое утвержденіе справедливо лишь по отношенію къ „идеальной антиципации *) реальной Нирваны“ въ благочестивой душѣ, а не по отношенію къ самой реальной Нирванѣ. Но имманентная Нирвана была-бы невозможнымъ, самому себѣ противорѣчащимъ понятіемъ, если-бы не существовало вѣры въ реальную, трансцендентную Нирвану, идеальную антиципацию коей она сама образуетъ. Суть дѣла здѣсь таже самая, что и въ христіанскомъ представленіи „царства Божія“: царство Божіе представляетъ собою также имманентное понятіе, поколику оно является идеальнымъ „предвареніемъ“ будущаго, трансцендентнаго царства Божія въ душѣ благочестиваго человѣка. Это представленіе о царствѣ Божіемъ точно также было-бы полно противорѣчія, если-бы въ основѣ его не лежала вѣра въ реальность существующаго за гробомъ царства Божія. И какъ-бы пастырская дѣятельность, въ своей заботѣ о паствѣ и въ проповѣди, ни усиливалась перенести центръ тяжести на имманентную Нирвану, на имманентное царство Божіе, тѣмъ не менѣе въ основѣ ея лежитъ мысль (будетъ-ли она открыто высказана или нѣтъ,—это все равно) о трансцендентной Нирванѣ, о трансцендентномъ царствѣ Божіемъ **). Во всякомъ случаѣ съ практической точки зрѣнія цѣлесообразно окружать послѣднія туманомъ извѣстной неопредѣленности, потому что тогда легче приспособить ихъ ко всякаго рода стремленіямъ и упованіямъ, разнообразящимся смотря по національности, духу времени и индивидуальности. Но ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить полнаго устраненія ихъ, дабы тѣмъ самымъ не отнять почвы у соотвѣтствующихъ имъ имманентныхъ представленій.

Такимъ образомъ проблема: что такое собственно „трансцендентная“ Нирвана, не смотря на все практическое значеніе имманентной, идеальной Нирваны, не только продолжаетъ существовать, но даже получаетъ, при указанномъ различеніи, необычайную важность и въ практическомъ отношеніи,

*) Предваренію, предощущенію.

***) Само собою разумѣется, авторъ имѣетъ здѣсь въ виду господствующія тенденціи современнаго протестантства. П. Р.

ибо теперь ясно, что безъ рѣшенія этого вопроса нельзя составить правильнаго понятія и о сущности идеальной антиципации Нирваны. Поэтому уже а priori должно казаться невѣроятнымъ, чтобы Будда отклонилъ отъ себя рѣшеніе этого кардинальнаго вопроса на томъ основаніи, что онъ не имѣетъ практическаго значенія. Въ дѣйствительности этого и не было. Напротивъ, мы встрѣчаемъ безчисленное количество разъ совершенно точное опредѣленіе Нирваны, какъ „безусловнаго отрицанія здѣшняго существованія и личнаго бытія“, покуда здѣшній міръ (Сансара) доступенъ нашему опыту. *Нирвана есть отрицаніе („ничто“) всякаго бытія, всякаго мышленія, чувствованія и хотѣнія и какой-бы то ни было сущности, лежащей въ основѣ бытія и сознанія“.*

Такимъ образомъ, если предположить, что чистая форма человѣческаго сознанія, „трансцендентный“ субъектъ, или „само“ (Selbst) субъекта (Атманъ), строго отличаемое отъ своей тѣлесно-душевной личности (Сатта), продолжаетъ существовать послѣ „естественной“ смерти послѣдней и что рѣчь идетъ о смерти человѣка, „освобожденнаго отъ возрожденія“, т. е. „совершеннаго“ (vollendetes); — въ такомъ случаѣ это „само“ существовало-бы въ „не-мірѣ“ (in dem Nichts der Welt) и было-бы лишено всякаго мышленія, чувствованія и хотѣнія, т. е. оно было-бы въ „ничто“ и „ничто“ — въ немъ. Таково было-бы отношеніе Атмана къ реальной трансцендентной Нирванѣ, въ случаѣ если-бы онъ пережилъ смерть „совершеннаго“ человѣка. Дѣйствительно-ли это такъ, или нѣтъ; дѣйствительно-ли чистая форма сознанія, лишенная всякаго содержанія, продолжаетъ существовать въ „ничто“, или-же и какъ форма подвергается уничтоженію, — это во всякомъ случаѣ вопросъ, не имѣющій никакого практическаго значенія, и этотъ-то вопросъ Будда *) отклонилъ отъ себя.

Логика системы требуетъ однако-жъ, чтобы этотъ вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу уничтоженія Атмана; это также ясно, какъ и то, что вопросъ этотъ не имѣетъ рѣшительно никакой связи съ вопросомъ о природѣ Нирваны. Третье воззрѣніе смѣшиваетъ то и другое.

*) Т. е. первоначальное буддійское вѣроученіе. *Авт.*

Продолжаетъ-ли пустая форма сознанія существовать въ „не-мірѣ“, или лишенная всякаго содержанія и возможности обнаруженія, и какъ форма, она не существуетъ болѣе,—это въ практическомъ отношеніи, какъ я уже сказалъ, совершенно все равно; въ обоихъ случаяхъ Нирвана продолжаетъ быть тѣмъ же *ничто*, противоположнымъ всякой позитивности, независимо отъ того, плаваютъ-ли въ ней (*schwimmen*) пустыя формы сознанія (*bewusstlose Bewusstseinsformen*), или нѣтъ.

Нирвана не только не заключаетъ въ себѣ положительнаго блаженства, но ей чуждо даже „наслажденіе контрастомъ“ (*Kontrastlust*) въ сравненіи съ Сансарою, такъ какъ наслажденіе, какъ таковое, должно быть сознаваемо или чувствуемо; но всякое сознаніе и ощущеніе рѣшительно чуждо Нирванѣ, исключено изъ нея.

Въ силу вышеуказаннаго вопроса о Нирванѣ долженъ быть рѣшенъ въ пользу перваго взгляда; всѣ-же прочія конценціи, несогласныя съ нимъ, „покоятся на ошибкахъ, недоразумѣніи, смѣшеніи“.

Въ заключеніе мнѣ хотѣлось-бы упомянуть здѣсь объ одномъ философскомъ возраженіи, которое хотя высказывалось нѣсколько разъ, но лишь намеками, въ недостаточно ясной и опредѣленной формѣ. Возраженіе это заключается въ слѣдующемъ.

Если мы и опредѣлили Нирвану, какъ отрицаніе всѣхъ эмпирическихъ опредѣленій бытія, такъ что по отношенію къ этимъ послѣднимъ она должна быть названа „*nihil relativum*“, то этимъ еще не сказано, что Нирвана также „*an und für sich*“, т. е. независимо отъ своей противоположности по отношенію къ Сансарѣ, должна быть отрицательной величиной, т. е. должна быть „*nihil absolutum*“. Если-же нельзя оспаривать возможность того, что относительное „ничто“ можетъ быть однако само въ себѣ нѣчто положительное, то этимъ самымъ инстинктивному влеченію благочестиваго буддиста къ жизни (*Lebensdrang*), его надеждамъ открывается „впередѣ“ по истинѣ безграничная область; лишь позади (*nach rückwärts*) она ограничивается тѣмъ, что исключаетъ изъ себя всѣ эмпирическія условія бытія, свойственныя Сансарѣ. Поставьте въ связь

съ этимъ оставшійся открытымъ вопросъ касательно дальнѣйшаго существованія чистой формы сознанія „совершеннаго“, и тогда окажется, что трансцендентному оптимизму „остаются открытыми двери и ворота“, не смотря на относительную отрицательность Нирваны. Эту перспективу по всей справедливости слѣдуетъ назвать пристанищемъ (Ankergrund), гдѣ нашли себѣ убѣжище (sich angeklammert) позднѣйшія фантазіи буддистовъ. Боязнь первоначальнаго буддизма предъ логической необходимостію отрицанія дальнѣйшаго существованія „совершеннаго“ въ извѣстной степени также отвѣтственна за позднѣйшее искаженіе понятія о Нирванѣ.

Въ виду того, что буддійская ортодоксія одинаково запрещаетъ давать какъ положительный, такъ и отрицательный отвѣтъ на вопросъ о загробномъ существованіи „совершеннаго“ приведенное нами возраженіе теряетъ свой религіозно-практическій интересъ, такъ какъ самое запрещеніе ясно свидѣтельствуєтъ о томъ, что религіозный интересъ буддиста долженъ въ данномъ случаѣ сосредоточиваться не на спорныхъ, положительныхъ перспективахъ, а на Нирванѣ, поколику она есть „ничто“ въ сравненіи съ Сансарой. Впрочемъ, и съ теоретической точки зрѣнія возраженіе является просто-на-просто недоразумѣніемъ, а именно: если Нирвана представляетъ собою полное отрицаніе „этого міра“ (das Nichts dieser Welt), то совершенно фальшивъ вопросъ: не включаетъ-ли Нирвана въ себѣ кромѣ этого „ничто“ чего-нибудь другаго, положительнаго? „Ничто не можетъ быть субъектомъ положительныхъ атрибутовъ, субстанціей позитивныхъ акциденцій“. Вопросъ долженъ быть поставленъ слѣдующимъ образомъ: не можетъ-ли по ту сторону міра, внѣ „ *nihil relativum* “, существовать нѣчто другое, положительное? Но эта неоспоримая возможность не имѣетъ для буддиста никакого интереса, потому что выходъ изъ здѣшняго міра въ „ничто“ далеко еще не значитъ переходъ въ какое-либо, внѣ этого „ничто“ существующее, положительное бытіе. Одно изъ основоположеній буддизма гласитъ, что міръ явленій замкнутъ въ самомъ себѣ и не имѣетъ никакого отношенія къ чему-либо внѣ его существующему, неизмѣнному. Будь, такимъ образомъ, по ту сторону міра реальное бытіе,

оно тѣмъ не менѣе находилось-бы внѣ всякой связи съ міромъ явленій и существующими въ немъ индивидуумами, а также и внѣ всякой связи съ тѣмъ „ничто“, которое представляетъ собою отрицаніе здѣшняго міра. Вслѣдствіе сего вопросъ: не существуетъ-ли кромѣ Нирваны и независимо отъ нея (а также независимо и отъ Сансары) еще положительное бытіе?—лишенъ всякаго значенія для человѣка, такъ какъ не смотря на это человѣкъ не въ состояніи былъ-бы преодолѣть преграду, лежащую между нимъ и этимъ реальнымъ бытіемъ (въ силу того, что онъ изображаетъ собою часть здѣшняго міра, Сансары). Итакъ, „nihil relativum“ для буддиста въ то-же время и „nihil absolutum“, все равно — существуетъ-ли рядомъ, или позади его „ens absolutum“, или не существуетъ.

П. Ф—евъ.

Дрезденъ. Январь, 1885.

ИЗРЕЧЕНІЯ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ МЫСЛИТЕЛЕЙ,

ВЫБРАННЫЯ ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ

Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др.

(Продолженіе *).

6. Клеовулъ Линдскій.

Клеовулъ, сынъ Евагора, Линдянинъ ¹⁾. Плутархъ приписываетъ ему власть тирана въ Линдѣ; а Эліапъ къ тому добавляетъ, что онъ принесъ много пользы Родосцамъ въ отношеніи къ политическому устройству острова. По свидѣтельству другихъ древнихъ писателей, онъ отличался особенною тѣлесною красотою и силою, почему нѣкоторые родъ его производили отъ Геркулеса. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и человѣкъ весьма умный и многосвѣдущій. Для изученія наукъ вообще и въ частности философіи онъ, подобно многимъ грекамъ тѣхъ временъ, путешествовалъ въ Египетъ. Въ Линдѣ, между прочимъ, онъ возстановилъ и украсилъ приходшій въ ветхость храмъ Аѳины Паллады, построенный Данаемъ. Кратинъ въ своей драмѣ „Кеовулина“ упоминаетъ о дочери его Клеовулинѣ, какъ составительницѣ загадокъ въ формѣ гекзаметровъ. Да и самъ Клеовулъ не чуждъ былъ поэзіи. Ему приписываютъ до трехъ тысячъ стиховъ лирическихъ пѣсней и загадокъ. Умеръ онъ лѣтъ семидесяти, торжественно погребенный Родосцами. Надгробный памятникъ его Линдяне украсили слѣ-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 4.

¹⁾ Линдъ—городъ на островѣ Родосѣ.

дующею надписью: „Приморскій городъ Линдъ, отечество Клеовула оплакиваетъ умершаго мудраго мужа“. Время жизни Клеовула относится къ той же эпохѣ, въ какую жили и остальные изъ семи мудрецовъ ¹⁾. Съ его именемъ соединяются слѣдующія изреченія:

Невѣжество и многословіе преобладаютъ въ большей части людей: а ты говори только благовременно.

Старайся имѣть одни добрыя мысли.

Не будь ни суетень, ни неблагодарень ²⁾.

Онъ же говорилъ, что дочерей должно отдавать за мужъ тогда, когда онѣ по возрасту бываютъ дѣвицами, а по благоумію женщинами, показывая этимъ, что должно давать воспитаніе и дѣвицамъ.

Онъ говорилъ также, что должно благодѣтельствовать другу, дабы онъ былъ еще болѣе другомъ, а врага — дѣлать другомъ: ибо должно остерегаться и порицанія друзей и навѣта враговъ.

Когда кто выходитъ изъ дому, — внушалъ онъ, — пусть поразмыслитъ о томъ, что намѣренъ дѣлать, а когда снова войдетъ въ домъ, пусть поразмыслитъ о томъ, что сдѣлалъ.

Совѣтовалъ онъ также дѣлать умѣренныя тѣлесныя упражненія.

Давалъ и слѣдующіе совѣты:

Люби болѣе слушать, нежели говорить.

Предпочитай быть болѣе любозпательнымъ, чѣмъ невѣждою.

Языкъ удерживай отъ злословія.

Будь своимъ для добродѣтели и чужимъ для порока.

Избѣгай несправедливости.

Государству давай совѣты наилучшіе.

Обуздывай страсть къ удовольствіямъ.

Отнюдь не прибѣгай къ насилию.

Дѣтей воспитывай.

Вражду разрѣшай миромъ.

Съ женою, въ присутствіи чужихъ людей, не будь слиш-

¹⁾ См. Діог. Л. I, 89 и 93; Плут. De re Delphica и др.

²⁾ По другой редакціи: „да не будетъ суетна благодарности“.

комъ нѣженъ, но и не бранись: ибо первое есть признакъ неразумія, а послѣднее — безумія.

Пьянаго слугу не наказывай: ибо въ такомъ случаѣ покажется, что самъ ты пьянъ.

Вступай въ бракъ съ равною тебѣ по состоянію: ибо если возьмешь себѣ жену изъ высшаго состоянія, то въ сродникахъ ея приобрѣтешь себѣ господъ.

Не насмѣхайся надъ тѣми, которые служатъ предметомъ насмѣшки для другихъ: ибо иначе будешь имъ ненавистенъ.

Въ счастіи не превозносись, а въ несчастіи не падай духомъ.

Перемѣны счастія умѣй переносить мужественно.

Клеовуль же говорилъ, что мѣра во всемъ — самое лучшее.

Въ *Памятныя Записи* Памфілы занесена слѣдующая загадка, приписываемая Клеовулу:

Одинъ отецъ имѣетъ двѣнадцать сыновей, изъ коихъ у каждаго по тридцати дочерей, различныхъ по виду: однѣ изъ нихъ бѣлыя, а другія черныя. Хотя онѣ и бессмертны, однако всѣ умираютъ.

Загадка означаетъ годъ ¹⁾.

У Плутарха, между прочимъ, записано слѣдующее изреченіе Клеовула:

И царь и тираннъ, кажется, болѣе будетъ славенъ, если не будетъ довѣрять никому изъ окружающихъ его ²⁾.

Сверхъ того у Димитрія Фалерейскаго были записаны слѣдующія изреченія Клеовула:

Отца должно уважать.

Нужно заботиться о здравіи тѣла и души своей.

Нужно охотно слушать, но не должно стараться услышать все, что ни попало.

Приличнѣе быть многосвѣдущимъ, нежели несвѣдущимъ.

Языкъ должно имѣть склоннымъ говорить одно доброе.

Добродѣтели свойственно, а пороку несвойственно отвращаться несправедливости.

¹⁾ Diog. L. I, 91—93. Conf. Stob. Floril. serm. III; LXVIII; CVIII et alibi. Anecdota gr. ed. Boissonade, t. I, pag. 135—136.

²⁾ Plut. Conviv. VII Sapient. cap. 7. Conf. Stob. Florileg. Serm. XLVI.

Храни благочестіе.
 Гражданамъ совѣтуй лишь наилучшее.
 Языкѣ обуздывай.
 Молись о счастіи.
 Врага народу считай непріателемъ.
 Съ насмѣхающимся не подсмѣивайся: ибо иначе будешь нена-
 вистенъ для тѣхъ, которые служатъ предметомъ насмѣшки ¹⁾.
 Клеовулу же приписываются и слѣдующія изреченія:
 Никогда не превозносись.
 О домѣ заботься.
 Читай книги.
 Суди справедливо.
 Добрымъ дѣлай доброе.
 Отъ злословія удерживайся.
 Подозрѣніе отстраняй.
 Родителей побѣждай терпѣніемъ.
 Полученное благодѣяніе памятуй.
 Того, кто ниже тебя, не отвергай.
 Чужаго не желай ²⁾.
 Не бросайся въ опасности.
 Люби то, что принадлежитъ ближнему твоему, и блюди это
 какъ бы свое ³⁾.
 Чтѣ ты ненавидишь, того не дѣлай другому ⁴⁾.
 Не угрожай никому: ибо это свойственно лишь женщинѣ.
 Поспѣшнѣе иди на несчастія друзей, нежели на ихъ счастіе.
 Камень служитъ оселкомъ для испытанія золота, а золото—
 для испытанія людей.
 Ничего нѣтъ цѣннѣе обѣта.
 Ложная клевета пятнаетъ жизнь.
 Всякій благоразумный и мудрый человекъ ненавидитъ ложь ⁵⁾.
 Какъ не желалъ бы ты погрузиться въ море, плывя въ боль-

¹⁾ Stobei, Floril. Serm. III.

²⁾ Сравни десятую заповѣдь закона Божія.

³⁾ Срав. христіанскую заповѣдь о любви къ ближнему.

⁴⁾ Срав. Мате. 7, 12 и парал.

⁵⁾ См. у Муллаха въ Fragm. philos. graec. pag. 216. Conf. Anecdota gr. Bois-sonade I. с.

шомъ и позлащенномъ кораблѣ, такъ не желай и быть обу-
реваемымъ несчастіемъ, пребывая въ домѣ огромномъ и рос-
кошномъ 1).

Бога должно почитать, родителей уважать 2).

Должно быть приличнымъ по внѣшнему виду.

Должно хранить доброе имя.

Должно дѣлать лишь самое лучшее.

Совѣты давать должно только добрые 3).

7. ПЕРІАНДРЪ КОРИНЕСКІЙ.

Періандръ былъ сынъ Кипсела. Онъ происходилъ изъ сла-
внаго рода Гераклидовъ и самъ былъ тиранномъ Коринескимъ
въ теченіи сорока лѣтъ. Время процвѣтанія его падаетъ на
38-ю олимпиаду, т. е. на 628—624 гг. до Р. Хр. Какъ ти-
раннъ, онъ отличался неслыханною жестокостію, по свидѣ-
тельству Геродота 4) и Діогена Лаэртія. Такъ на примѣръ онъ
убилъ жену свою Мелиссу, дочь Прокла, царя Эпидавровъ, по
клеветѣ на нее со стороны наложницъ, которыхъ у него было
много и которыхъ онъ потомъ, раскаявшись въ убійствѣ жены,
сжегъ живыми; выгналъ изъ дому сыновей своихъ, скорбѣв-
шихъ объ убійствѣ матери, хотя послѣ и самъ всячески ста-
рался примириться съ ними, а особенно съ младшимъ, Лико-
фрономъ, который по дарованіямъ ума болѣе подавалъ на-
деждъ на себя, нежели слабоумный старшій сынъ, и т. д.
Въ виду такой жестокости Періандра, уже древніе пред-
ставляли себѣ страннымъ, какъ онъ могъ попасть въ плеяду
семи мудрецовъ; а потому одни исключали его изъ числа семи
мудрецовъ и ставили на его мѣсто или Анахарсиса, или Ми-
зона, а другіе признавали двухъ лицъ съ именемъ Періандра,
изъ коихъ одинъ будто-бы былъ тираннъ Коринескій, а дру-
дой — мудрецъ. Такъ Платонъ въ своемъ діалогѣ „Протагоръ“
вмѣсто Періандра, ставитъ въ число семи мудрецовъ помяну-

1) Mullach. *ibid.* pag. 219.

2) Срав. заповѣди закона Божія о богопочитаніи и о почитаніи родителей.

3) *Anecdota gr. ed. Boissonade* I. cit; conf. *Stob. Floril.* Срав. также рукоп. Моск. дух. акад. № 220 л. 87.

4) III, 50—53; V, 92.

таго Мизона; Аристотель, также Плутархъ, напротивъ утверждаютъ, что въ числѣ семи мудрецовъ былъ именно Періандръ, тираннъ Коринтскій; Сотіонъ, Гераклидъ и Памфила признавали двухъ лицъ съ именемъ Періандра. Лукіанъ Самосатскій говоритъ, что онъ видѣлъ списки семи мудрецовъ безъ имени Періандра. Какъ бы то ни было, но съ именемъ Періандра въ древности соединялось представленіе объ одномъ изъ семи мудрецовъ и ему приписывались такія изреченія, которыя, какъ увидимъ далѣе, отнюдь не свидѣтельствуютъ о дурныхъ качествахъ нравственной природы ихъ составителя. Впрочемъ, что же особенно страннаго въ томъ, еслибъ эти изреченія принадлежали и не иному какому мудрецу, какъ тиранну Коринтскому Періандру? Развѣ не могъ быть мудрецомъ именно этотъ самый Періандръ?—Душа человѣческая доселѣ остается великою загадкою. Въ ней соединяются иногда такія, повидимому несоединимыя противорѣчія, которыя способны поставить въ тупикъ самаго опытнаго психопатолога и психіатра. Вспомнимъ историческія имена французскаго короля Людовика XI, нашего русскаго царя Іоанна Грознаго и др. А мало-ли и теперь есть подобныхъ примѣровъ? Жестокость управленія и грубость нравовъ были обычными явленіями въ средѣ тиранновъ время Періандра (Писистратъ Аѳинскій, Полкратъ Самосскій и др.). Но въ тоже время изъ вышесказаннаго мы могли видѣть, что Періандра посѣщали и минуты горькаго сожалѣнія о сдѣланныхъ проступкахъ, минуты искренняго раскаянія и т. п. И кто знаетъ? Быть можетъ въ эти минуты, въ минуты жизни, недовѣдомыя для людей, а извѣстныя одному Богу, тѣ-же самые тиранны были великими въ очахъ Бога людьми. Быть можетъ и въ своемъ тиранствѣ они были орудіями воли божественной. Не даромъ-же не только въ христіанствѣ, но и въ язычествѣ народъ простой бывалъ убѣжденъ, что такихъ тиранновъ Богъ посылалъ въ наказаніе людямъ за грѣхи ихъ. Не даромъ и Коринтяне въ надгробной надписи Періандру ни словомъ не упомянули о жестокости его, а только о „богатствѣ и мудрости“¹⁾.

¹⁾ Diog. L. I. 94—99; conf. Plut. Conv. VII sapient; Lucian. Ver. Hist. II, 17 и др.

И вотъ изреченія мудрости столь замѣчательнаго человѣка:
„Ничего не должно дѣлать изъ-за денегъ: изъ того только должно извлекать выгоду, изъ чего прилично.

Желающіе властвовать безопасно должны тѣлохранителемъ своимъ имѣть не оруженосца, а благорасположеніе.

Спрошенный вѣкогда о томъ, почему онъ продолжаетъ сохранять власть тирана, Періандръ сказалъ: потому что и добровольно оставить эту власть и лишиться ея помимо воли одинаково опасно.

Онъ-же говорилъ и слѣдующее:

Хорошее дѣло—спокойствіе, а безразсудство опасно.

Корысть постыдна.

Народное правленіе лучше тиранніи.

Удовольствія скоропреходящи, а почести безсмертны.

Въ счастіи будь умѣренъ, а въ несчастіи благоразуменъ.

Съ друзьями будь одинаковъ и тогда, когда они счастливы, и тогда, когда они несчастны.

Что ты обѣщаль, то исполняй.

Тайны не выдавай.

Наказывай не только совершающихъ проступки, но и намѣреющихся совершать эти послѣдніе.

Ему-же принадлежатъ изреченія:

Упражненіе преодолеваетъ все ¹⁾).

Постыдная корысть есть обвиненіе природы.

Лучше умереть въ бережливости, нежели жить въ нуждѣ.

Оказывайся достойнымъ своихъ родителей.

Старайся при жизни стяжать похвалу, а по смерти—ублаженіе.

Если ты что-либо дурное обѣщаль неволью, то оставь безъ исполненія.

Высказывай порицаніе такъ, какъ-бы ты имѣлъ намѣреніе вскорѣ сдѣлаться другомъ порицаемаго.

Законами пользуйся старыми, а жаренымъ свѣжимъ.

Не только совершающихъ проступки наказывай, но и намѣревающимся совершать воспрещай.

¹⁾ Diog. L. I, 97--99. Conf. Stob. Eloril. serm. III; Anecdota gr. ed. Boissonade t. I, pag. 140 sq.

Несчастія свои скрывай, чтобы не обрадовать враговъ своихъ.

Никому не завидуй.

Какъ ржа есть собственная болѣзнь хлѣба, такъ и зависть есть недугъ дружбы.

Какъ ржавчина съѣдаетъ желѣзо, такъ и зависть—душу.

Чѣмъ больше завидуешь, тѣмъ болѣе становишься виновникомъ благъ для того, кому завидуешь.

Спрошенный о томъ, что есть самое великое, заключающееся въ самомъ маломъ, Періандръ сказалъ: здравый умъ въ тѣлѣ чловѣка.

Спрошенный о томъ, что такое свобода, онъ сказалъ: правая совѣсть.

Гнусная корысть,—говорилъ онъ,—есть тяжелое сокровище.

Спрошенный о томъ, что было причиною всего, онъ сказалъ: время ¹⁾.

Иныя изреченія того-же мудреца:

Старайся всѣмъ нравиться.

Держись истины.

Дѣлай справедливое.

Надменности отвращайся.

Начальствующимъ уступай.

Страсть къ удовольствіямъ обуздывай.

Клятвы не употребляй въ дѣло.

Держись благочестія.

Хорошее хвали.

Отъ порока удерживайся.

Воздавай благодарность.

Къ просителямъ будь милостивъ.

Сыновей воспитывай.

Сообществомъ мудрыхъ людей пользуйся.

Спора удаляйся.

Добрыхъ почитай.

Слушай то, что слѣдуетъ слушать.

Постыднаго избѣгай.

Отвѣчай во-время.

¹⁾ Stobei, Florilegium, Serm. III, XXIV, XXXVIII, XXXIX, XLI et alibi. Conf. Mullach. Fragm. philos. gr. pag. 231; Anecdota gr. ed. Boissonade, l. c. all.

Дѣйствуй такъ, чтобы потомъ не раскаяться.
Глаза удерживай въ предѣлахъ благопристойности.
Справедливому подражай.
Благодѣтелей почитай.
Надежды поддерживай.
Клеветы отвращайся.
Будь привѣтливъ.
Допустивъ ошибку, поправь ее.
Долговременную дружбу сохраняй.
Всѣмъ давай отвѣты.
Стремись къ единомыслию.
Вождей бойся.
Не говори для одного удовольствія.
Не довѣрай времени.
Не относись съ пренебреженіемъ къ себѣ самому.
Старшихъ уважай.
Будь готовъ умереть за отечество.
Не о всякой вещи печалься.
Раждай дѣтей отъ благородной жены.
Надѣйся, какъ смертный.
Щади, какъ бессмертный.
Не превозносись славою.
Тайну храни въ тайнѣ.
Уступай великимъ людямъ.
Выжидай благопріятнаго времени.
Шомышляй смертное.
Щедродательствуй съ пользою.
Не полагай самъ начала обидѣ.
Печали остерегайся.
Надъ умершимъ не смѣйся.
Друзьями пользуйся.
Совѣтуй такъ, чтобы быть неповиннымъ.
Друзей радуй ¹⁾.
Таковы изреченія, которыя древніе приписывали каждому

¹⁾ Anecdota gr. ed. Boissonade, t. I. pag. 140—143. Conf. Mullach. op. cit. pag. 215; срав. рукоп. Моск. дух. акад. № 220 л. 89—90.

изъ семи мудрецовъ въ отдѣльности. Въ сокращеніи эти изреченія изложилъ неизвѣстный намъ по имени греческій поэтъ въ слѣдующей эпиграммѣ:

- „Выслушай, сынъ мой, сладкозвучныя изреченія семи мудрецовъ,
 „Чтобы ями управлять кормиломъ житія твоего.
 „Солонъ, сынъ Эксипестиды, аеинянинъ: Ничего въ излщнествѣ.
 „Хилонъ, сынъ Дамагита, лакедемонянинъ: Познай самого себя.
 „Клеовулъ, сынъ Евагора, линдянинъ: Самое лучшее—во всемъ мѣра.
 „Питтакъ, сынъ Пирадія, митилеянинъ: Знай время.
 „Періандръ, сынъ Кинсела, коринѳянинъ: Упражненіе преодоливаетъ все.
 „Віасъ, сынъ Тевтама, Прівнейскій: большая часть людей злы.
 „Θаласъ, сынъ Эксамида, милетскій: Отдавай деньги въ вѣрныя руки;
 иначе понесешь убытокъ“¹⁾.

Но у древнихъ было записано много изреченій, которыя приписывались семи мудрецамъ вообще, безъ означенія того, кому именно изъ семи мудрецовъ они принадлежали. Во многихъ изъ таковыхъ изреченій мы встрѣчаемъ уже раньше приведенныя подъ именемъ того или другаго мудреца въ отдѣльности; но значительная часть ихъ является вновь, какъ доказательство неисчерпаемости источника древне-греческой мудрости.

Собраніе ихъ принадлежало древнему, но мало извѣстному намъ писателю Сосіаду, у котораго замѣтствовали ихъ Стобей. По Стобею мы и приводимъ эти изреченія, которыя суть:

Слѣдуй Богу.

Закону повинуйся.

Боговъ почитай.

Родителей уважай.

За правду терпи и униженіе.

Суди, узнавъ дѣло.

Услышанное обдумывай.

Познавай самого себя.

Знай время для вступленія въ бракъ.

Помышляй о смертномъ.

Знай, что ты гость на землѣ.

Домашній очагъ чти.

¹⁾ Anecdota, ed. Boisson. t. I, pag. 144; conf. ibid. pag. 143; conf. Mullach, pag. 235.

Управляй самимъ собою.
 Друзьямъ помогай.
 Гнѣвъ обуздавай.
 Разумъ упражняй.
 Предусмотрительность чти.
 Клятвы не употребляй въ дѣло.
 Дружбу люби.
 Занимайся наукою.
 Славы ищи.
 Ревнуй о мудрости.
 О добромъ говори доброе.
 Никого не порицай.
 Восхваляй добродѣтель.
 Дѣлай справедливое.
 Къ друзьямъ будь благорасположенъ.
 Отъ враговъ защищайся.
 Природныя дарованія упражняй.
 Отъ пороковъ удерживайся.
 Будь общителемъ.
 Свое имущество оберегай.
 Отъ взиманія чужаго удерживайся.
 Будь привѣтливъ.
 Все выслушивай.
 Другу усердствуй чѣмъ можешь.
 Ничего въ излишество.
 Щади время.
 Предусматривай будущее.
 Надменности отвращайся.
 Просителей уважай.
 Ко всѣмъ примѣняйся ¹⁾.
 Сыновей воспитывай.
 Усердствуй другимъ чѣмъ можешь.
 Коварства бойся.
 Благословляй всѣхъ.
 Будь любителемъ мудрости.

¹⁾ Срав. 1 Кор. 9, 22: *всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу.*

Честно суди.
Совершай дѣло, узнавъ его.
Отъ убійства удерживайся.
Желай только возможнаго.
Сообществомъ мудрыхъ людей пользуйся.
Нравъ челоуѣка испытывай.
Взявъ что-либо, возврати.
Ни на кого не смотри съ подозрѣніемъ.
Искусствомъ пользуйся.
Что ты намѣренъ дать, то давай.
Благодѣянія чти.
Никому не завидуй.
Имѣй предосторожность.
Надежду одобрай.
Клеветы отвращайся.
Праведно пріобрѣтай.
Добрыхъ людей почитай.
Знай, что есть Судія.
Въ брачномъ сожитіи будь господиномъ.
Признавай бытіе счастья.
Избѣгай поручительства.
Со всѣми разговаривай.
Сближайся съ людьми, подобными тебѣ.
Въ издержкахъ на добрыя предпріятія будь первымъ.
Пріобрѣтеніями своими утѣшайся.
Стыдливость уважай.
Воздавай благодарность.
Благополучія желай.
Судьбою своею будь доволенъ.
Слушая, смотри на того, кого слушаешь.
Трудомъ пріобрѣтай состояніе.
Спора удаляйся.
Порицанія отвращайся.
Языкъ сдерживай.
Отъ оскорбленія защищайся.
Суди праведно.
Деньгами пользуйся, когда нужно.

Съ неподкупною честностію изслѣдуй дѣло.
 Обвиняй только присутствующаго.
 Говори только то, о чемъ знаешь.
 Не употребляй въ дѣло насилія.
 Живи безпечально.
 Веди бесѣду кротко.
 Безбоязненно довершай начатое.
 Будь благосклоненъ ко всѣмъ.
 Сыновей своихъ не проклинай.
 Языкомъ управляй.
 Дѣлай добро самому себѣ.
 Будь привѣтливъ въ разговорѣ съ другими.
 Отвѣчай во-время.
 Прилагай трудъ къ справедливому дѣлу.
 Дѣйствуй такъ, чтобы потомъ не раскаяваться.
 Допустивъ ошибку, раскаявайся въ ней.
 Глаза удерживай въ предѣлахъ благопристойности.
 Совѣтъ давай неспѣшно.
 Совершай дѣло немедленно ¹⁾.
 Дружбу сохраняй.
 Будь справедливымъ цѣнителемъ дѣлъ.
 Стремись къ единомыслію.
 Тайны не выдавай.
 Власти бойся.
 Лови то, что полезно.
 Выжидай благовременности.
 Вражду разрѣшай миромъ.
 Старости ожидай.
 Силою не хвались.
 Старайся говорить доброе.
 Непрїязненности избѣгай.
 Богатство прїобрѣтай праведно.
 Славы искать не переставай.
 Злобы отвращайся.
 Учись безъ усталости.

¹⁾ Изреченіе имѣетъ тотъ-же смыслъ, какъ и русская пословица: „куй желѣзо, пока горячо“.

Съ благоразуміемъ подвергайся опасностямъ.
Не переставай быть веселымъ.
Къ изреченіямъ божественнымъ относись съ удивленіемъ.
Люби тѣхъ, которыхъ питаешь.
Съ отсутствующимъ не сражайся.
Старшаго возрастомъ уважай.
Младшаго возрастомъ наставляй.
Богатству не довѣрай.
Имѣй уваженіе къ самому себѣ.
Не начинай оскорблять.
Предковъ вѣнчай почестями.
Будь готовъ умереть за отечество.
Съ жизнію не спорь.
Надъ умершимъ не смѣйся.
Несчастливому оказывай состраданіе.
Усердствуй другимъ безъ ущерба для себя.
Не о всемъ печалься.
Рождай дѣтей отъ благородной жены.
Никому не давай обѣщаній.
Умершихъ не оскорбляй.
Пользуйся благами, какъ смертный.
Счастію не довѣрай.
Будучи мальчикомъ, будь скромнень; будучи юношей, будь воздержнень; будучи среднихъ лѣтъ, будь справедливень; а будучи старцемъ, будь благоразумень.
Умирай безъ печали.
Толпѣ старайся нравиться.
Не говори для одного удовольствія.
Въ договорахъ будь твердъ.
Жертвы приноси по мѣрѣ возможности.
Съ собою самимъ не борись.
Жизнію не тяготись.
Не будь склоненъ къ обвиненію другихъ ¹⁾.
Совсѣмъ никому не давай обѣщаній.
Дѣлая затраты на то, что не необходимо, ты не будешь

¹⁾ Иначе: „не будь кляузникомъ“.

имѣть возможности дѣлать затраты и на то, что необходимо 1).

Затѣмъ вотъ изреченія тѣхъ-же семи мудрецовъ, касающіяся въ частности государственнаго устройства, записанныя Плутархомъ:

Солонъ сказалъ первый: мнѣ кажется то государство находится въ наилучшемъ состояніи и наилучшимъ образомъ сохраняетъ народное правленіе, въ которомъ не потерпѣвшіе обиды одинаково съ потерпѣвшимъ ее привлекаютъ къ суду и наказываютъ обидчика.

Вторымъ сказалъ Віасъ: въ наилучшемъ положеніи находится то народоправленіе, въ которомъ всѣ боятся закона, какъ-бы тиранна.

За нимъ сказалъ Фалесъ: то государство находится въ наилучшемъ положеніи, въ которомъ нѣтъ гражданъ ни слишкомъ богатыхъ, ни бѣдныхъ.

Клеовулъ сказалъ: тотъ народъ болѣе всего благоразуменъ, въ которомъ граждане болѣе боятся порицанія, нежели закона.

Питтакъ сказалъ, что тотъ народъ обладаетъ наилучшимъ государственнымъ устройствомъ, среди котораго злымъ не позволено властвовать, а добрымъ позволено.

Хилонъ объявилъ, что наилучшее государство то, которое болѣе всего слушается законовъ и менѣе всего—ораторовъ.

Наконецъ Періандръ, обсуждая сказанное всѣми другими мудрецами, высказалъ, что ему кажется всѣ восхваляютъ то демократическое правленіе, которое болѣе всего подобно аристократическому 2).

Въ заключеніе приводимъ изреченія тѣхъ-же мудрецовъ, касающіяся домоуправленія, опять по Плутарху:

Солонъ сказалъ, что ему кажется тотъ домъ наилучшимъ, въ которомъ деньги ни приобретаются путемъ несправедливости, ни къ оберегающимъ ихъ вызываютъ недовѣріе, ни въ издерживающихъ пробуждаютъ раскаяніе.

Віасъ сказалъ: тотъ домъ есть наилучшій, въ которомъ хо-

1) Stobei, Florileg. serm. III. Conf. Mullach. pag. 217—218; Anecdota gr. ed. Boissonade t. I, pag. 141—143.

2) Plutarchi, Conviv. VII Sapientum, cap. 11; conf. Stobei, Floril. Serm. XLI.

зьянъ по своей волѣ является таковымъ, какимъ бываетъ внѣ дома по требованію закона.

Θалесь:—тотъ (домъ наилучшій), въ которомъ хозяину представляется возможность имѣть много досуга.

Клеовуль:—тотъ, владѣлецъ котораго имѣетъ болѣе любящихъ, нежели боящихся его.

Питтакъ сказалъ, что наилучшій домъ тотъ, въ которомъ нѣтъ недостатка ни въ чемъ изъ необходимаго и излишняго.

Хилопъ сказалъ, что домъ болѣе всего долженъ быть подобенъ государству, управляемому царями; затѣмъ добавилъ, что и Ликургъ совѣтовавшему возстановить народное правленіе (демократію) въ государствѣ сказалъ: сперва устрой демократію въ домѣ своемъ¹⁾.

Ц. Ж.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Plutarchi, Conviv. VII Sap. cap. 12; conf. Stobei, Florilegium, Serm. LXXXIII.

ПИСЬМА

Ф И Л О С О Ф А С Е Н Е К И.

ПИСЬМО LX. *)

ЧТО ТАКОЕ СУЩЕСТВУЮЩЕЕ—τὸ ὄν ПЛАТОНА? ВСЕ ЗЕМНОЕ СКОРОПРЕХОДЯЩЕ, КАКЪ И НАША ЖИЗНЬ; ОДНАКО ВОЗДЕРЖАНИЕМЪ ОНА МОЖЕТЪ БЫТЬ ПРОДЛЕНА ДО ПОЗДНЕЙ СТАРОСТИ, ПОСЛѢ КОТОРОЙ СМЕРТЬ ЯВЛЯЕТСЯ ЕСТЕСТВЕННЫМЪ ИСХОДОМЪ.

Какъ велика бѣдность, даже недостаточность нашего языка, я открылъ не раньше, какъ только сегодня. Когда мы какъ-нибудь къ слову говорили о Платонѣ, намъ не разъ впадали на мысль тысячи вещей, которыя требовали обозначенія, однако не имѣли его; а иные, хотя и имѣли нѣкогда имена, потеряли ихъ, такъ какъ для нашего пзящнаго вкуса онѣ сдѣлались омерзительны. Но можно-ли выдерживать разборчивость при нуждѣ? *Насткомое*, которое греки называютъ *ὄστρος*, и которое неустанно гоняется за стадами и заставляетъ ихъ забираться на лѣсистыя возвышенности, наши поселяне называли *asilus*. Повѣримъ въ этомъ Виргилію:

Вкругъ зеленой дубравы Альбуриа и роши Сизарской **)
Съ рѣзкимъ жужжаньемъ рои смѣлней свирѣпыхъ кружатся;
Въ страхѣ стада, спасаясь отъ нихъ, въ лѣса убѣгаютъ;
Въ Римѣ зовутся *asili* они, у грековъ же *ὄστροι* ***).

*) Ер. 58.

**) Пограничная рѣка между Луканіей и Кампаніей, теперь Сизаро, вытекаетъ изъ Апенниновъ и впадаетъ при горѣ Альбуриѣ въ заливъ *Paestum*. При Сизарѣ въ 72 г. до Р. Х. преторъ Крассъ побѣдилъ Спартака. Вода рѣки Сизаро, по словамъ древнихъ, обладала свойствомъ дѣлать растенія твердыми, какъ камень.

***) Georg. III, 146 и слѣд.

Отсюда можно усмотрѣть, я думаю, что это слово исчезло изъ употребленія. Дабы не отвлекать тебя далеко въ сторону, вотъ тебѣ нѣкоторые простые глаголы, бывшіе въ употребленіи напр. *cernere ferro*. И *Виргилій* подтвердитъ это:

Латинъ самъ стоитъ въ удивленіи,
Видя, что мощные мужи, изъ странъ вселенной различныхъ,
Сходятся въ бою рукопашный и споръ рѣшаютъ желѣзомъ *);

вмѣсто чего теперь говорится *decernere*; употребительность перваго простаго глагола упала до полной ея утраты. Древніе также говорили *si jusso* вмѣсто *si iussero*. Не повѣришь мнѣ, такъ повѣрь достовѣрному *Виргилію*:

Воины всѣ, по зову, за мною идутъ въ наступленіе **).

Я не за тѣмъ веду теперь рѣчь съ такими подробностями, чтобы показать, сколько времени я потратилъ у моего учителя грамматики; но дабы ты усмотрѣлъ изъ этого, сколько у *Эвнія* и *Аттія* ***) заняли мѣста устарѣлыя слова, когда уже у *Виргилія*, перелистываемаго ежедневно, находятся слова, которыя понемногу уже вывелись изъ употребленія. Что значитъ это предувѣдомленіе? скажешь.— Не утаю отъ тебя: я очень желаю сдѣлать предметомъ бесѣды слово *essentia*, если это можетъ ласкать твой слухъ; если же нѣтъ, то я готовъ говорить хотя-бы съ опасеніемъ раздражить его. Я имѣю поручителемъ за это слово *Цицерона* ****), полагаю, мужа, умѣющаго употреблять въ должномъ мѣстѣ приличныя слова, и, если пожелаешь имѣть болѣе поздняго писателя, я укажу тебѣ въ примѣръ на *Фабіана*, изящнаго и выдающагося писателя, обладающаго чистою и блестящею рѣчью, даже на взглядъ нашей требовательной брезгливости. Какъ же быть, мой *Луцилій*, какъ передать греческое *οὐσία* (*дѣйствительное бытіе, сущность*), эту

*) *Aen.* XII, 709. Споръ рѣшаютъ желѣзомъ—*cernere ferro*.

**) *Aen.* XI, 467. По зову—лат. *qua jusso*.

***) *Эвній*, жившій 239—169 г. до Р. Хр., авторъ многочисленныхъ трагедій, въ которыхъ онъ придерживался греческихъ образцовъ и большаго, въ 18-ти книгахъ, историческаго сочиненія въ стихахъ—*Annales*.—*Аттій*, род. 584 г. ab. n. c., также писатель трагедій, въ которыхъ усматривали значительный полетъ римскаго гевія въ дѣлѣ развитія національной трагедіи.

****) Въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ *Цицерона* такого выраженія однако не находится.

необходимую вещь, связывающую въ одно цѣлое міръ явленій и лежащую въ основѣ всего? И такъ позволь мнѣ пользоваться этимъ словомъ; впрочемъ я не премину прилагать къ дѣлу право, тобою уступленное, съ возможною бережливостію; возможно, что я удовольствуюсь только заполученіемъ этого права. Но къ какому успѣху поведетъ твоя обходительность, когда я едва-ли смогу выразить это понятіе по-латинѣ, такъ какъ вѣдь я сдѣлалъ упрекъ нашему языку *въ его бѣдность*? Ты еще болѣе повинишь тѣсную ограниченность римскаго языка, когда узнаешь, что есть одинъ слогъ, вымѣнять который у грековъ на латинскій я не могу. Какой это? — τὸ ὄν. Быть можетъ, я покажусь тебѣ человѣкомъ съ заурядною, тяжело двигающеюся мыслительностію; становясь однако ближе къ дѣлу, я могу передать греческое τὸ ὄν выраженіемъ, что существуетъ (quod est). Все таки я замѣчаю, что здѣсь есть большое различіе; я принужденъ употребить глаголъ вмѣсто существительнаго; но поелику это неизбежно, употребляю и это имя.

Мой другъ, мужъ близко изучившій науки, говорилъ мнѣ сегодня, что Платонъ употребляетъ это слово въ шести различныхъ смыслахъ. Я могу тебѣ выяснитъ ихъ всѣ, предварительно отмѣтивши, что нѣчто есть родъ, а нѣчто есть видъ. Теперь же мы отыскиваемъ тотъ высшій родъ, на основѣ котораго держатся остальные виды, на почвѣ котораго возникаетъ всякое дѣленіе, въ которомъ укладываются всѣ вещи. Мы найдемъ его, если пойдемъ назадъ, собирая единичное; такъ мы доберемся и до *высшаго*, перваго начала. Человѣкъ есть видъ, какъ говоритъ Аристотель; конь есть видъ; собака есть видъ; слѣдовательно нужно найти нѣчто общее, что обнимало бы все это и подчиняло бы себѣ. Что же это такое? Понятіе живущаго, *существа*. И такъ для всѣхъ названныхъ предметовъ: человѣка, коня, собаки—теперь нашлось *общее понятіе* (родъ) живущаго, *существа*. Но есть нѣчто такое, что имѣетъ въ себѣ жизненную силу (animam) и однако не принадлежитъ къ живымъ, *двигающимся*, существамъ; ибо принято признавать, что и въ злаки и въ деревья вложена жизненная сила, почему мы и говоримъ, что они живутъ и умираютъ. Итакъ одушевленные существа займутъ высшее

мѣсто, ибо подъ это понятіе подходятъ и животныя и растенія. Нѣкоторыя вещи лишены жизни, какъ напримѣръ камни; такимъ образомъ окажется нѣчто болѣе древнее, чѣмъ самыя живыя существа—тѣло. Теперь я раздѣлю тѣла такимъ образомъ, что отнесу ихъ или къ одушевленнымъ, или къ неодушевленнымъ. И послѣ этого остается еще нѣчто высшее, чѣмъ тѣло, ибо мы говоримъ, что нѣкоторыя вещи имѣютъ тѣлесную, осязаемую форму, а другія лишены ея (*incorporea*). И такъ что же такое будетъ то, изъ чего могутъ быть выведены оба эти понятія? Это будетъ то, къ чему мы недавно приложили мало подходящее выраженіе *quod est* (что есть). Такимъ способомъ оно, существующее, будетъ раздроблено на виды, и мы можемъ говорить: что существуетъ, то или матеріально, или нематеріально. Это есть высшее и первѣйшее изъ всѣхъ родовыхъ понятій и, такъ сказать, наиболѣе общее (*generale*); остальные понятія, хотя также суть родовыя, но болѣе подчиненныя. Человѣкъ, напримѣръ, родовое понятіе, ибо заключаетъ въ себѣ понятіе племенъ—грековъ, римлянъ, парсовъ; и понятія цвѣтовыхъ особенностей между людьми, *расъ*: бѣлыхъ, черныхъ, желтыхъ: заключаетъ отдѣльныя личности: Катона, Цицерона, Лукреція. Вотъ почему, поскольку это понятіе содержитъ въ себѣ многое, оно вступаетъ въ рядъ родовыхъ; а поскольку оно подчинено другому, дѣлается видовымъ. Это родовое понятіе: „что существуетъ“ есть самое общее; ибо выше его не лежитъ ничего. Оно вводитъ насъ въ основное начало вещей; все остальное выводится лишь при признаніи его.

Стоики желаютъ надставить надъ нимъ другое, простирающееся еще дальше впередъ: о немъ я скажу тотчасъ-же, послѣ того какъ разъясню, что я справедливо поставилъ на первый планъ то родовое понятіе, о которомъ я говорилъ выше, такъ какъ оно обнимаетъ всѣ вещи. Что существуетъ, я дѣлю на два вида—на матеріальныя вещи и нематеріальныя. Третьяго между ними нѣтъ. Какъ дѣлю я понятіе тѣлъ? На одушевленные и неодушевленные. Какое дѣленіе опять я устанавливаю между тѣми и другими? Я говорю, что нѣкоторыя имѣютъ душу, а другіе только жизненное начало; или такъ:

нѣкоторыя имѣютъ внутренне движущую силу, двигаются впередъ, переходятъ съ одного мѣста на другое; а иныя, прикрѣпленные къ почвѣ, черезъ корни получаютъ пищу и ростъ. Живыя существа какъ затѣмъ я разграничиваю? На смертныхъ и бессмертныхъ. Нѣкоторыя стонки принимаютъ еще „нѣчто“, какъ высшее родовое понятіе, и я подложу основаніе, почему они признаютъ это. Въ природѣ, говорятъ они, одно существуетъ на лицо, а другое нѣтъ. И то, что не существуетъ на лицо, что является только въ душѣ, какъ представленіе, имѣетъ связь съ природою вещей, какъ напр. центавры, гиганты, и все иное, что явившись какъ плодъ дѣятельности извращеннаго воображенія, получило извѣстный видъ, но не имѣетъ подъ собой сущности, *основы дѣйствительнаго бытія* (substantia).

Теперь я возвращаюсь къ тому, что обѣщалъ тебѣ, именно, какимъ образомъ все, что существуетъ, Платонъ распредѣляетъ на шесть частей. Во-первыхъ, изъ того, что есть, есть нѣчто такое, что ни зрѣніемъ, ни осязаніемъ и никакимъ чувствомъ не воспринимается, это—мыслимое. Что существуетъ какъ родъ, напримѣръ человѣкъ, разсматриваемый какъ родовое понятіе, не можетъ быть воспринято чувствомъ зрѣнія, но выступаетъ предъ нашими глазами въ качествѣ вида, подъ образомъ Цицерона напр. или Катова. Животное вообще не усматривается нами, но только представляется въ воображеніи. Можно видѣть его какъ видъ, напр. коня или собаку. Изъ области существующаго Платонъ выдвигаетъ затѣмъ существо, которое превосходитъ все и стоитъ выше всего. Это, говоритъ онъ, бытіе по преимуществу. Такъ говорятъ напр. вообще о поэтѣ, ибо это имя достается всѣмъ, создающимъ стихи; но уже у грековъ оно было отложено для обозначенія одного: когда они говорятъ о поэтѣ, разумѣютъ Гомера. Что это за бытіе?—Богъ, Который, если мы обратимся къ нашему сознанию, представляется намъ высшимъ и могущественнѣйшимъ всего. Третій родъ бытія состоитъ изъ вещей, которыя существуютъ въ себѣ и для себя: онѣ неисчислимы, но лежатъ внѣ круга нашего зрѣнія. Что это такое? Это необходимое звено въ мышленіи Платона, свойственное ему одному—идеи, какъ онѣ ихъ называетъ; изъ нихъ возникаетъ все, что мы видимъ,

и получаетъ опредѣленный видъ въ сообразности съ ними. Онѣ петлѣны, непремѣняемы, не уменьшаемы. Выслушай теперь, что есть идея, т. е. какъ ее представляетъ Платонъ. „Идея есть вѣчный первообразъ всѣхъ вещей, которыя встрѣчаются въ природѣ“. Къ этому отвлеченному опредѣленію я приложу поясненіе, дабы представить дѣло нагляднѣе. Я хочу возсоздать твой образъ: тогда въ тебѣ я имѣю первообразъ для своей картины; изъ него мой духъ извлекаетъ нѣкоторый какъ-бы отпечатокъ внѣшняго вида, который и вкладываетъ онъ въ свое произведеніе. Этотъ-то образъ, который даетъ мнѣ матеріаль для работы и водить моею рукою,—отъ котораго направляется подражаніе,—и есть идея. Такихъ первообразовъ природа имѣетъ неисчислимое множество относительно людей, рыбъ, деревьевъ; и все, что природа имѣетъ произвести, она отчеканиваетъ въ сообразности съ ними. Четвертое мѣсто занимаетъ εἶδος (видъ). Для уразумѣнія, что есть εἶδος, потребна большая внимательность, и неудобопонятность здѣсь вѣннй въ вину Платону, а не мнѣ; но безъ пѣкоторой затруднительности въ пониманіи нѣтъ и тонкаго различенія *понятій*. Немного раньше я указывалъ на картину, которую создаетъ живописецъ. Желая напр. изобразить красками Виргилія, онъ припужденъ-бы былъ всматриваться въ него. Внѣшнй видъ, обликъ Виргилія есть идея живописца, первообразъ созидающей работы; то, что изъ него заимствуетъ и перелагаетъ въ свое произведеніе художникъ, есть εἶδος. Что-же отличаетъ одно отъ другаго? Одно, идея, есть первообразъ, другое — εἶδος — слѣпокъ, снятый съ образца и наложенный на работу. Одному художникъ подражаетъ, другое созидаетъ самъ. Статуя имѣетъ извѣстное очертаніе: это и есть εἶδος. Самъ первообразъ имѣетъ обликъ, взирая на который художникъ созидаетъ статую; это есть идея. Не желаешь-ли еще иного дальнѣйшаго разграниченія? Εἶδος заложенъ въ самомъ произведеніи; идея находится внѣ его, и не только внѣ, но и ранѣе. Пятый родъ заключаетъ вещи, которыя намъ представляются въ общности существующими; здѣсь начинается уже порядокъ, который задѣваетъ и насъ, ибо сюда относится все—люди, животныя, вещи. Шестой родъ содержитъ вещи, которыя только какъ-бы существуютъ, напр. пространство, время.

Всѣ вещи, что мы видимъ и осязаемъ, Платонъ не помещаетъ въ число тѣхъ, о которыхъ онъ думаетъ, что онѣ существуютъ дѣйствительно; ибо всѣ онѣ измѣнчивы какъ волны, и постоянно подвержены то увеличенію, то уменьшенію. Никто изъ насъ не бываетъ тѣмъ-же въ старости, чѣмъ былъ въ юности; никто сегодня утромъ не бываетъ тѣмъ, чѣмъ былъ вчера, наши тѣла понемногу уносятся, какъ волны силою теченія. Все, что ты видишь, проходитъ вмѣстѣ со временемъ; изъ того, что мы видимъ, ничто не остается въ прежнемъ видѣ. Самъ я, пока говорю, что все это измѣняется, уже измѣнился. Эту мысль высказываетъ и Гераклитъ *), когда говорить, что „не въ одну и ту же рѣку мы спускаемся тотъ и другой разъ“. Имя рѣки осталось неизмѣннымъ; но волны уже унеслись за предѣлы прежняго мѣста. На рѣкѣ это очевидно, чѣмъ въ человѣкѣ; но и насъ также увлекаетъ съ нашего мѣста не менѣе стремительное теченіе; и оттого я дивлюсь нашему ослѣпленію въ томъ, что мы такъ сильно привязываемся къ такой всего менѣе прочной собственности, какъ наше тѣло, и ощущаемъ страхъ при мысли, что не придется-ли когда умереть, хотя уже каждое мгновеніе является смертью для предъидущаго состоянія. Не въ твоей-ли волѣ состоятъ не тревожиться, что когда-либо произойдетъ то, что случается ежедневно? О человѣкѣ, объ этой рыхлой, тлѣнной и подверженной всяческимъ вліяніямъ массѣ вещества, я уже говорилъ; да и міръ самый, вѣковое что-то и не разрушающееся, не остается въ томъ-же самомъ положеніи, а измѣняется. Ибо хотя онъ и содержитъ въ себѣ все, что имѣлъ когда-либо прежде; но имѣетъ въ иномъ видѣ, чѣмъ прежде; расположеніе частей его измѣняется.

Что мнѣ принесетъ полезнаго это отыскиваніе высшихъ понятій? спросишь. На первый взглядъ, ничего. Но какъ рѣзчикъ, взоры котораго долгое время были прикованы къ работѣ, даетъ живительный отдыхъ своимъ усталымъ глазамъ, отвращая ихъ въ сторону и, какъ говорятъ обыкновенно, покоясь взглядомъ на какомъ-либо другомъ предметѣ; такъ и мы должны давать иногда *нравное* послабленіе нашей душѣ *въ ея*

*) Гераклитъ, пизъ Ефеса, философъ, процвѣталъ около 500 г. до Р. Хр.

напряженномъ состояніи и обновлять ее питательными и увеселяющими развлеченіями. Но сами эти освѣжающія увеселенія должны быть для насъ нѣкотораго рода работой; ибо, если ты будешь внимательно наблюдать,—и изъ нихъ ты можешь заимствовать нѣчто, что можетъ сдѣлаться для тебя вещью, способствующею нравственному благосостоянію. Вотъ что у меня въ обычаѣ, мой Луцилій: при всякомъ стеченіи обстоятельство, хотя-бы оно уносило далеко въ сторону отъ философіи, я усиливаюсь кое-что поднять съ ея дна и сдѣлать для себя полезнымъ. „Что же могу я извлечь изъ тѣхъ предметовъ, которые мы только-что разбирали, когда они не стоятъ близко къ улучшенію нравовъ? какимъ образомъ идеи Платона могутъ сдѣлать меня болѣе нравственнымъ? что могу я признать отъ нихъ такого, что въ состояніи было-бы усмирить мои страсти?“ Уже то самое, что вещи, которыя радуютъ наши чувства, которыя возжигаютъ и дразнятъ *наши похоти*, онъ не считаетъ въ числѣ того, что имѣетъ подлинное бытіе. Итакъ онѣ имѣютъ только образъ дѣйствительности, и носятъ наружный видъ бытія до времени: прочнаго и неразрушимаго въ нихъ нѣтъ ничего. А мы тѣмъ не менѣе страстно влечемся къ нимъ, какъ будто-бы это были вещи, которыя или всегда будутъ существовать, или которыя намъ предстоитъ сохранить навсегда. Мы останавливаемся въ промежуткѣ между тѣмъ, что незначительно само по себѣ, и недолговѣчно.

Устремимъ духъ нашъ къ тому, что вѣковѣчно; будемъ созерцать витающіе высоко вверху чудные первообразы всѣхъ вещей, и Бога, вмѣстѣ съ ними и въ нихъ сущаго, и промышленнаго, дабы то, что онъ не могъ сотворить безсмертнымъ, ибо съ этимъ свойствомъ не могла примириться тѣлесность, защититъ отъ смерти и препобудитъ недостатокъ въ матеріальной природѣ разумомъ. Ибо все пребываетъ цѣлымъ не въ силу того, что оно имѣетъ свойства не прекращающагося бытія, а потому, что отторгается отъ смерти попеченіемъ Правителя *міра*. Не носящее въ себѣ зародыша смерти въ попечителѣ не нуждается: а эти вещи—*міръ*—какъ свое твореніе, сохраняетъ божественный Художникъ, хрупкому и неустойчивому веществу давая побѣду своимъ могуществомъ. Не бу-

демъ заглядываться на всѣ эти окружающія насъ вещи, которыя по цѣнѣ до того невысоки, что можно впасть въ *мучительное* раздумье, не совсѣмъ-ли онѣ ниже всякой цѣны. Въ одно это будемъ .входить непрестающею мыслию: если тотъ *великій* міръ, не менѣе тлѣнный, чѣмъ мы, Провидѣніе отторгаетъ отъ разрушенія, то и наша собственная предусмотрительность до нѣкоторой степени также можетъ продлить минуты для этого слабаго тѣла, *нашего міра*, если мы будемъ управлять удовольствіями, отъ которыхъ гибнетъ значительная часть людей, и держать ихъ на запорѣ. Платонъ довелъ себя до глубокой старости разборчивостію въ нихъ. Правда, жребій надѣлилъ его тѣломъ крѣпкимъ и сильнымъ, и самое имя получилъ онъ отъ емкости своей груди *); но поелику морскія поѣздки и тяжелый опытъ жизни унесли не мало силъ, то только бережная осторожность, и умѣренность въ томъ, что выманиваетъ *скрывающуюся* отъ насъ похотливость, и внимательный надзоръ за самимъ собой, не смотря на многія помѣхи, вывели его къ преклонной старости. Не безъызвѣстно тебѣ, думаю, что только благодаря разборчивой осторожности Платона, пролилось на него такое благодѣяніе, что онъ отошелъ изъ этого міра въ день своего рожденія и завершилъ восемьдесятъ первый годъ безъ всякаго вычета. Оттого маги **), которые случайно были въ Аѣинахъ, принесли жертву за этого, покончившаго свои счеты съ земною жизнію, человѣка, въ томъ убѣжденіи, что ему давался жребій болѣе величественный, чѣмъ какой обыкновенно бываетъ у человѣка, поелику его жизнь измѣряется тѣмъ полнымъ числомъ, которое складается изъ девяти, помноженнаго на девять. При всемъ томъ, я не колеблюсь сказать, что онъ не былъ бы противъ того, чтобы потерять нѣсколько дней изъ общаго числа лѣтъ и отказаться отъ жертвоприношенія. Бережное, опасливое пользованіе дарами природы, очевидно, можетъ продлить старость, которая пусть не такова, чтобы наши пылкія желанія могли покониться на ней, но и не такова также, чтобы мы должны

*) Апулей: Платонъ получилъ имя отъ ширины своей груди, ибо онъ прежде назывался Аристокломъ (по греч. πλατὺς—широкій).

*) Персидскіе ученые и жрецы.

были чураться ея. Сладостно быть наединѣ съ самимъ собою, сколь возможно дольше, послѣ того какъ кто-либо выработалъ себя настолько, чтобы быть достойнымъ находиться съ глазу на-глазъ съ самимъ собою, и такимъ образомъ находить въ своемъ одиночествѣ удовольствіе. На такомъ основаніи мы будемъ имѣть сужденіе о томъ, согласно-ли съ нашимъ нравственнымъ чувствомъ гнущаться и чуждаться мысли дожить до крайнихъ предѣловъ старости, достойно-ли не выжидать конца, а ускорять его насильственно. Недалеко отстоитъ отъ боязливаго тотъ, который выглядываетъ на роковую судьбу малодушно, какъ разслабленный, *махнувъ на все рукою*: онъ похожъ на опьянѣвшаго, который, осушивъ сосудъ, выбираетъ еще и послѣднія густыя капли. Впрочемъ мы и того должны еще доискаться, есть-ли дѣйствительно этотъ послѣдній остатокъ жизни горькій и тяжелый отстой, или нѣчто очень свѣтло-прозрачное и чистое, разумѣется, въ томъ случаѣ, если силы души не нарушены въ присущихъ имъ правахъ, и внѣшнія чувства цѣлокупно помогаютъ духу, и тѣло не истощено и не умерло раньше времени. Вѣдь въ сущности дѣло вертится на томъ, удлиняетъ-ли кто жизнь, или замедляетъ смерть. А если тѣло становится непригоднымъ для службы духу, что намъ остается, какъ не быть готовыми къ тому, чтобы испустить духъ, утружденный *въ союзъ съ тѣломъ*? И, быть можетъ, тебѣ придется испытать это немного раньше, чѣмъ слѣдуетъ по соображенію полученныхъ отъ природы силъ; *такъ какъ* возможно, что ты не будешь въ состояніи спокойно умереть, когда истощеніе природныхъ силъ приведетъ тебя къ смерти; и поелку въ жизни, которая тратится на зло, заключается для насъ больше опасности, чѣмъ въ быстрой смерти, то неразуменъ тотъ, который не *былъ-бы готовъ* цѣною немногихъ дней избавиться отъ большой опасности. Старость бываетъ иногда и продолжительна, но она немногихъ приводитъ къ смерти въ полнотѣ ненарушенныхъ правъ. У многихъ бездѣятельная жизнь лежитъ безъ употребленія, назначеннаго ей.

Но не сочтешь-ли ты послѣ этого очень жестокимъ дѣломъ, если что-нибудь будетъ потеряно изъ этой жизни, въ то время какъ она должна имѣть свой *естественный* конецъ? Не го-

товья къ противорѣчію, какъ если-бы эта мысль задѣвала тебя самого; но взвѣсь, что скажу тебѣ. Я не буду пренебрегать старостью, если она оставитъ мнѣ силы въ сохранности, какъ прежде,—оставитъ меня цѣлымъ и невредимымъ именно въ лучшей моей части. Но если она вмѣстѣ съ своимъ наступленіемъ внесетъ разстройство въ мою душу, если одну за другою погасятъ ея силы, если она оставитъ мнѣ не жизнь, а только дыханіе: то я готовъ хотъ сейчасъ выскочить изъ затхлаго и обваливающегося зданія. Я не буду бѣжать болѣзни,—по крайней мѣрѣ исцѣлимой и не задерживающей дѣятельности духа,—настолько, чтобы желать смерти; изъ-за страданій я не наложу на себя руки: умереть такъ значитъ быть побѣжденнымъ. Но если я увижу, что мнѣ остается непрерывно страдать, тогда я готовъ буду покінуть жизнь не ради страданій, а въ сознаніи, что мнѣ остается быть тяжестью для себя самого во всемъ томъ, изъ-за чего люди живутъ. Слабъ и распущенъ тотъ, кто изъ-за страданій умираетъ; неразуменъ тотъ, который желаетъ жить послѣ того, какъ ожидаютъ его одни страдающія. Но я уже занесся слишкомъ далеко; притомъ же это такой предметъ, который можетъ протянуть нашу бесѣду на цѣлый день. И какъ будетъ готовъ разстаться съ жизнью тотъ, кто не въ состояніи оторваться отъ писъма? Однако будь здоровъ: такое словечко тебѣ болѣе любо будетъ выслушать, чѣмъ удручающія разсужденія о смерти.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Апрѣля № 7. 1885 года.

Содержаніе: Посланіе Св. Правительствующаго Синода къ чадамъ Православной Россійской Церкви (во дню празднованія тысячелѣтія со дня блаженной кончины св. Меодія, архієпископа Моравскаго, просвѣтителя славянъ). — Опредѣленія Святѣйшаго Синода. — Епархіальныя извѣщенія. — Извѣстія и замѣтки. — Объявленія.

Посланіе Св. Правительствующаго Синода къ чадамъ Православной Россійской Церкви.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

Святѣйшій Правительствующій Синодъ

Возлюбленнымъ о Господѣ чадамъ Святыхъ Соборныхъ и Апостольскихъ Церкви Россійскія

*Благодать Господа нашего Иисуса Христа
и любви Бога и Отца и общеніе Святаго Духа
со всеми вами (2 Коринѣ. 13, 13).*

6 апрѣля 885 года, „свѣтающу дню вторника страстныхъ седмицъ“, въ Моравскомъ Велеградѣ почилъ о Господѣ приснопамятный учитель словенскихъ народовъ, святой и равноапостольный Меодій, архієпископъ Моравіи и Панноніи, и нынѣ черезъ тысящу лѣтъ, Всероссійская Церковь, слѣдуя наставленію святаго Апостола: *поминайте наставники ваши, иже глаголаша вамъ слово Божіе (13, 7)*, свѣтло чествуетъ память сего великаго святителя и прославляетъ приснаго ему по духу брата его, преподобнаго отца нашего Кирилла. Подвигнутые духомъ Божіимъ, съ благословенія общей нашей матери Великой Константинопольской Церкви, святые братія положили начало православія въ родственныхъ намъ словенскихъ странахъ Болгаріи, Моравіи и Панноніи проповѣдію слова Божія на языкѣ словенскомъ и преложеніемъ глаголовъ живота вѣчнаго (Іоан. 6, 68) съ греческаго языка на родное намъ нарѣчіе.

Въ священныхъ пѣснопѣніяхъ Православная Церковь, именуя сихъ святыхъ братій „Церкви словенскія апостолами, словенскихъ странъ просвѣтителями и учителями“, ублажаетъ ихъ за подвиги апостольства. Они озарили свѣтомъ Евангелія словенскіе языки, коспѣвшіе во тмѣ и сѣни смертяѣй; они подъяли апостольскіе труды, проповѣдуя слово Божіе и въ южныхъ предѣлахъ нашего отечества; они много за православіе претерпѣли, ревнуя объ утвержденіи правой вѣры въ новопросвѣщенной ими паствѣ словенской. Даннымъ отъ Бога художествомъ изобрѣтши словенскія письма, они явили намъ источникъ Богопознанія, изъ него же даже до днесь неоскудно почерпаемъ воду живу—Слово Божіе. Глаголы Христовы *духъ суть и животъ суть* (Іоан. 6, 63) и благочестіе *по духу вѣры Христовой имѣеть обѣтованіе живота нынѣшняго и грядущаго* (1 Тимоѳ. 4, 8). Потому подвиги, подъятыя святыми братьями Меѳодіемъ и Кирилломъ во благо всѣхъ словенскихъ народовъ, по истинѣ достойны приснаго прославленія. Благодатію Божіею чрезъ нихъ намъ ниспослано благовѣстіе Христово, чрезъ нихъ мы познали церковную красоту и приведены отъ тьмы къ свѣту и отъ смерти къ животу вѣчному. Языкъ словенскій содѣланъ сокровищницею духа и жизни, святымъ кивотомъ Божественныхъ тайнъ. И такъ отъ Церкви святой насаждено въ землѣ нашей книжное ученіе, въ познаніе истины, во спасеніе душамъ, на пользу привременной жизни.

Благодарно исповѣдуя дивное промышленіе отъ насъ неизсчитанаго въ милостяхъ своихъ Господа, воздвигшаго въ словенскихъ странахъ сіи два великіе свѣтильника, молимъ васъ, возлюбленныя о Господѣ чада святыя, соборныя и апостольскія Церкви Россійскія, *поминайте наставниковъ вашихъ святыхъ и равноапостольныхъ братій Меѳодія и Кирилла, иже глаголаша вамъ Слово Божіе на родномъ намъ языкѣ; поминайте трудившихся для васъ во благовѣстіи Христовомъ, подражайте вѣрѣ ихъ, призывайте ихъ въ молитвахъ вашихъ къ Господу Богу, да предстательствомъ ихъ обильно вселяется въ сердца ваши проповѣданное ими вамъ Слово Божіе, да благоустроится жизнь ваша по духу вѣры и ученію святой православной Церкви, да будемъ вси единомышленны и единомудренны въ вѣрѣ и любви и Богъ любовь и мира да будетъ со всеми нами* (2 Коринѳ. 11, 13). Аминь.

Подлинное подписали: *Исидоръ* митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій, *Платонъ* митрополитъ Кіевскій и Галицкій, *Іонникій* митрополитъ Московскій и Коломенскій, *Леонтій* архіепископъ Холмскій и Варшавскій, *Савва* архіепископъ Тверской и Камнискій, *Палладій* епископъ Тамбовскій и Шацкій.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

1. Отъ 18-го Іюля—8-го августа 1884 года за № 1514, по поводу ходатайства Московскаго губернскаго земскаго собранія объ измѣненіяхъ въ устройствѣ городскихъ и сельскихъ приходовъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 16-го іюня 1883 г. за № 2588, по представленному въ министерство внутреннихъ дѣлъ Московскимъ губернаторомъ ходатайству тамошняго губернскаго земскаго собранія о признаніи городскихъ и сельскихъ приходскихъ обществъ за юридическія лица съ предоставленіемъ права избирать достойныхъ людей на должности священниковъ, пріобрѣтать въ собственность церквей имущества и завѣдывать оными.

Въ препровожденномъ при семъ представленіи Московскаго губернатора за № 244, на имя министра внутреннихъ дѣлъ изъяснено: Въ декабрьскую сессію 1880 года, засѣданіе 18-го декабря, Московскимъ губерньскимъ земскимъ собраніемъ заслушано было заявленіе относительно организаціи церковныхъ приходовъ, одного изъ гласныхъ, которымъ высказаны были при этомъ слѣдующія соображенія: законъ къ числу обязанностей земства относитъ попеченіе объ обезпеченіи народнаго продовольствія. Въ этомъ дѣлѣ земству предоставлено выдавать нуждающемуся населенію займобразныя ссуды денежныя или изъ хлѣбныхъ запасовъ съ обязанностію со стороны заемщиковъ въ извѣстныя сроки возвратить полученную ссуду, между тѣмъ представляются въ настоящее время и несомнѣнно будутъ всегда представляться случаи, въ которыхъ является неотложная необходимость помочь бѣднѣйшей части населенія, отдѣльнымъ лицамъ или даже обществамъ, по своему экономическому положенію лишеннымъ всякой возможности возмѣстить въ ближайшемъ будущемъ сдѣланныя въ ихъ пользу пожертвованія. Каковы-бы ни были экономическія реформы, всегда будутъ случаи, въ которыхъ помочь можетъ только благотворительность. Но дѣло благотворенія можетъ идти успѣшно только при правильной и постоянной организаціи его. Задача земства по существу своему болѣе экономическая и хозяйственная, чѣмъ благотворительная; изъ другихъ-же общественныхъ единицъ организація благотворительной дѣятельности всего естественнѣе можетъ быть пріурочена къ той единицѣ, которая называется приходомъ, въ смыслѣ церковнаго общества, но для этого необходимо, чтобы и закономъ

было признано за приходомъ не только значеніе территоріальнаго округа, но и значеніе церковнаго союза съ извѣстными юридическими правами. Приходу въ настоящее время присвоено право избранія церковнаго старосты, но онъ не пользуется другимъ, болѣе существеннымъ правомъ, правомъ предлагать на должность священника, настоятеля своего храма, лицъ достойныхъ и честныхъ, — тѣмъ правомъ, которое было ему изстари присвоено до самаго начала нынѣшняго столѣтія. Далѣе, приходъ по существующимъ законоположеніямъ не имѣетъ правъ имущественныхъ, не можетъ приобрѣтать и укрѣплять за собою какого-либо имущества. Между тѣмъ благотворительная дѣятельность, въ организациі которой представляется настоятельная необходимость, можетъ проявляться въ приходскомъ обществѣ только тогда, когда законъ признаетъ приходъ юридическимъ лицомъ съ извѣстными правами общественными и имущественными. Отсюда вытекаетъ слѣдующее предложеніе: имѣя въ виду, 1) что для дѣлъ призрѣнія и благотворенія, возложенныхъ положеніемъ 1-го января 1864 года на земство, необходимы, кромѣ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій, еще органы мѣстные, близко стоящіе къ народонаселенію и могущіе отличить въ массѣ просящихъ помощи дѣйствительно нуждающихся въ оной и наблюсти за правильнымъ употребленіемъ суммъ, отпускаемыхъ на этотъ предметъ; 2) что церковь всегда признавала дѣла призрѣнія и благотворенія входящими въ ея область, а потому они могутъ быть приурочены къ приходамъ въ смыслѣ церковныхъ обществъ; 3) что приходъ, какъ единица мѣстная и обнимающая лицъ всѣхъ сословій, представляется наиболѣе цѣлесообразною для возложенія на нее дѣлъ призрѣнія и благотворенія; 4) что для того, чтобы дѣятельность благотворительная могла проявиться и укорениться въ приходскихъ обществахъ, надобно, чтобы они были поставлены въ такія условія, при которыхъ жизнь могла-бы снова проявиться въ нихъ,—ходатайствовать о томъ: 1) чтобы приходы, въ смыслѣ церковныхъ обществъ, были признаны за юридическія лица; 2) чтобы было возстановлено древнее право приходовъ избирать людей честныхъ и достойныхъ на должность священниковъ-настоятелей къ ихъ церквамъ и представлять о томъ заручныя прошенія мѣстному епископу; 3) чтобы за приходомъ признано было право всякими закономъ дозволенными средствами приобрѣтать и укрѣплять за собою имущества какъ движимыя, такъ и недвижимыя; 4) чтобы имущество каждой приходской церкви было признано за неотъемлемую ея собственность и чтобы оно находилось въ за-

вѣдываніи мѣстнаго приходскаго общества; 5) чтобы въ этомъ смыслѣ дарована была организація приходскимъ обществамъ какъ городскимъ, такъ и сельскимъ. Губернское собраніе, принявъ предложеніе, постановило къ послѣднему пункту добавить: „причемъ само собою разумѣется, что къ этимъ обществамъ не должны быть принудительно привлекаемы раскольники, живущіе въ приходѣ, хотя-бы они оффиціально въ немъ и числились“. Означенное постановленіе губернскаго земскаго собранія было опротестовано Московскимъ губернаторомъ на основаніяхъ, приведенныхъ въ представленіи его къ министру внутреннихъ дѣлъ, отъ 23-го февраля 1881 г. за № 89, и затѣмъ дѣло это, согласно ст. 1912 т. II. ч. I св. зак. изд. 1876 г., было представлено въ Правительствующій Сенатъ, который указомъ отъ 14-го февраля 1883 г. за № 2867, предписалъ губернатору ходатайство губернскаго земскаго собранія по сказанному предмету представить высшему правительству установленнымъ порядкомъ. Вслѣдствіе сего и поступившаго отношенія губернской земской управы, дѣйствительный статскій совѣтникъ Перфильевъ и представилъ означенное ходатайство Московскаго губернскаго земскаго собранія на благоусмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ. Приказали: Московское губернское земское собраніе, какъ усматривается изъ предложенныхъ бумагъ, полагаетъ, что для дѣлъ призрѣнія и благотворенія, возлагаемыхъ на земство положеніемъ 1-го января 1864 года, необходимы, кромѣ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій, еще органы мѣстные, близко стоящіе къ народонаселенію и могущіе отличить, въ массѣ просящихъ помощи, дѣйствительно нуждающихся въ оной, и наблюдать за правильнымъ употребленіемъ отпущенныхъ на этотъ предметъ суммъ, что дѣла призрѣнія и благотворенія, которыя Церковь всегда признавала входящими въ ея область, могутъ быть приурочены къ приходамъ въ смыслѣ церковныхъ обществъ, которыя, какъ мѣстныя и обнимающія лицъ всѣхъ сословіи единицы, представляются наиболѣе цѣлесообразными для дѣлъ этого рода органами, и что благотворительная дѣятельность можетъ проявиться и укорениться въ приходскихъ обществахъ въ томъ случаѣ, если общества эти будутъ поставлены въ такія условія, при которыхъ жизнь могла-бы въ нихъ снова проявиться. По симъ соображеніямъ Московское губернское земское собраніе ходатайствуетъ о томъ: 1) чтобы приходы, въ смыслѣ церковныхъ обществъ, были признаны за юридическія лица; 2) чтобы за приходомъ признано было право всякими закономъ дозволенными средствами приобрѣтать и укрѣплять за собою иму-

щества какъ движимыя, такъ и недвижимыя, 3) чтобы имущество каждой приходской церкви было признано неотъемлемою ея собственностію и находилось въ завѣдываніи мѣстнаго приходскаго общества и 4) чтобы восстановлено было древнее право приходоу избирать людей честныхъ и достойныхъ на должность священниковъ-настоятелей къ ихъ церквамъ и представлять о томъ заручныя прошенія мѣстному епископу. Обсудивъ соображенія Московскаго земскаго собранія, послужившія основаніемъ къ возбужденію настоящаго ходатайства, Святѣйшій Синодъ находитъ: 1) По внутренней связи, существующей между всѣми сторонами народной жизни, дѣла всѣхъ особыхъ вѣдомствъ, извѣстныхъ въ порядкѣ государственнаго управленія подъ именемъ министерствъ и главныхъ управленій, необходимо соприкасаются одни съ другими; дѣла же благотворенія и призрѣнія имѣютъ и то особенное свойство, что примѣненіе ихъ въ томъ или другомъ видѣ не чуждо ни одному вѣдомству. Но едва-ли было-бы согласно съ правильнымъ строемъ управленія, если-бы, въ силу такой связи дѣла, каждое вѣдомство могло выступать съ предположеніями объ измѣненіяхъ въ ходѣ дѣла другого вѣдомства. Тѣмъ менше уместно вторженіе стороннихъ вѣдомствъ въ сферу церковнаго управленія, которое, имѣя свое основаніе въ законѣ Божіемъ и въ постановленіяхъ св. апостоловъ и соборовъ, сложилось у насъ въ теченіе тысячелѣтняго существованія христіанства въ Россіи, и въ которомъ, если и были допускаемы какія-либо измѣненія, то не иначе, какъ на основаніи вѣковыхъ опытовъ и съ особенно необходимою въ дѣлахъ вѣры осторожностію. 2) По мысли Московскаго губернскаго земскаго собранія, каждый приходъ долженъ вѣдать и производить дѣла благотворенія и призрѣнія на средства не земства, но на свои собственные. Но, въ такомъ случаѣ, приходское общество, не представляя мѣстнаго органа земства, само имѣетъ надобность въ какомъ-либо мѣстномъ органѣ. Такимъ органамъ уже положено основаніе закономъ 2-го августа 1864 года о приходскихъ попечительствахъ, которыя состояются изъ предсѣдателя и членовъ по избранію общаго собранія прихожанъ, кромѣ только мѣстныхъ священника и церковнаго старосты, состоящихъ непремѣнными членами попечительства по своему званію, и которыя обязаны заботиться, между прочимъ, объ изысканіи средствъ для заведенія въ приходѣ школы, больницы, богадѣльни, устраивать ихъ и завѣдывать ими, и имѣть вообще попеченіе объ оказаніи приходскимъ бѣднымъ, въ необходимыхъ случаяхъ, возможныхъ пособій, извлекая

для сего матеріальныхъ средства изъ добровольныхъ пожертвованій отъ прихожанъ и постороннихъ лицъ, а при недостаткѣ пожертвованій, изъ опредѣленнаго сбора съ прихожанъ, назначаемаго приговоромъ общаго собранія послѣднихъ, которому попечительства, по истеченіи года, и отдають отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и въ употребленіи суммъ. 3) Нельзя, безъ явной несправедливости въ отношеніи къ нашему народу, утверждать, что у насъ приходская жизнь находится въ упадкѣ. Она нагляднымъ образомъ проявляется въ томъ, что самые бѣднѣйшіе приходы не щадятъ никакихъ жертвъ на содержаніе своей церкви въ должномъ благолѣпіи и что жители отдаленныхъ отъ приходской церкви деревень, имѣющіе иноприходныя церкви въ близкомъ отъ нихъ разстояніи и при удобномъ сообщеніи, рѣдко изъявляютъ, какъ показываетъ практика дѣлъ духовнаго управленія, добровольное согласіе на отдѣленіе отъ своего храма и отъ своихъ соприхожанъ, даже при явной выгодѣ для нихъ перечисленія ихъ въ другому приходу. Если-же подъ упадкомъ приходской жизни разумѣть неимѣніе въ нашихъ сельскихъ приходахъ школъ, больницъ и богадѣленъ, то явленіе это имѣетъ особыя причины, заключающіяся: а) въ территориальномъ положеніи приходовъ. Не вездѣ, также какъ въ центральной и восточной полосахъ Россіи, церкви устроены внутри многолюдныхъ селъ: въ сѣверо-западной окраинѣ, со включеніемъ Смоленской и Псковской губерній, и во всей сѣверной полосѣ, со включеніемъ Ярославской и частию Новгородской губерній, большинство церквей находятся на погостахъ, не представляющихъ для богомольцевъ иного крова, кромѣ домовъ священника и причетника, а приходское населеніе раскинуто въ мелкихъ поселкахъ, иногда окруженныхъ лѣсами и имѣющихъ съ церковію, за отсутствіемъ проложенной дороги, только пѣшее или конно-верховое сообщеніе. Есть деревни, съ которыми, по причинѣ окружающихъ ихъ болотъ, конное сообщеніе бываетъ возможно только по установленіи зимняго пути, а во все остальное время года какъ мѣстные жители, такъ и священники сообщаются при помощи шестовъ, дѣлая скачки съ одной болотной кочки на другую. Въ такихъ приходахъ устройство при церквахъ общественныхъ богоугодныхъ и благотворительныхъ заведеній крайне затруднительно. б) Въ бѣдности и малолюдствѣ большей части нашихъ приходовъ: въ многолюдныхъ и богатыхъ приходахъ и нынѣ учреждаются свойственныя русскому народу заведенія, напр. приходскія школы. в) Въ томъ, что устройство общественныхъ благотворительныхъ заведеній не вездѣ вызывается

экономическимъ бытомъ народа. За симъ, не усматривая достаточныхъ основаній къ предполагаемымъ Московскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ измѣненіямъ въ устройствѣ городскихъ и сельскихъ приходоѡ, Святѣйшій Синодъ признаетъ необходимымъ по изложеннымъ выше четыремъ пунктамъ постановленія сего собранія сдѣлать слѣдующія замѣчанія: *По 1 и 2 пунктамъ:* Въ порядкѣ духовнаго управленія каждый приходъ и нынѣ составляетъ особую, церковно-общественную единицу. Затѣмъ, признаніе за приходами и въ гражданскомъ отношеніи правъ юридическаго лица принесло-бы только право прихода укрѣплять за собою недвижимыя имущества и ограждать ихъ въ судѣ. Въ настоящее время, отъ кого-бы и съ какимъ-бы назначеніемъ ни поступили въ церковное вѣдомство недвижимыя имущества, они укрѣпляются за церковію. Этому-же порядку подлежатъ имущества, приобретаемыя приходскими попечительствами для дѣлъ благотворенія и призрѣнія. Но такъ какъ, съ одной стороны, въ духовномъ вѣдомствѣ постоянно было наблюдаемо правило, чтобы доходы какъ съ движимыхъ, такъ и недвижимыхъ церковныхъ имуществъ, которымъ жертвователями ихъ дано особое назначеніе, употребляемы были согласно этому назначенію, а съ другой, укрѣпленіе имуществъ не за церковію, представляющею собою неизмѣнную единицу, а за приходами, нерѣдко измѣняющимися въ составѣ, по случаю образованія новыхъ приходоѡ или перечисленія деревень изъ одного прихода въ другой, повело-бы къ труднымъ для рѣшенія спорамъ о раздѣлѣ и переукрѣпленіи приходскаго имущества, то существующій порядокъ не представляетъ никакихъ затрудненій, которыя вызывали-бы его измѣненіе. *По 3 пункту:* Имущество каждой приходской церкви и нынѣ признается неотъемлемою ея собственностію, а относительно завѣдыванія онымъ и его употребленія, по особому Высочайшему повелѣнію, составленъ, по принадлежности, въ духовномъ вѣдомствѣ и находится на разсмотрѣніи Святѣйшаго Синода проектъ правилъ, которыми, между прочимъ, предполагено отвести извѣстную долю участія въ завѣдываніи доходами и расходами церкви и представителямъ отъ прихожанъ. По сему, предположеніе Московскаго земства, изложенное въ 3 пунктѣ, въ настоящее время не требуетъ обсужденія. *По 4 пункту:* Основаніе для выбора лицъ духовнаго сана положено въ Священномъ Писаніи: „руки скоро не возлагай ни на кого-же, ниже приобщайся чужимъ грѣхомъ“, заповѣдалъ апостоль Павелъ Тимоѡею (1-е посл. гл. V ст. 26). Ясно, что по этой заповѣди избраніе, какъ соеди-

ненное съ нравственною отвѣтственностію епископа, зависитъ отъ личнаго его усмотрѣнія. Затѣмъ, седьмой вселенскій соборъ (прав. 3) признаетъ избраніе въ священнѣйшій санъ, дѣлаемое мірскими начальниками, недѣйствительнымъ, а Лаодикійскій соборъ (прав. 12) воспрещаетъ имѣющимъ произвестися во священство избирать соборіи народа. У насъ, со времени введенія христіанства, по примѣру восточной Церкви, въ которой въ то время къ воспріятію священства готовились при епископскихъ кафедрахъ, церковная и государственная власть постоянно стремилась къ основанію съ этою цѣлью училищъ. Сюда относятся: сказаніе лѣтописей объ основаніи великимъ княземъ Ярославомъ (1019—1054 гг.) училища для дѣтей пресвитеровъ и старѣйшихъ въ Новгородѣ, постановленія объ учрежденіи въ духовномъ вѣдомствѣ школъ Московскихъ соборовъ 1551 г. (ст. 26) и 1667 г. (полн. собр. зак. т. I, № 412, ст. 29), предположенія Петра Великаго въ духовномъ регламентѣ объ основаніи при всѣхъ архіерейскихъ кафедрахъ духовныхъ школъ и семинарій, а также академіи, съ тѣмъ, чтобы *сдиныхъ* въ школѣ архіерейской наставленныхъ, когда уже, за помощію Божіею, довольно число ихъ покажется, производить на священство (полн. собр. 1721 г. янв. 25 № 3718, дѣл. спис. ст. 10), и, наконецъ, послѣ многократныхъ мѣръ, въ прошломъ столѣтіи къ осуществленію мысли Петра I принятыхъ, положившее прочное основаніе нынѣшнимъ духовно-учебнымъ заведеніямъ начертаніе правилъ объ образованіи духовныхъ училищъ и о содержаніи духовенства 26 іюня 1808 г. (полн. собр. зак. № 23122), которыми было предположено, между прочимъ, во всѣмъ приходамъ опредѣлять священниковъ не иначе, какъ по классамъ ихъ ученія (ст. 139). Между тѣмъ духовныя школы, по недостатку матеріальныхъ средствъ, а еще болѣе учебныхъ силъ, до того медленно развивались, что даже въ 1764 г. было только 26 заведеній, съ 6,000 учащихся на стотысячный составъ церковнаго клира. Необходимо было, для комплектованія послѣдняго, обращаться къ рукоположенію во священство грамотныхъ людей, вовсе неизвѣстныхъ епископамъ, что само собою указывало на необходимость въ принятіи мѣръ удостовѣренія въ благопадежности лицъ, испущихъ священства. Съ этою цѣлію еще Владимірскій соборъ, созванный въ 1274 году всероссійскимъ митрополитомъ Кирилломъ, установилъ требовать отъ ставленниковъ, чтобы ихъ сосѣди и знакомые засвидѣтельствовали ихъ честность, трезвость и добрыя склонности. Такія свидѣтельства или одобренія, съ те-

ченіемъ времени, превратились въ приходскіе выборы, но породили и злоупотребленія, состоявшія, во-первыхъ, въ пріобрѣтеніи избирателей подкупомъ, на что указывалъ собору 1551 года царь Иванъ Васильевичъ, утверждая, что уличане брали съ избираемыхъ ими въ причтъ большія деньги, и на что обратилъ также вниманіе Московскій соборъ 1667 г., выразивъ, что церкви Божіи корчемствовали, разумѣя подъ симъ избраніе къ церквамъ тѣхъ, кто давалъ избирателямъ больше выгодъ; во-вторыхъ, въ посягательствѣ на существенную принадлежность святительской власти поставлять того, кого самъ епископъ признаетъ достойнымъ, на что указывалъ царь Иванъ Васильевичъ, при томъ же случаѣ, изъясняя, что поставленнаго по собственному усмотрѣнію владыки, хотя бы былъ грамотѣ гораздъ и чувственъ, уличане не принимали, и въ третьихъ во вторженіи въ причтъ людей несвѣдущихъ, которые, по выраженію собора 1667 г., ниже скоты пасти умѣютъ, колыми паче людей (ст. 29). Для прекращенія подобныхъ злоупотребленій установлены были соборомъ 1551 г. и потомъ духовнымъ регламентомъ для избранія прихожанами кандидатовъ священства правила, которыя, затѣмъ, многократно подтверждались и дополнялись въ послѣдующихъ узаконеніяхъ, но, при этомъ, постоянно выражаема была мысль, что отъ усмотрѣнія епископа зависитъ рукоположить представляемаго приходомъ, или иное лицо, и что такой порядокъ опредѣленія въ церковный клиръ составлялъ временную мѣру, впредь до приготовленія достаточнаго для укомплектованія причтовъ числа лицъ, получившихъ богословское образованіе. Нынѣ, по случаю подготовленія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ достаточнаго числа лицъ, вполне извѣстныхъ епископу и малоизвѣстныхъ или вовсе неизвѣстныхъ приходамъ, означенный порядокъ ослабѣлъ въ примѣненіи, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и вовсе вышелъ изъ употребленія, самъ собою, въ силу тѣхъ самыхъ распоряженій, которыми онъ былъ установленъ, хотя право прихожанъ, въ смыслѣ заявленія ими епископу своего желанія имѣть преимущественно извѣстное лицо, или въ смыслѣ свидѣтельства о добрыхъ качествахъ ищущаго рукоположенія лица, не было отмѣняемо и, какъ показываютъ восходящія въ Святѣйшій Синодъ дѣла, нерѣдко примѣняется и въ настоящее время. Такимъ образомъ, возстановленіе нынѣ права приходскихъ выборовъ было бы, въ сущности, поворотомъ къ прежнимъ временамъ невѣжества, изъ котораго наше отечество вышло рядомъ многовѣковыхъ усилій, и могло-бы повести къ прежнимъ злоупотребленіямъ, такъ

какъ восходящія на разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода дѣла показываютъ, что къ этой мѣрѣ обращаются по преимуществу люди, удаленные изъ духовныхъ училищъ за лѣность, неспособность, а иногда и за неодобрительное поведеніе, а между тѣмъ прихожане, однажды ими склоненные тѣмъ или другимъ способомъ на свою сторону, домогаются опредѣленія ихъ съ противными канонамъ настойчивостію и раздраженіемъ противъ своего епископа. Въ виду вышеизложенныхъ данныхъ и соображеній, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: ходатайство Московскаго губернскаго земскаго собранія о предполагаемыхъ имъ измѣненіяхъ въ устройствѣ городскихъ и сельскихъ приходоѡвъ признать неподлежащимъ удовлетворенію.

II. Отъ 31-го января—11-го февраля 1885 года, за № 28, о воспрещеніи нехристіанамъ изготовлять предметы чествованія христіанъ и торговать таковыми.

По указу Ея Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 24-го января 1885 г. за № 382, слѣдующаго содержанія: Согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 23-го ноября—21-го декабря 1883 г., имъ г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, внесено было въ Государственный Совѣтъ представленіе о дополненіи закона 20-го апрѣля 1882 г. правиломъ касательно воспрещенія нехристіанамъ производства вещей, составляющихъ предметъ чествованія христіанъ. Нынѣ государственный секретарь препроводилъ выписку изъ журналовъ соединенныхъ департаментовъ законовъ и государственной экономіи 17-го ноября и общаго собранія 27-го декабря 1884 г., изъ коей видно, что Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ означенное представленіе, мнѣніемъ положилъ: I. Дополненіе къ статьѣ 107 устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (св. зак. т. XIV, кн. III, по прод. 1883 г.) замѣнить слѣдующимъ правиломъ: „Лицамъ нехристіанскихъ вѣроученій воспрещается писаніе иконъ, изготовленіе крестовъ и другихъ подобныхъ сему предметовъ чествованія христіанъ, равно какъ всякая вообще торговля всѣми означенными предметами“. II. Въ дополненіе устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, постановить: „за писаніе иконъ, изготовленіе крестовъ и другихъ подобныхъ сему предметовъ чествованія христіанъ, а также за торговлю такими предметами, лица нехристіанскихъ вѣроученій, сверхъ отобранія всѣхъ найденныхъ у нихъ предметовъ означеннаго рода, подвергаются денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей“. Таковое мнѣніе Государственнаго Совѣта

Его Императорское Величество Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. И, по справкѣ, приказали: Объ изъясненномъ въ настоящемъ предложеніи Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта относительно воспрещенія нехристіанамъ изготовлять предметы чествованія христіанъ и торговать таковыми предметами сообщить редакціи „Церковнаго Вѣстника“ по принятому порядку для напечатанія.

III. Отъ 14-го Января—8-го февраля 1885 года, за № 59, о примѣненіи п. 4 ст. 45 Уст. о герб. сборѣ къ прошеніямъ лицъ духовнаго званія.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе товарища г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 16 ноября 1884 г. № 242, при коемъ приложено отношеніе товарища министра финансовъ, отъ 5-го ноября 1884 г. № 2730, по вопросу о примѣненіи п. 4 ст. 45 Уст. о герб. сб. (прим. 1 къ ст. 2 т. V Уст. пошлин. по прод. св. зак. 1883 г.) къ прошеніямъ лицъ духовнаго званія о перемѣщеніи ихъ съ одного мѣста на другое, а также о рукоположеніи ихъ въ тотъ или другой священный санъ. Приказали: Секретарь одной духовной консисторіи обратился къ г. синодальному Оберъ-Прокурору съ представленіемъ о разъясненіи возникшаго въ епархіальномъ управленіи вопроса о томъ, слѣдуетъ-ли подводить подъ дѣйствіе п. 4 ст. 45 Уст. о герб. сб. (прим. 1 къ ст. 2 т. V Уст. пошлин. по прод. св. зак. 1883 г.) одни первоначальныя прошенія лицъ духовнаго званія объ опредѣленіи ихъ на мѣста служенія, или же правило это въ равной мѣрѣ распространяется на всѣ случаи, въ коихъ лица духовнаго званія просятъ о перемѣщеніи ихъ съ одного мѣста на другое, а также о рукоположеніи ихъ въ тотъ или другой священный санъ. Товарищъ министра финансовъ въ отзывѣ, отъ 5-го ноября 1884 г. № 2730, по сему предмету сообщилъ, что по п. 4 ст. 45 Устава о гербовомъ сборѣ отъ сбора изъяты вообще дѣла объ опредѣленіи на мѣста священно и церковно-служительскія, причемъ не оговорено, что льгота эта распространяется только на дѣла о первоначальномъ опредѣленіи духовныхъ лицъ на помянутыя мѣста, и что по мнѣнію его, товарища министра финансовъ, на основаніи 4 п. 45 ст. герб. уст., не подлежатъ оплатѣ гербовымъ сборомъ прошенія и другія бумаги, означенныя въ п. 1 ст. 6 того же устава, равно и разрѣшительныя бумаги не только по дѣламъ о первоначальномъ опредѣленіи духовныхъ лицъ на мѣста священно и церковно-служительскія, но

и по дѣламъ о перемѣщеніи ихъ съ одного мѣста на другое, а также и по дѣламъ о рукоположеніи ихъ въ тотъ или другой священникъ. Признавая полезнымъ настоящее разъясненіе товарища министра финансовъ сдѣлать извѣстнымъ по духовному вѣдомству, для устраненія подобныхъ настоящему недоразумѣній, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: объявить о семъ для надлежащаго въ потребныхъ случаяхъ руководства чрезъ напечатаніе въ „Церковномъ Вѣстникѣ“, сообщивъ для сего редакціи сего журнала выписку изъ настоящаго опредѣленія по принятому порядку.

IV. Отъ 25-го февраля 1885 года за № 369, о награжденіи лицъ духовнаго званія за заслуги по духовному вѣдомству.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленія преосвященныхъ епархіальныхъ архіереевъ о награжденіи подвѣдомственныхъ имъ духовныхъ лицъ за заслуги по духовному вѣдомству. Приказали: на основаніи бывшихъ разсужденій, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: поименованныхъ въ прилагаемомъ при семъ спискѣ духовныхъ лицъ удостоить означенныхъ въ семъ спискѣ наградъ; о чемъ, для объявленія епархіальнымъ преосвященнымъ, напечатать прилагаемый при семъ списокъ таковыхъ лицъ въ журналѣ „Церковный Вѣстникъ“.

Списокъ лицъ духовнаго званія Харьковской епархіи, кои за службу по духовному вѣдомству награждаются Святѣйшимъ Синодомъ ко дню Св. Пасхи въ 1885 году.

а) *Синодъ протоіерей*—Ахтырскаго уѣзда, церкви слободы Борогли, священникъ Георгій *Стишовскій*; б) *наперснымъ крестомъ, отъ Святѣйшаго Снода выдаваемымъ*—г. Харьковъ Свято-Духовской церкви священникъ Николай *Моценковъ*; Старобѣльскаго уѣзда, церкви слободы Литвиновки, священникъ Іоаннъ *Кузнецовъ*; Старобѣльскаго уѣзда, церкви слободы Петропавловки, священникъ Матѣй *Моисеевъ*; соборной Покровской церкви г. Старобѣльска, священникъ Іоаннъ *Касьяновъ*; Изюмскаго уѣзда, церкви села Долгиньскаго, священникъ Григорій *Заводовскій*; Изюмскаго уѣзда, церкви села Барвенкова, священникъ Арсеній *Павловъ*; Богодуховскаго уѣзда, церкви слободы Большой Цисаревки, священникъ Александръ *Артюховскій*; Изюмскаго уѣзда, церкви села Малой Камышевахи, священникъ Александръ *Касьяновъ*; Лебединскаго уѣзда, церкви слободы Ворожбы, протоіерей Іоаннъ *Сапухинъ*; г. Сумъ, Соборно-Преображенской церкви, священникъ Николай *Фесенковъ*; г. Сумъ,

Пророко-Ильинской церкви, священникъ Андрей *Ставровскій*; гор. Купянска, соборной Покровской церкви, священникъ Іоаннъ *Левандовскій*; Харьковскаго уѣзда, церкви слободы Большихъ Проходовъ, священникъ Григорій *Лобковскій*; Сумскаго уѣзда, церкви слободы Ворожбы, священникъ Косьма *Поздняковъ*; в) *камилавкою*—г. Харькова, церкви духовной семинаріи, священникъ Андрей *Чиркинъ*; г. Харькова, Дмитріевской церкви, священникъ Петръ *Мишулинъ*; Зміевскаго уѣзда, церкви слободы Ново-Борисоглѣбска, священникъ Викторъ *Трояновъ*; Сумскаго уѣзда, церкви села Могрицы, священникъ Евѣимій *Ястремскій*; г. Богодухова, Троицкой церкви, священникъ Василій *Власовъ*; Харьковскаго уѣзда, церкви слободы Бабаевъ, священникъ Григорій *Лобковскій*; г. Харькова, университетской Антоніевской церкви, священникъ Іоаннъ *Круцидольскій*; Изюмскаго уѣзда, церкви села Студенца, священникъ Іоаннъ *Бѣлоусовъ*; Купянскаго уѣзда, хутора Кармазиновки, единовѣрческой Николаевской церкви, священникъ Тимоѣей *Раздобаровъ*; г) *скуфью*—церкви—Ново-Александровскаго конскаго завода, Старобѣльскаго уѣзда, священникъ Василій *Кобыляцкій*; Старобѣльскаго уѣзда, церкви Половизкипскаго прихода, священникъ Порфирій *Шокотовъ*; Волчанскаго уѣзда, церкви Ивановскаго Преображенскаго прихода, священникъ Димитрій *Рубинскій*; церкви Ново-Астраханскаго Троицкаго прихода, Старобѣльскаго уѣзда, священникъ Василій *Настѣжкинъ*; Изюмскаго уѣзда, церкви слободы Веревкиной, священникъ Семіонъ *Мухинъ*; Валковскаго уѣзда, церкви села Караванска, священникъ Іоаннъ *Ястремскій*; Валковскаго уѣзда, церкви села Черемушнаго, священникъ Леонидъ *Сильванскій*; Зміевскаго уѣзда, церкви села Борокъ, священникъ Димитрій *Андреенковъ*; Ахтырскаго уѣзда, церкви села Камянки, священникъ Григорій *Проскурниковъ*, и д) *благословеніемъ Святыяго Синода съ грамотою*—начальница Старобѣльской Скорбященской женской общины *Ангелина (Буличь)*.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Архитекторъ Харьковской епархіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Даннловъ* Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ ордена св. Станислава 1 степени.

— Священникъ Георгіевской церкви, сл. Барвенковой, Изюмскаго уѣзда, *Арсеній Павловъ*, перемѣщенъ на настоятельское мѣсто къ Волчанской соборной Троицкой церкви, съ произведеніемъ въ протоіерей.

— Штатный діаконъ Богодуховской соборной Успенской церкви *Димитрій Вышесмірскій* опредѣленъ на праздное священническое мѣсто къ Успенской церкви села Старо-Покровскаго, Зміевскаго уѣзда.

— На праздное священническое мѣсто къ Георгіевской церкви слободы Барвенковой, Изюмскаго уѣзда, перемѣщенъ священникъ Архангело-Михайловской церкви слободы Райгородка, того-же уѣзда, *Іоаннъ Полмицкій*.

— Діаконъ Преображенскаго собора г. Изюма *Іаковъ Лукашевъ* перемѣщенъ штатнымъ діакономъ къ Крестовоздвиженской церкви г. Изюма.

— Рукоположенъ во діакона и. д. псаломщика Преображенской церкви слободы Преображенской Купянскаго уѣзда, къ сей-же церкви, *Іоаннъ Мухомъ*.

— Опредѣленъ псаломщикомъ къ Николаевской церкви слободы Циркуновъ Харьковскаго уѣзда, сынъ священника *Антоній Червонецкій*.

— Дьячковскій сынъ *Елисей Бѣликовъ* опредѣленъ псаломщикомъ къ Николаевской церкви села Новой Рябины, Богодуховскаго уѣзда.

— На праздное псаломщицкое мѣсто къ Изюмскому Преображенскому собору опредѣленъ сельскій народный учитель *Іосифъ Любарскій*.

— Крестьянинъ *Аксентій Нарожный* по прошенію уволенъ отъ должности церковнаго старосты при Рождество-Богородичной церкви слоб. Царе-Борисовой, Изюмскаго уѣзда.

— Староста Воскресенской г. Лебедина церкви, мѣщанинъ *Филиппъ Бахманъ* уволенъ 1 сего апрѣля отъ занимаемой имъ должности.

— Псаломщикъ, діаконъ Вознесенской церкви сл. Бобрика, Сумскаго уѣзда, *Іоаннъ Соколовскій* волею Божіею 21 минушаго марта умеръ.

— Утверждены церковными старостами: къ Харьковскому кафедральному Успенскому собору Харьковскій купецъ *Константинъ Петровичъ Уткинъ*; къ Митрофаніевской церкви слободы Куземовки Купянскаго уѣзда, крестьянинъ *Григорій Тарасовъ Посоховъ*; къ Тихоновской церкви слободы Стельмаховки Купянскаго уѣзда, крестьянинъ *Венедиктъ Кондратовъ Солоха*; крестьянинъ *Алексій Бушевъ* къ Покровской церкви сл. Большой Бабки, Волчанскаго уѣзда; крестьянинъ *Петръ Скуба* къ Николаевской церкви слободы Волкодавовой, Старобѣльскаго уѣзда; къ Покровской церкви слободы Ямной, Богодуховскаго уѣзда, крестьянинъ *Яковъ Евка*.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а .

Священническія: 1) въ слободѣ *Райгородкѣ*, Изюмскаго уѣзда; 2) въ слободѣ *Стѣваковкѣ*, того-же уѣзда. *Псаломщицкое*: въ слободѣ *Ольховаткѣ*, Волчанскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Празднованіе въ Харьковѣ тысячелѣтія со дня блаженной кончины св. Меодія, архіепископа Моравскаго, просвѣтителя славянъ. — О празднованіи тысячелѣтія славянскихъ просвѣтителей Меодія и Кирилла въ г. Ахтыркѣ. — Празднованіе памяти св. Меодія въ С.-Петербургѣ. — Переводъ „Анги-Энциклики“ на французскій языкъ.

Свѣтло и торжественно праздновалъ Харьковъ память великихъ славянскихъ первоучителей свв. Меодія и Кирилла. Торжество было рѣшительно всенародное, и имена свв. братьевъ навсегда напечатлѣются въ памяти харьковскихъ жителей всѣхъ возрастовъ, сословій и состояній. Величію и торжественности праздника особенно много содѣйствовало то, что при обычномъ церковномъ торжествѣ, по распоряженію преосвященнѣйшаго Амвросія, былъ совершенъ крестный ходъ изъ Каѳедральнаго Успенскаго собора съ духовенствомъ, хоругвами и иконами отъ всѣхъ церквей почти чрезъ весь городъ на вновь открываемое Кирилло-Меодіевское кладбище, гдѣ совершена была закладка основанія св. престола для храма, который будетъ тамъ воздвигнутъ во имя свв. Меодія и Кирилла. — Празднованіе началось собственно съ вечера 5 апрѣля, когда повсюду въ городскихъ церквахъ совершено было торжественное всенощное бдѣніе. 6-го апрѣля въ Каѳедральномъ соборѣ божественную литургію совершалъ преосвященнѣйшій Амвросій, епископъ Харьковскій, а въ Воскресенской церкви преосвященный Геннадій, епископъ Сумскій. Въ соборѣ приличное дню слово произнесъ каѳедральный протоіерей Т. И. Павловъ, и на литургіи и молебствіи присутствовали: командующій войсками генералъ-адъютантъ Ѳ. Ѳ. Радецкій, начальникъ губерніи баронъ А. А. Искуль, попечитель учебнаго округа Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ, градскій голова и другія военныя и гражданскія начальствующія лица, члены управы и думы, представители сословныхъ и общественныхъ учрежденій и масса народа, которую не могъ вмѣстить обширный храмъ, такъ что и соборная площадь и прилегающія къ ней улицы были наполнены народомъ. Въ 12 часовъ дня изъ Воскресенской церкви къ Каѳедральному собору направился особый крестный ходъ, который совершалъ преосвященный Геннадій и который, по окончаніи литургіи въ соборѣ, присоединился къ главному крестному ходу изъ собора къ Святодуховской церкви и далѣе на вновь открываемое Кирилло-Меодіевское кладбище. Процессія направлялась въ слѣдующемъ порядкѣ: запрестольный крестъ и хоругви, город-

ское знамя, которое поочередно несли гласные думы и члены управы, архіерейскіе пѣвчіе и все градское духовенство съ иконами; за крестнымъ ходомъ слѣдовали вышешоименованныя почетныя лица, присутствовавшія въ соборѣ, и многотысячное собраніе молящихся сопровождало процессію. Слѣдовавшій впереди и за крестнымъ ходомъ народъ растянулся на протяженіи не менѣе трехъ верстъ. Можно сказать, что большая часть жителей города участвовала въ процессіи. Нѣкоторые изъ очевидцевъ даже утверждаютъ, что стеченіе народа на этомъ торжествѣ превосходило количество молящихся, бывающихъ, обыкновенно, при перенесеніи чудотворной иконы Озерянской Божіей Матери, хотя къ этому времени стекается въ множествѣ народъ изъ окрестныхъ селеній и даже отдаленныхъ мѣстъ губерніи.

Обширная площадь, отведенная городомъ для новаго кладбища, расположена далеко отъ центра города по Чугуевской дорогѣ. Посрединѣ кладбища устроена красивой архитектуры деревянная часовня, въ которой преосвященнѣйшимъ Амвросіемъ и совершена была закладка основанія св. престола для храма. Подъ престолъ положена была мѣдная доска съ надписью о знаменательномъ днѣ основанія храма и посвященіи его имени первоучителей славянскихъ. Всѣ присутствовавшія почетныя лица по обычаю полагали по очереди кирпичи въ основаніе начинаемаго зданія. Это основаніе или каменный столбъ для престола, покрытый досчатымъ покровомъ въ видѣ стола надъ поломъ часовни, обращенной на востокъ, не долго будетъ ожидать стѣнъ и кровли храма и окажется по предполагаемому плану на своемъ мѣстѣ, т. е. въ св. алтарѣ, которымъ и будетъ замѣнена самая часовня *).

Вмѣстѣ съ этимъ, такъ сказать, общимъ чествованіемъ памяти св. братьевъ совершалось частное во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ города. Вездѣ воспитанники и воспитанницы молились своимъ первоучителямъ и вездѣ слушали рѣчи о подвигахъ и заслугахъ свв. подвижниковъ въ дѣлѣ просвѣщенія славянъ. Въ духовной семинаріи предъ литургіею было прочтано посланіе Св. Правительствующаго Синода къ чадамъ православной Россійской Церкви, а на литургіи было произнесено о. ректоромъ семинаріи, протоіереемъ І. Кратировымъ, соответствующее торжеству слово, въ которомъ онъ объяснилъ значеніе апостольскихъ подвиговъ свв. Меодія и Кирилла и въ особенности главнаго ихъ труда по переводу священныхъ и богослужебныхъ книгъ на славянской языкъ, какъ имѣвшаго сильное

*) Для сооруженія храма залвлены уже значительныя пожертвованія.

просвѣтительное и воспитательное значеніе для русскаго народа; при этомъ онъ обратилъ вниманіе и на нѣкоторыя знаменательныя частности въ событіяхъ, на примѣръ, на совпаденіе года (862) призванія Моравскимъ княземъ Ростиславомъ славянскихъ учителей для своихъ подданныхъ съ годомъ призванія новгородцами варяго-русовъ для устроенія земли Русской, которое было подготовленіемъ ко вступленію нашихъ предковъ въ Церковь Христову, а также на то обстоятельство, что равноапостольный Владиміръ принялъ крещеніе въ Херсонесѣ Таврическомъ, въ которомъ останавливались братья-апостолы на пути къ хану Хозарскому и нашли близъ этого города въ Черномъ морѣ мощи знаменитаго ученика апостольскаго св. Климента, епископа Римскаго. Мощи эти (конечно не въ полномъ ихъ составѣ) славянскіе апостолы принесли въ даръ папѣ Адриану II, а впослѣдствіи главная часть этихъ мощей оказалась въ Кіево-Печерскомъ храмѣ, какъ-бы въ знакъ того, что истинное ученіе Христово, проповѣданное епископомъ Климентомъ и засвидѣтельствованное мученическою его смертію, завѣщано имъ Русской православной Церкви.

Послѣ молебна въ 12 часовъ, воспитанники, всѣ служащіе въ семинаріи и нѣкоторые изъ постороннихъ собрались въ общей залѣ, гдѣ должно было совершиться торжественное засѣданіе. Торжество открылось пѣніемъ пасхальнаго тропаря „Христосъ воскресе“. Затѣмъ о. ректоръ взшелъ на кафедру и произнесъ краткую рѣчь, въ которой объяснилъ, что духовно-учебныя заведенія, подготовляющія будущихъ служителей православной Русской Церкви, съ особою торжественностію празднуютъ день памяти свв. апостоловъ славянскихъ, такъ какъ пастыри Церкви Русской—ближайшіе наслѣдники главнаго труда апостоловъ славянскихъ въ ученіи и совершеніи богослуженія, что Св. Писаніе занимаетъ центральное положеніе въ системѣ семинарскаго образованія, и другія науки занимаютъ отъ него свѣтъ и силу; потомъ объявилъ, что воспитанникамъ VI класса, оканчивающимъ курсъ ученія, имѣетъ быть роздано на память о настоящемъ торжествѣ по экземпляру сочиненія извѣстнаго харьковскаго ученаго и писателя, профессора И. В. Платонова—„Анти-Энциклика“, при чемъ кратко указалъ на значеніе этого произведенія особенно въ данное время, когда оно переводится на французскій языкъ и должно будетъ обратить на себя особое вниманіе католической церкви. По окончаніи рѣчи о. ректора, хоръ воспитанниковъ, подъ аккомпаниментъ ученическаго оркестра *),

*) Оркестръ въ настоящее время состоитъ болѣе чѣмъ изъ 25 человекъ, такъ что исполнителей пьесъ вмѣстѣ съ хоромъ было болѣе 50 человекъ.

исполнилъ гимнъ въ честь свв. Меодія и Кирилла, составленный нарочито къ этому торжеству преподавателемъ семинаріи С. Н. Пономаревымъ и положенный на музыку г. А. Иранекъ. Приводимъ слова этого гимна:

Хвала Меодію, Кириллу!

Хвала учителямъ славянъ!

Воспойте вѣщія уста

Труды апостоловъ славянства!

Они молитвъ святое слово,
Когда на проповѣдь къ намъ шли,
Они ученіе Христово
На рѣчь славянъ перевели.

И трудъ апостоловъ славянства
Въ одну семью славянъ сплотилъ
И духъ единства, чувство братства
Въ славянскомъ сердцѣ юзрастилъ...

Воспойте вѣщія уста

Труды апостоловъ славянства!

Хвала Меодію, Кириллу!

Хвала апостоламъ славянъ!

Вслѣдъ за этимъ прекраснымъ въ музыкальномъ отношеніи и прекрасно исполненнымъ гимномъ преподавателемъ Св. Писанія Ѳ. И. Смирновымъ была сказана рѣчь на тему: „Св. Кириллъ и Меодій въ своихъ трудахъ по переводу Св. Писанія на славянскій языкъ“. Сказавъ о томъ, какое важное значеніе имѣлъ переводъ Библии въ дѣлѣ распространенія и упроченія христіанства среди славянъ, г. Смирновъ перешелъ къ доказательствамъ той мысли, что до Кирилла и Меодія не существовало у славянъ перевода Библии, затѣмъ онъ доказывалъ, что переводъ возникъ по собственной инициативѣ славянскихъ первоучителей, что тогдашнія церкви, Византійская и Римская, были противъ переводовъ Писанія на такъ называемые варварскіе языки. Переводъ, по словамъ автора, сдѣланъ былъ на моравское нарѣчіе, и переводчикъ, св. Кириллъ, на первыхъ порахъ хотѣлъ удовлетворить своимъ трудомъ главной потребности—устроить у Моравовъ славянское богослуженіе, почему переведено было сначала не все Св. Писаніе, а только избранныя чтенія, необходимыя для богослуженія. Остальной трудъ по переводу доконченъ былъ однимъ Меодіемъ и уже послѣ смерти своего брата св. Кирилла. Заканчивая свою рѣчь

замѣчаніями о литературныхъ достоинствахъ славянскаго перевода Библии, г. Смирновъ сказалъ, что славянскій переводъ Св. Писанія отъ Моравовъ перешелъ къ Болгарамъ, а отъ послѣднихъ къ намъ—въ Россію, и что, такимъ образомъ, и Русская Церковь обязана благодарностію великимъ трудамъ славянскихъ первоучителей, почему и совершаетъ 6 апрѣля празднество въ память свв. Меѳодія и Кирилла. По окончаніи этой рѣчи, отличавшейся, при серьезности изслѣдованія, живостію и изяществомъ изложенія и простотою языка, благодаря чему она выслушана была всѣми съ живымъ интересомъ, хоръ и оркестръ воспитанниковъ прекрасно исполнили другой гимнъ въ честь первоучителей, муз. Чайковскаго. Послѣ этого гимна воспитанникъ VI класса П. Скубачевскій прочиталъ составленную имъ подробную біографію свв. братьевъ, и затѣмъ исполненъ былъ третій гимнъ—Главача. Послѣ этого г. инспекторомъ семинаріи К. Е. Истоминымъ было роздано воспитанникамъ VI класса сочиненіе г. профессора И. В. Платонова, и актъ закончился пѣніемъ народнаго гимна „Боже, Царя храни“, подъ аккомпаниментъ оркестра.—7-го числа праздникъ былъ ознаменованъ устройствомъ музыкальнаго вечера, который, кромѣ служащихъ въ семинаріи, посѣтили нѣкоторые почетныя лица изъ духовенства и многіе изъ городскихъ жителей. * Вечеръ доставилъ всѣмъ присутствовавшимъ истинное удовольствіе. Прекрасно-организованный оркестръ, которымъ на этотъ разъ дирижировалъ учитель музыки при семинаріи г. Прохаско, и хоръ подъ управленіемъ воспитанника VI класса В. Покровскаго—исполнили всѣ №№ программы безукоризненно хорошо, и справедливо награждены были слушателями выраженіемъ искренняго удовольствія. Въ программу, между прочимъ, кромѣ уже упомянутыхъ трехъ гимновъ въ честь свв. Меѳодія и Кирилла, входило не мало №№ серьезной музыки какъ для оркестра, такъ и для хора. Вечеръ закончился гимнами: „Слався, слався нашъ русскій Царь“ и „Боже, Царя храни“. Такъ отпраздновала наша семинарія великій день памяти свв. первоучителей, и такое празднество доставило всѣмъ истинно высокое наслажденіе и глубокими чертами запечатлѣло имена свв. братьевъ въ сердцахъ юныхъ воспитанниковъ.

Въ духовномъ училищѣ праздникъ прошелъ также съ особенною торжественностію. Послѣ литургіи, на которой также было произнесено слово о заслугахъ свв. братьевъ, воспитанники собрались въ общей залѣ, гдѣ въ присутствіи всѣхъ служащихъ и многихъ изъ постороннихъ лицъ, праздникъ совершенъ былъ по слѣдующей программѣ:

Отдѣленіе I-е: 1) Тропарь: „Христось Воскресе“. 2) Тропарь святымъ „Яко Апостоломъ“. 3) Рѣчь—жизнь и подвиги свв. Кирилла и Меѳодія—произнесъ учитель Н. Н. Любарскій. 4) „Коль славень“—исполнили всѣ ученики. 5) Стихотвореніе въ честь Кирилла и Меѳодія: „Кто Славянинъ“,—соч. Тихомірова—произн. уч. II кл. Никаноровъ. 6) „Шлотію уснувъ“—болгарскаго напѣва, исполнилъ хоръ.

Отдѣленіе II-е: 1) „Царь небесный“ Знаменск. распѣва—испол. всѣ ученики. 2) Рѣчь о значеніи просвѣтительной дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія въ исторіи русскаго просвѣщенія, произн. уч. В. С. Лашенко. 3) 3-я, 5-я и 6-я пѣсни пасхальн. ирмосовъ—исп. хоръ. 4) Стихотвореніе въ честь свв. Кирилла и Меѳодія—„Исторія Славянъ“ соч. Тихомірова. — произн. уч. IV класса Пономаревъ. 5) Другое стихотвореніе тоже въ честь свв. Кирилла и Меѳодія: „Славяне! пѣснію великой!“—произн. ученикъ III класса Котляровъ. 6) Гимнъ свв. Кириллу и Меѳодію, музыка Чайковскаго, исполн. хоръ. Слова предварительно произн. уч. III кл. А. Дюковъ. 7) Экспромптъ памяти свв. Кирилла и Меѳодія, произнесъ авторъ Н. Н. 8) „Слава въ вышнихъ Богу“, Кіевскаго расп.—исп. всѣ ученики. 9) Гимнъ „Боже, Царя храни!“—исполн. всѣ ученики. Затѣмъ учащимся и присутствующимъ розданы жизнеописанія свв. Кирилла и Меѳодія. 10) „Славься, славься, русскій Царь“—исп. всѣ ученики.

Въ женскомъ епархіальномъ училищѣ слово на литургіи произнесъ священникъ о. Г. Волобуевъ. Послѣ литургіи воспитанницы и служащіе собрались въ актовомъ залѣ, гдѣ предъ великолѣбною и дорогою иконою свв. Меѳодія и Кирилла, пожертвованною заведенію, ко дню празднованія ихъ памяти, однимъ изъ московскихъ купцовъ, положенною на покрытомъ богато вышитымъ покрываломъ аналоѣ, обставленномъ тропическими растеніями и украшенномъ живыми весенними цвѣтами, воспитанницы пропѣли тропарь и кондакъ прославляемымъ святымъ, затѣмъ о. предсѣдателемъ Совѣта, священникомъ Т. Буткевичемъ, было прочитано посланіе Св. Правительствующаго Синода къ чадамъ православной Россійской Церкви, послѣ чего воспитанницы пропѣли гимнъ въ честь Кирилла и Меѳодія—муз. Малашкина. По окончаніи пѣнія, преподавателемъ А. А. Снегиревымъ была прочитана рѣчь на тему: „просвѣтительная дѣятельность свв. Меѳодія и Кирилла и ея значеніе для русскаго народа“. Сказавъ сначала о поводѣ къ торжеству, г. Снегиревъ въ сжатомъ, но обстоятельномъ очеркѣ обрисовалъ про-

свѣтительную дѣятельность свв. апостоловъ, охарактеризовавъ ихъ, какъ поборниковъ православія; затѣмъ, во второй части, онъ, при раскрытіи значенія для русскаго народа трудовъ славянскихъ просвѣтителей по переводу книгъ Св. Писанія и книгъ богослужебныхъ на славянскій языкъ,—указавъ на то, какое благотворное вліяніе имѣли они на успѣхи христіанства въ Россіи въ первое время, на религіозно-нравственное воспитаніе русскаго народа, выяснилъ, какъ переводомъ книгъ на славянскій языкъ, при которомъ свв. переводчики должны были бороться со множествомъ трудностей, свв. братья положили начало русской письменной литературѣ, въ частности—образованію и развитію книжнаго, литературнаго языка; закончилъ авторъ рѣчь общимъ взглядомъ на всѣ заслуги свв. первоучителей и выраженіемъ молитвенно-благодарственнаго къ нимъ чувства. Строгою систематичностію, изяществомъ и живостію слога и прекраснымъ произношеніемъ рѣчь произвела замѣтное впечатлѣніе на слушателей. Послѣ этого воспитанницы исполнили другой гимнъ въ честь свв. Меодія и Кирилла—муз. Главача; затѣмъ воспитанница VI класса Н. Попова прочитала стихотвореніе, посвященное памяти первоучителей. Актъ закончился прекраснымъ исполненіемъ народнаго гимна „Боже, Царя храни“.

Передадимъ теперь въ краткихъ чертахъ, какъ чествовалась память свв. славянскихъ апостоловъ въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Первыми по времени пачали праздновать ученики всѣхъ городскихъ училищъ. Къ 10 часамъ утра они собраны были всѣ въ Биржевой залъ, гдѣ совершенно было молебствіе.

Предъ молебствіемъ въ залъ прибыли г. командующій войсками, г. начальникъ губерніи, гг. губернскій и уѣздный предводители дворянства, г. городской голова, члены управы, гласные думы и попечители школъ; представителемъ отъ учебнаго вѣдомства былъ инспекторъ народныхъ училищъ. Передъ молебствіемъ законоучитель 1-го приходскаго училища сказалъ слово о первоучителяхъ славянъ. Во время молебствія пѣлъ хоръ, составленный изъ учениковъ городскихъ училищъ; тотъ-же хоръ исполнилъ сочиненную для этого торжества кантату въ честь свв. Кирилла и Меодія, „Боже, Царя храни“! и „Коль славенъ нашъ Господь“. По желанію присутствовавшихъ, кантата и народный гимнъ были повторены. Чрезвычайно оживленную картину представляла зала, когда, затѣмъ, г. начальникъ губерніи и другія присутствовавшія почетныя лица начали раздачу дѣтямъ брошюръ „Житіе свв. равноапостолѣвъ“.

стольныхъ Кирилла и Меѳодія“, и лакомствъ: сотни маленькихъ рукъ протянулись къ почетнымъ присутствовавшимъ особамъ, принявшимъ на себя раздачу этихъ подарковъ.

Жизнеописанія свв. Кирилла и Меѳодія раздавались и въ соборѣ, при чемъ жертвовали, кто сколько можетъ.

— Въ уѣздномъ училищѣ ученики были также собраны къ 10 часамъ утра.

По прибытіи г. директора народныхъ училищъ Харьковской губерніи *Н. Г. Жаворонкова*, торжество открылось молебствіемъ, передъ началомъ котораго законоучителемъ о. Стефаномъ Любичкинымъ былъ прочтенъ указъ Святѣйшаго Синода о чествованіи дня, причемъ уважаемый наставникъ въ короткихъ, но живыхъ словахъ познакомилъ учащихъ съ различными родами дѣятельности святыхъ вообще, выяснилъ значеніе для насъ, русскихъ, рудовъ свв. Кирилла и Меѳодія, которыхъ православная Церковь назвала „равноапостольными“, а мы своими „первоучителями и просвѣтителями“.

Послѣ молебствія учителемъ русскаго языка была произнесена общедоступно-изложенная рѣчь о жизни и дѣятельности свв. братьевъ Кирилла и Меѳодія.

— Въ первой мужской гимназіи послѣ молебствія и литургіи, на которой было сказано слово законоучителемъ, преподавателемъ г. Высоцкимъ было прочитано жизнеописаніе чествуемыхъ славянскихъ первоучителей, затѣмъ хоромъ учениковъ исполнена была кантата, посвященная ихъ памяти; кромѣ того преподаватель г. Линда произнесъ рѣчь о значеніи просвѣтительной дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія; рѣчь произвела на слушателей сильное впечатлѣніе; торжество завершилось народнымъ гимномъ.

— Во второй гимназіи послѣ литургіи и молебствія, въ роскошно декорированной живыми цвѣтами залѣ, преподавателемъ Знаменскимъ сказана была рѣчь, затѣмъ учениками были пропѣты тропарь и гимнъ въ честь свв. Кирилла и Меѳодія.

— Въ третьей гимназіи въ торжественномъ залѣ выставлено было прекрасно исполненное воспитанникомъ 5 класса П. Брайковымъ изображеніе свв. Кирилла и Меѳодія. Такъ-же, какъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, здѣсь было отслужено молебствіе, послѣ котораго протоіереемъ А. Ѳедоровскимъ была сказана проповѣдь, затѣмъ воспитанникъ 5 кл. А. Чернай прочелъ довольно обстоятельно изложенное жизнеописаніе славянскихъ первоучителей. Далѣе исполненъ былъ гимнъ въ честь ихъ, музыка котораго написана

А. А. Котляревскимъ, а слова воспит. 7 кл. В. Каплуновскимъ, который также прочелъ стихотвореніе своего сочиненія. Послѣ гимна на каеелрѣ появился восп. 5 кл. Петровскій и произнесъ свои стихи „Св. Меѳодій передъ папой“; преподавателемъ г. Гутниковымъ сказана была краткая рѣчь, относящаяся къ данному случаю; воспитанникъ 5 кл. г. Головковъ прочелъ написанное имъ стихотвореніе— „Легенда о св. Кириллѣ“, которое отличается даже нѣкоторыми литературными достоинствами, и въ заключеніе исполненъ былъ народный гимнъ.

— Въ реальномъ училищѣ послѣ молебствія священникомъ о. Любарскимъ была сказана рѣчь, затѣмъ хоромъ подъ управленіемъ г. Балакоса исполненъ былъ гимнъ въ честь свв. Кирилла и Меѳодія; преподавателемъ г. Головинымъ прочитана была монографія и, наконецъ, исполненъ былъ народный гимнъ.

— Первая Маріинская женская гимназія отпраздновала этотъ день такимъ образомъ: передъ изображеніемъ свв. Кирилла и Меѳодія, убранномъ живыми цвѣтами, поставленномъ на столѣ съ вышитой въ славянскомъ вкусѣ скатертью, было отслужено молебствіе, о. А. Щелкуновъ произнесъ рѣчь. Затѣмъ ученицы Гредескуль и Левандовская прочли свои сочиненія: 1-я— „жизнеописаніе свв. Кирилла и Меѳодія“, а 2-я— о трудности и важности изобрѣтенія азбуки; кромѣ того: ученицы Кривская и Алчевская прочли стихотворенія Иванова и Никольскаго, посвященные памяти свв. Кирилла и Меѳодія, и, наконецъ, хоромъ ученицъ подъ управленіемъ К. П. Реймерсъ пропѣтъ былъ народный гимнъ.

— Въ второй женской гимназіи послѣ молебствія пропѣтъ былъ гимнъ въ честь свв. Кирилла и Меѳодія, преподавателемъ г. Скиндеромъ сказана была рѣчь и въ заключеніе исполненъ былъ народный гимнъ.

Частныя учебныя заведенія также торжественно чтили память свв. великихъ учителей славянства. Всюду было совершено торжественное молебствіе, всюду были говорены соотвѣтствующія торжеству рѣчи, пѣлись гимны въ честь свв. братьевъ-подвижниковъ и читались стихотворенія, посвященные памяти свв. Меѳодія и Кирилла. Словомъ, торжествовали всѣ и всюду.

Прекрасная ясная погода и цѣлодневный звонъ въ церквахъ какъ пельзя болѣе содѣйствовали успѣху праздника, такъ что еще разъ скажемъ, что память о великихъ учителяхъ славянъ свв. Меѳодія и Кириллѣ и объ ихъ заслугахъ для славянскаго народа сильно запечатлѣлась въ сердцахъ жителей Харькова всѣхъ возрастовъ, сословіи и состояній.

— Университетъ чтить память свв. первоучителей славянъ въ воскресенье 7 апрѣля. Въ этотъ день въ 1 часъ дня въ актовомъ залѣ университета состоялось торжественное собраніе, на которомъ присутствовали: попечитель Харьковскаго учебнаго округа Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ, командующій войсками Харьковскаго округа генералъ - адъютантъ Ѳ. Ѳ. Радецкій, начальникъ губерніи баронъ А. А. Иксуль, корпусный командиръ генералъ-адъютантъ А. А. Свѣчинъ, вице-губернаторъ В. О. Сосновскій, начальникъ штаба генералъ-маіоръ Элерсъ, ректоръ университета И. П. Щелковъ, профессора и довольно многочисленная публика. Торжество открылось въ часъ дня чтеніемъ профессора г. Безсонова.

Въ своей публичной рѣчи, профессоръ Безсоновъ далъ весьма обстоятельный очеркъ всѣхъ мѣстностей, гдѣ жили и дѣйствовали свв. просвѣтителі славянъ, особенно-же Моравіи и придунайскихъ странъ, затѣмъ перешелъ къ очень обширному очерку жизни свв. братьевъ, и событіямъ послѣ смерти св. Меѳодія; въ заключеніе, сообщивши о предпринимаемыхъ археологическихъ изысканіяхъ относительно мѣстъ погребенія свв. братьевъ, г. лекторъ сказалъ, что настоящее торжественное празднованіе памяти свв. просвѣтителей славянства есть вмѣстѣ и всемірное торжество, такъ какъ представляетъ торжество побѣды правды, свободы мысли, чувства и слова и торжество идеи національности. Послѣ рѣчи г. профессора, сопровождавшейся дружными аплодисментами слушателей, прогнѣты были величанія свв. братьямъ и въ заключеніе народный гимнъ. Послѣ гимна г. Безсоновъ предложилъ на разсмотрѣніе нѣкоторымъ изъ присутствовавшихъ нѣсколько фотографическихъ снимковъ съ наиболѣе важныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминавшихся въ рѣчи.

Въ 8 часовъ вечера въ аудиторіи № 1 происходило засѣданіе историко-филологическаго общества, подѣ председательствомъ профессора А. А. Потебни. Засѣданіе почтѣло своимъ присутствіемъ г. попечитель учебнаго округа Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ. Первое сообщеніе было сдѣлано А. А. Потебнею, сообщившимъ о смерти Н. И. Костомарова; при этомъ была сдѣлана краткая характеристика дѣятельности покойнаго и его значенія въ русской наукѣ. Сообщеніе г. профессора произвело сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ. Второе сообщеніе было сдѣлано М. С. Дриновымъ, указавшимъ на то, что память о свв. просвѣтителяхъ славянства и ихъ чествованіе непрерывно продолжались во всѣхъ славянскихъ земляхъ до настоящаго времени, ослабляясь впрочемъ по временамъ подѣ давленіемъ разныхъ обстоятельствъ. Рѣчь свою г. референтъ

закончилъ заявленіемъ, что настоящій день есть, между прочимъ, и день торжества науки, такъ настойчиво и успѣшно разрабатывавшей вопросы относительно дѣятельности свв. братьевъ и тѣмъ способствовавшей усиленію духа единенія между славянскими племенами и уясненію задачъ и цѣлей славянской національности. Третьимъ докладомъ А. А. Потебня указалъ на сильное общеніе южнославянскихъ народностей съ русскою въ области народной словесности помимо литературныхъ вліяній и въ доказательство этого общенія разобралъ извѣстную южнорусскую думу объ Алексѣѣ Поповичѣ. Оба послѣднія сообщенія вызвали дружныя и продолжительныя рукоплесканія.

— Праздникъ тысячелѣтія св. просвѣтителей славянъ Меодія и Кирилла надолго останется памятнымъ для всѣхъ жителей города Ахтырки и особенно для мѣстныхъ учебныхъ заведеній. Торжественностію богослуженія онъ напоминалъ намъ дни пасхальнаго торжества, а благоговѣйнымъ настроеніемъ и религіознымъ воодушевленіемъ всѣхъ участниковъ празднества внушалъ мысль, какъ велика любовь православныхъ сыновъ Россіи къ своимъ просвѣтителямъ-отцамъ и какъ крѣпка нравственная связь, которая соединяетъ учениковъ православія съ ихъ приснопамятными учителями.

Еще наканунѣ праздника за всеобщимъ бдѣніемъ обширный Покровскій соборъ былъ полонъ молящимися, въ самый-же день праздника, 6 апрѣля, толпы народа занимали уже церковную ограду и городскую площадь, куда по окончаніи литургіи крестнымъ ходомъ направилась и вся церковная процессія при участіи всѣхъ учебныхъ заведеній, сословныхъ представителей города, гражданскихъ и военныхъ чиновъ и массы народа. Здѣсь подъ открытымъ небомъ, при тихой и ясной погодѣ, мѣстнымъ благочиннымъ, о. протоіереемъ Клементьевымъ совершено было торжественное молебствіе при участіи градскаго духовенства и соборнаго пѣвческаго хора. Предъ началомъ молебствія о. протоіереемъ было прочитано посланіе Св. Синода къ православной русской паствѣ по поводу торжества тысячелѣтія просвѣтителей славянскихъ. Чтеніе посланія и благоговѣйное къ нему вниманіе тысячъ народа, соединившихся въ молитвѣ какъ одинъ человѣкъ, стройное и гармоническое пѣніе соборнаго хора, свѣтлыя пасхальныя одежды священнослужителей и сіяющія духовною радостію лица простаго и образованнаго народа,—все это придавало празднику необыкновенно свѣтлый, торжественный видъ. Казалось, въ день тысячелѣтія православія, насажденнаго св. братьями-просвѣтителями, внимали молитвѣ вѣрныхъ

сыновъ православія небо и земля, и умилительно было въ особенности слышать заключительныя слова благодарственной молитвы: „Слава Тебѣ, Богу, Благодѣтелю нашему“, за которыми слѣдовало многолѣтіе Государю Императору и всему царствующему дому, Св. Правительствующему Синоду и преосвященнѣйшему Амвросію, епископу Харьковскому и Ахтырскому, и всѣмъ православнымъ христіанамъ.

Пѣніемъ гимна въ честь просвѣтителей славянъ Меодія и Кирилла и народнаго гимна „Боже, Царя храни“ закончилось народное торжество жителей г. Ахтырки въ честь просвѣтителей Меодія и Кирилла. Но этимъ не окончился праздникъ для учебныхъ заведеній города.

Въ тотъ же день, по окончаніи молебствія, въ Ахтырскомъ духовномъ училищѣ и мужской прогимназіи происходили торжественныя собранія наставниковъ и воспитанниковъ, посвященныя воспоминанію религіозно-просвѣтительной дѣятельности и незабвенныхъ историческихъ заслугъ св. братьевъ на пользу духовнаго просвѣщенія всего славянскаго міра вообще и нашего роднаго отечества въ особенности. Вотъ какъ происходило это торжество въ Ахтырскомъ духовномъ училищѣ. Къ часу дня наставники и воспитанники училища, члены правленія отъ духовенства и постороннія лица собрались въ училищную столовую залу. Актъ начался троекратнымъ пѣніемъ пасхальнаго тропаря „Христосъ воскресъ“, по исполненіи котораго смотритель училища обратился къ воспитанникамъ съ рѣчью, въ которой яснымъ и удобопонятнымъ для дѣтей языкомъ раскрылъ значеніе праздника и указалъ на тѣ высокія заслуги, которыя оказаны св. первоучителями. Рѣчь произвела на всѣхъ глубокое впечатлѣніе.

По окончаніи этой рѣчи всѣми воспитанниками училища подъ управленіемъ учителя пѣнія были стройно пропѣты тропарь, кодакъ и величаніе виновникамъ торжества, свв. Меодію и Кириллу. Затѣмъ на средину залы вышелъ воспитанникъ 4 класса и прочиталъ изготовленное къ этому дню всѣми воспитанниками того же класса и признанное лучшимъ свое сочиненіе „о жизни и трудахъ св. Кирилла и Меодія, первоучителей славянскихъ“. Рѣчь воспитанника отличалась ясностію и выразительностію произношенія и общепонятностію и стройностію изложенія.

Въ заключеніе акта всѣмъ училищнымъ хоромъ, при участіи соборнаго—была исполнена славянская кантата въ честь Меодія и Кирилла: „обнимись славянскій братъ“, древней славянской мелодіи въ передоженіи Чайковскаго. Актъ закончился народнымъ гимномъ

„Боже, Царя храни“, который былъ пропѣтъ всѣми воспитанниками. Такъ совершилось торжество тысячелѣтія славянскихъ просвѣтителей въ г. Ахтыркѣ.

— 6 апрѣля населеніе сѣверной столицы русско-славянскаго царства съ ранняго утра тѣснилось въ храмахъ и тысячами окружало ихъ съ обнаженными головами. Общая молитва проявляла народное самосознаніе, а одушевленное религиозное настроеніе прямо указываетъ, что народъ глубоко понимаетъ значеніе тысячелѣтняго юбилея славянскихъ апостоловъ, первыхъ борцовъ за славянское дѣло. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ имѣются церкви, отслужены литургии, а затѣмъ пастыри и преподаватели русской словесности бесѣдовали съ воспитанниками о великихъ подвигахъ просвѣтителей. Войска творили молитву въ полковыхъ церквахъ, а затѣмъ внимали усердно поясненіямъ своихъ пастырей, почему Россія должна крѣпко держать знамя свв. Кирилла и Меѳодія. Необычайное движеніе происходило на Невскомъ проспектѣ, Большой Морской и Исаакіевской площади. По этому направленію, отъ собора Казанскаго до Исаакіевскаго, тянулся величественный крестный ходъ, причѣмъ гудѣли въ ладъ колокола церквей. Несмѣтный народъ благоговѣнно сопровождалъ шествіе. У западнаго входа Исаакіевскаго собора маститый владыка Исидоръ, принявъ икону, осѣнилъ ею народъ. Послѣ литургии прочтено было съ кафедры посланіе Святейшаго Синода. Предъ началомъ молебна во славу святителямъ, громовое *ура*, прокатившееся по улицамъ въ направленіи отъ церкви Вознесенія, возвѣстило, что Царь, Царица и Наслѣдникъ Цесаревичъ приближаются. Тѣсно сплоченная на площади стотысячная толпа восторженно встрѣтила Ихъ Величества, ѣхавшихъ въ открытой коляскѣ съ Государемъ Наслѣдникомъ. Во время молебна, чрезъ открытыя двери собора прозвучало на площади пѣніе соединенныхъ трехъ хоровъ пѣвчихъ: *Побѣды дая ему на сопоставы*, на площади раздавалось *ура!* Картина была дивная, сто тысячъ молящихся колѣнопреклонно усердно вторили пѣвчимъ. Нѣтъ пера, нѣтъ красокъ описать народный восторгъ, когда по окончаніи богослуженія Государь Императоръ показался на соборной паперти.

7-го апрѣля вечеромъ, въ залѣ дворянскаго собранія, происходило торжественное собраніе Славянскаго Благотворительнаго Общества. Зала была украшена хоругвями славянскихъ національностей и великолѣпно иллюминирована. Присутствовали: министры — Гирсъ, Деляновъ и Набоковъ, много духовныхъ лицъ и генераловъ, всѣ славянскіе гости, академики, профессора и масса публики. По-

слѣ пѣнія и благословенія архіерейскаго, предсѣдатель, генераль Дурново благодарилъ славянскихъ гостей, прибывшихъ на всероссійскій и всеславянскій праздникъ; выразилъ надежду, что пріѣздъ ихъ послужитъ связью между славянскими племенами и предзнаменованіемъ ихъ единенія, къ которому русское общество всегда стремилось, памятуя завѣты первоучителей славянства. Затѣмъ начались рѣчи. Ристичъ говорилъ по-сербски, Наумовичъ—по-русски и закончилъ энергическимъ: „Живіо, Царь! Живіо, великая Россія“. Изъ русскихъ ораторовъ съ сочувствіемъ встрѣчена рѣчь Ламацкаго—о распространеніи славянскаго народа отъ Ледовитаго океана до Черногоріи. Восторженно встрѣчена публикою телеграмма изъ Черногоріи и привѣтствіе, присланное изъ Кіева митрополитомъ Михаиломъ.

Того-же числа состоялась гражданская часть празднества въ память свв. Кирилла и Меѳодія. Въ Михайловскомъ манежѣ, роскошно убранномъ флагами и хоругвями съ гербами славянскихъ народностей, былъ устроенъ общедоступный концертъ. Присутствовали Августѣйшія Особы, члены Славянскаго Общества и славянскіе гости. Концертъ начался съ гимна свв. Кириллу и Меѳодію, исполненнаго пѣвчими гвардейскихъ полковъ и канеллою г. Славянскаго, всего въ 800 человекъ. Затѣмъ исполнены: русскій, черногорскій, болгарскій, сербскій и другіе славянскіе гимны. Настроеніе публики было самое торжественное. Для народа въ Солянскомъ Городкѣ, городской думѣ и другихъ мѣстахъ происходили чтенія о святыхъ братьяхъ, сопровождавшіяся туманными картинами, музыкой и пѣніемъ.

— Въ предыдущей мартовской книжкѣ нашего изданія (Лист. № 6) мы приглашали, находящагося съ нами въ общеніи, почтеннаго издателя, въ Парижѣ, строго-православнаго журнала: *L'union Chrétienne*, о. Владиміра Геттэ,—въ виду всеславянскаго празднества въ честь свв. Кирилла и Меѳодія, принять на себя трудъ, для выщей гласности, перевести на французскій языкъ, одобренное Святѣйшимъ Синодомъ и вполне опѣненное православною публицистикой, сочиненіе профессора И. В. Платонова, извѣстное подъ названіемъ „Анти-Энциклики“, какъ могущее служить отпоромъ тѣмъ посягательствамъ, какія католичество, въ устроенномъ имъ съ нарочитымъ великолѣпіемъ, по тому-же случаю, празднествѣ дѣлаетъ на православіе славянъ. Какъ почтенный защитникъ нашего православія на Западѣ, отецъ Геттэ, самъ отъ себя, *proprio motu*, въ мартовской-же книжкѣ своего изданія, объявляетъ, что, находи

„Анти-Энциклику“ рѣшительнымъ и безотвѣтнымъ опроверженіемъ на всѣ ложныя утвержденія папы Льва XIII въ его буллѣ: Grande munus и „дѣлающимъ честь религіозной литературѣ Россіи“ (cet ouvrage est une refutation peremptoire de toutes les fauses assertions du pape Léon XIII et... fait honneur à la Litterature religieuse de Russie), съ слѣдующей апрѣльской книжки, какъ совпадающей со временемъ празднества, начинается печатаніе французскаго перевода произведенія г-на Платонова, — перевода, такъ „интереснаго для серьезно религіозныхъ людей Запада, слишкомъ въ маломъ числѣ понимающихъ языкъ подлинника“ и „въ странѣ, гдѣ такъ мало извѣстна серьезная литература Россіи“.

Радуемся за православіе, получающее, чрезъ такое распространеніе на общедоступномъ языкѣ этого вѣроохранительнаго сочиненія, особое обезпеченіе успѣха своего празднества, и отъ души благодаримъ достоуважаемаго редактора de L'union Chrétienne, что онъ пришелъ къ мысли сдѣлать свой журналъ орудіемъ этого распространенія.

Надѣмся, что опубликованіемъ полемическаго сочиненія г-на Платонова на французскомъ языкѣ, да еще усиленнаго и обостренаго прибавленіемъ новыхъ обличительныхъ документовъ, изъ католическаго-же міра взятыхъ, папа Левъ XIII будетъ окончательно обличенъ въ неправотѣ его притязаній на принадлежность свв. Кирилла и Меѳодія Западу, а слишкомъ усердные пропагандисты католичества будутъ изобличены въ незаконности ихъ посягательствъ на православіе славянъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Вышелъ въ свѣтъ второй и послѣдній выпускъ вѣстнаго сочиненія *Амедея Тьерри*
НЕСТОРИЙ И ЕВТИХІЙ, ЕРЕСІАРХИ V ВѢКА,

дополненный и переработанный Д. Поспѣховымъ. Цѣна каждаго выпуска 1 р. 50 к., а обохъ 3 р. съ пересылкою. Адресоваться въ Кіевъ къ профессору духовной академіи Д. В. Поспѣхову.

Вышло въ свѣтъ сочиненіе священника *Георгія Надеждинскаго* подъ заглавіемъ:
**Православное ученіе о христіанскихъ добродѣтеляхъ: вѣрѣ, надеждѣ
 и любви,**

изложенное въ видѣ бесѣды священника съ прихожанами, живущими въ кругу раскола и вѣтцевъ колонистовъ разныхъ исповѣданій. Цѣна безъ пересылки 1 р. 80 к., а съ пересылкою 2 р. Адресоваться къ автору въ г. Аткарскъ, Саратов. губ., въ село Голицыно, или-же въ г. Саратовъ—въ типографію Θεокритава.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1885 году будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первые двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ по полудни; въ это же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.